

Министерство образования и науки Республики Таджикистан
Худжандский государственный университет
имени академика Б. Гафурова

На правах рукописи

ИГАМОВА ИРОДА ХУДОЙБЕРДИЕВНА

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ И
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ В ИРАНЕ
(НА ОСНОВЕ НАСЛЕДИЯ АБДУЛХУСАЙНА ЗАРРИНКУБА)

Специальность: 10.01.03 – Литература народов зарубежных стран
(литература Ирана)

Диссертация
на соискание учёной степени кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических
наук, доцент Саидумрон Саидов

Душанбе – 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3-13
ГЛАВА I. МЕСТО АБДУЛХУСАЙНА ЗАРРИНКУБА В ИРАНСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ XX ВЕКА.....	14-69
1.1. Иранское литературоведение и литературная критика XX века	14-26
1.2. Краткая биография Абдулхусайна Зарринкуба.....	26-37
1.3. Научное и художественное наследие Абдулхусайна Зарринкуба.....	37-56
1.4. Классификация научно-художественного наследия учёного.....	56-69
ГЛАВА II. ВКЛАД АБДУЛХУСАЙНА ЗАРРИНКУБА В РАЗВИТИИ ИРАНСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ XX ВЕКА.....	70-116
2.1. Монографические произведения Абдулхусайна Зарринкуба.....	70-82
2.2. «С улице риндов» и хафизоведение Абдулхусайна Зарринкуба.....	82-98
2.3. Место «Секрет свирели» в мавлавиведении и масневиведении.....	98-115
ГЛАВА III. ИССЛЕДОВАНИЕ ВАЖНЕЙШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ АБДУЛХУСАЙНА ЗАРРИНКУБА И ИХ СТИЛИСТИКИ.....	116-149
3.1. Изучение произведений литературной критики Абдулхусайна Зарринкуба.....	116-127
3.2. Анализ и изучение «Литературной критики» Абдулхусайна Зарринкуба.....	127-138
3.3. Стилистика литературоведческих произведений Абдулхусайна Зарринкуба.....	138-149
Заключение	152-155
Библиография	155-165

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения темы. Современное персидское литературоведение, как самостоятельная наука, пережило первый этап своего становления в первой четверти XX столетия. В этот период в мир литературоведения вступили выдающиеся исследователи, к числу которых относятся Аллома Мухаммад Казвини (1877-1949), Маликушшуара Бахор (1886-1951), Ахмад Касрави (1890-1945), Касим Гани (1892-1952), Содик Ризаде Шафак (1892-1951), Лутфали Суратгар (1892-1962), Гуломризо Рашид Ёсами (1894-1951), Саид Нафиси (1895-1966), Аббос Икбал Оштиёни (1896-1955), Бадеуззаман Фурузонфар (1897-1970), Джалалуддин Хумои (1896-1980). Упомянутые учёные относятся к первому поколению современных иранских литературоведов. Создав научное наследие в русле формирования современного литературоведения Ирана, они смогли подготовить благоприятную почву для становления второго поколения литературоведов. Вслед первому поколению исследователи Муджтабо Минуи (1903-1977), Мухаммад Муин (1914-1971), Парвиз Нотили Хонлари (1914-1990), Забехулла Сафо (1911-1999), Риза Барохани (род. 1935), Мухаммадриза Шафеи Кадкани (род. 1939), Бахауддин Хуррамшохи (род. 1945) и другие, признаны представителями второго поколения литературоведов Ирана. Среди второго поколения литературоведов Ирана критик, исследователь суфизма, историк, поэт и прозаик Абдулхусайн Зарринкуб (1923-1999) занимает особое место обширной научной деятельностью. Он оставил после себя ценное научное, литературное наследие в области литературной критики, мистицизма и суфизма, истории литературы и культуры Ирана. Указанный автор в истории современного литературоведения Ирана определил своё место статьями, научными и литературными произведениями специфического стиля, создав своим наследием и научным подходом своеобразную школу литературоведения и историографии новейшего поколения исследователей Ирана, по сегодняшний день продолжающую начатое им дело и защищающую его научные идеи.

Изучение и исследование жизнеописания, исследование многогранной научной деятельности этого выдающегося критика, представление его научного облика, содержания литературоведческого наследия в таджикском литературоведении относится к числу новых и актуальных проблем, разработка которых будет способствовать заложению основ развития современной литературной критики, истории литературы суфизма, научно-литературных связей, точному и объективному изучению жизни и литературного наследия современных и классических поэтов.

Кроме того, с изучением и исследованием данной темы расширятся возможности осознания проблем современного литературоведения Ирана, что образует основу для освоения передового научного и литературного опыта выдающихся литературоведов этой страны.

Изучение и исследование жизнеописания, исследование многогранной научной деятельности этого выдающегося критика, представление научного портрета, содержания и смысла его литературоведческого наследия в таджикском литературоведении относится к числу новых и актуальных проблем, разработка которых будет способствовать заложению основ развития современной литературной критики, истории литературы суфизма, научно-литературных связей, точному и объективному изучению жизни и литературного наследия современных и классических поэтов.

Степень изученности темы. Исследования жизни и творчества Абдулхусайна Зарринкуба находятся на первой стадии развития. В течение почти шестнадцати лет после смерти Абдулхусайна Зарринкуба иранскими учёными написано значительное количество научных статей, написаны две отдельные книги критического характера и одна книга, посвящённая критике его исторического наследия. Большая часть статей иранских учёных, посвящённого жизни и творчеству этого выдающегося критика и историка, чествуящие его ещё в период жизни и после смерти, издана во многих журналах. Написанные ими и собранные исследователями Алиасгаром Мухаммадхони, Али Дехбоши, Мухаммадджавоном Хакшинос статьи опубликованы в сборниках статей «В дар

Зарринкубу» (1355//1976 г.), «Древо просвещения» (1376//1997 г.), «Памятник доктору Абдулхусайну Зарринкубу» (1376//1997 г.), «Золотая летопись» (1379//2000 г.), «На обратном пути» (1380//2001 г.), «Воин науки, воин культуры» (1383//2004 г.), «Статьи национального симпозиума критики и изучения научного наследия и воззрений доктора Абдулхусайна Зарринкуба» (1383//2004 г.). На основе статей, посвященных Абдулхусайну Зарринкубу, другой иранский исследователь Хушанги Игтиход подготовил отдельную книгу под названием «Современные исследователи Ирана - 12» (1387//2008 г.). В сборниках и указанных книгах собраны статьи и размышления литературоведов и исследователей Бахауддина Хуррамшохи [101, 95-102], Абдулкарима Суруша [91, 91, 92, 95], Мухаммадали Надушана [101, 75-79], Эраджа Афшара [101, 85-89], Камар Ориёни [101, 59-62], Мухаммада Хонсори [101, 161-168], Абдуллаха Ориёнфара [101, 41-54] и других, посвященных научной деятельности и наследию Абдулхусайна Зарринкуба.

Критические труды «Зарринкуб и литературная критика» (2012) Эраджа Порсинаджода и «Золотая критика» Нardжис Афшари (2012) посвящены критическому рассмотрению литературно-критического наследия Абдулхусайна Зарринкуба. «История и историография» Мухаммада Бахтияри посвящена критике исторических трудов и стилю изложения исторического наследия Абдулхусайна Зарринкуба.

В современном таджикском литературоведении нет достаточно полных и самостоятельных научных исследований, посвящённых жизни, научной и литературной деятельности Абдулхусайна Зарринкуба, как литературоведа и историка. Однако его научное наследие из числа «Исламская цивилизация» [6], «Ценность суфийского наследия» [7], «Поиски в суфизме Ирана» [2; 30], «С караваном размышлений» [17], «Литературная критика» [18], «Дружба с литературной критикой» [42] по сравнению с другими произведениями использовались философами и литературоведами. Также таджикские литературоведы, хорошо знакомы и всесторонне изучили содержание сборников его статей «Воспоминания и размышления: статьи, критика и примечания» [26],

«О других вещах» [29], «Ни восточный, ни западный, человеческий» [28], «С караваном обновок» [20], «Тетрадь времени» [36], «Рисунок на воде» [38], «Рассказ все ещё продолжается» [44]. В том числе, таджикский литературовед Абдулманнон Насриддин, отдавая дань уважения личности Абдулхусайна Зарринкуба, привёл его мнение в своём научном труде. В начале введения книги «Текстология литературного наследия» он приводит мнение Абдулхусайна Зарринкуба: «Критика текста важнейшая и точнейшая и, в определённой степени, самая научная и достоверная часть литературной критики» [64, 3]. Это утверждение является признанием не только глубочайшей мысли теоретика литературной критики в персоязычных странах - Абдулхусайна Зарринкуба одним из выдающихся таджикских литературоведов, а также является своего рода оценкой. Профессор Абдулманнон Насриддин наряду с учёными Европы, Ирана, России, Таджикистана, показал Абдулхусайна Зарринкуба, «как основателя теоретического фонда и эффективных способов критики и корректуры письменного наследия» [64, 5], также привел в некоторых случаях мнение Абдулхусайна Зарринкуба по вопросу проблем теории текстологии. Например, он упоминает о «танзи зариф» - «тонкой иронии» Абдулхусайна Зарринкуба, тогда как некоторые иранские исследователи не берут во внимание данные первых корректур литературного текста [64, 48]. Также для подкрепления своей мысли по вопросу «значимости разночтений в корректуре литературного текста» [64, 56-57], «намеренного изменения письменных экземпляров секретарями под влиянием религиозных и мировоззренческих тенденций» [64, 88], по поводу «приведения со стороны текстологов стихов одних поэтов под именем других поэтов» [64, 101], а также по поводу проблем суфизма [65, 314], биографии Мухаммада Газзали [65, 321, 322], и других проблем [65, 274, 302], он приводит научные умозаключения Абдулхусайна Зарринкуба. Более того, книги «С караваном мыслей», «Из прошлого литературы Ирана» Абдулхусайна Зарринкуба признаны Абдулманноном Насриддином важным источником ознакомления с литературой XI и XII вв. [65, 331]. Другой таджикский литературовед Худои Шарифов, также ссылается на произведения

Абдулхусайна Зарринкуба, в которых «рассмотрены и исследованы общие проблемы персидской прозы» [84, 4], прежде всего, упоминает о «Литературной критике» и «С караваном обновок», как о произведениях, оказавших существенное влияние на развитие теоретической мысли персидско-таджикской литературы [84, 10]. Он отмечает: «Размышления Абдулхусайна Зарринкуба по проблемам теоретической мысли в книге «Литературная критика» имеют функцию путеводителя по изучению глубинных воззрений» [84, 6]. Однако таджикский литературовед и критик Абдунаби Сатторзода одновременно с признанием научного наследия Абдулхусайна Зарринкуба [71, 15, 16, 31, 35, 54, 56, 57, 77, 92, 128] отрицает некоторые его теоретические взгляды, которые мы рассмотрим далее в ходе исследования.

Принятие мнения Абдулхусайна Зарринкуба по вопросам истории литературы в некоторых случаях является признанием его авторитета по важнейшим проблемам литературоведения. Таджикский литературовед Мирзо Муллоахмадов в 2008 году в книге «Донишномаи Рудаки» при описании личности Абдулхусайна Зарринкуба, приводя его мнение о том, что «Рудаки не был слепым от рождения, не был ослеплен, потерял зрение в силу старости и немощи», поддерживает это мнение и признаёт выдающийся вклад Абдулхусайна Зарринкуба в исследовании жизни и творчества Рудаки [59, 488-489]. Также указанный исследователь в 2013 году привёл сведения и автобиографию Абдулхусайна Зарринкуба в сборнике «Рудаки и рудакишиносон» [62, 176-177].

Первые сведения в таджикском **литературоведении** XX века о личности и научной деятельности Абдулхусайна Зарринкуба в книгах «О современном иранском литературоведении» и «Пути развития новой и новейшей персидской литературы» [88, 71-71, 119-121] дал советский литературовед Даниэль Комиссаров. Некоторые заключения указанного автора переведены таджикским литературоведом Файзали Наджмоновым в «Энциклопедии таджикской литературы и искусства» [134, 460]. Указанный автор в другой своей книге одним из первых высказал мнение по поводу научного вклада Абдулхусайна

Зарринкуба, его роли в исследовательском пространствена территории бывших советских государств и Таджикистана.

Первая статья Абдулхусайна Зарринкуба в Таджикистане под названием «С Хафизом в стране Рудаки», посвящённая 650-летию Хафиза Ширази, была опубликована в №8 журнала «Садои Шарк» («Голос Востока») в 1971 году, в которой автор высказал свои суждения относительно литературной и культурной связи двух народов, единых по языку, об авторитете Хафиза среди таджикского народа. В Таджикистане в 1992 году первое его произведение – «Поиски в суфизме Ирана», переведённое на кириллицу, без специального введения было издано в издательстве «Ирфон» [2]. Сравнение переведённого варианта с оригиналом показало, что редакторы-издатели «Гузидаи нуктахо» («Избранные моменты») оригинала [20, 426-446] обратили в «Гузидаи нукот», где привели толкование понятий и терминов текста [2, 353-396]. Эта инициатива издателей, разумеется, для таджикского читателя в те годы была весьма полезной, но и сегодня она не лишена определённой пользы. «Гузидаи нуктахо» оригинала упрощает поиск читателей и исследователей имён собственных, использованных в произведении, и понимание важнейших моментов их жизни. Было бы более целесообразно, если бы избранное было переведено издателями в точности, а в конце к нему приложили бы составленное «Гузидаи нукот». Несмотря на всё это, переведённое произведение долгие годы служит таджикским исследователям в качестве научного источника. Второе произведение Абдулхусайна Зарринкуба – «С караваном обновок» - стараниями литературоведов Шоди Шокирзаде Нумонпур и Райхоны Мамадаминзаде Сохибназар в 2004 году стало достоянием таджикских исследователей. Одной из специфических особенностей издания является его предисловие – «Исследователь исторических и литературных дискуссий» [3, 5-12], принадлежащее перу Шоди Шокирзаде Нумонпур. Данное предисловие, являясь первой статьей в современном таджикском литературоведении, посвященной жизнедеятельности Абдулхусайна Зарринкуба, сыграло большую роль в деле представления научно-литературного облика этого выдающегося критика и литератора. Шоди Шокирзаде Нумонпур до и после

издания и в нескольких номерах журнала «Адаб» («Литератор») сделал достоянием таджикских читателей ряд статей из сборника «С караваном обновок» [112, 48-52, 113, 41-49; 114, 20-24; 115, 22-31; 116, 29-37; 117, 21-25; 118, 24-33; 119, 25-29; 120, 27-37; 121, 24-33; 122, 54-63; 123, 45-49; 124, 13-18]. Соискатель Института языка, литературы, востоковедения и письменного наследия им. Рудаки АН РТ Настаран Ибрагимзаде в 2013 и 2015 году опубликовала две статьи «Фирдоуси согласно Зарринкубу» [127, 165-171] и «Осознание прочтённого и философское мировоззрение доктора Абдулхусайна Зарринкуба» [128, 183-189]. В первой статье исследователь немного отдалилась от цели исследования и высказала пространное мнение о жизни и философской позиции Абдулхусайна Зарринкуба, не имеющего прямого отношения к настоящей цели исследования. Во второй статье такого явления уже не наблюдается, и ей удалось рассмотреть важные аспекты философского мировоззрения учёного в рамках избранной темы.

Из исторических трудов Абдулхусайна Зарринкуба в 2007 году стараниями таджикского философа Саидрахмона Сулаймонова на кириллицу была переведена книга «Исламская цивилизация» [4].

Из литературного наследия Абдулхусайна Зарринкуба стараниями Ориёнмехра достоянием читателей стала лишь легенда «Такдарахт» («Одинокое дерево»), опубликованная в двух номерах журнала «Паёми Сугд» («Вести Согда») [125, 51-65; 126, 77-92]. В процессе перевода этой легенды (повести) местами наблюдались ошибки в чтении (««хатто»-даже во многих местах «хуте», «гилҳои намнок» - «влажная глина», «гулҳои намнок» - «влажные цветы», «кирму сангпушт» - «червь и черепаха», «гарму сангпушт»-«тепло и черепаха»), **что исказило** изящество и смысл произведения. Другой научный источник под названием «Памяти наставника – доктора Абдулхусайна Зарринкуба», вышедший в 2010 году в издательстве «Пайванд» города Душанбе по инициативе Консульства Исламской Республики Иран в Таджикистане в объеме 68 страниц с краткой биографией, перечнем и образцами наследия, охватывающими два раздела «Летописи Ислама» [56].

В деле перевода наследия Абдулхусайна Зарринкуба весьма значителен вклад таджикского исследователя Мухаммадсалома Махшулова. Указанный исследователь перевёл два произведения – «Корномаи ислом» («Летописи ислама») и «Арзиши мероси суфия» («Ценность суфийского наследия») - на русский язык под названиями «Исламская цивилизация» (2004 – Москва) и «Ценность суфийского наследия» (2012 – Санкт-Петербург) [6; 7]. Перевод обоих произведений является доказательством увеличения количества изданий наследия Абдулхусайна Зарринкуба в странах СНГ. Более того, культурные связи Таджикистана, Ирана и России создали благоприятные условия для тех, кто не знаком с персидской вязью и языком, чтобы они могли познакомиться с наследием Абдулхусайна Зарринкуба.

В современном таджикском литературоведении настоящая диссертация является первой попыткой в деле изучения и исследования научной деятельности и представлением литературоведческого и исторического наследия Абдулхусайна Зарринкуба, где также подвергнуты исследованию проблемы содержательного аспекта его наследия, связанного с суфизмом, мавлавиведением, созданием монографий, хафизоведением, литературной критикой (избранных сочинений).

Цели и задачи диссертации. Основная цель разработки диссертации – изучение биографии и важных направлений научной деятельности, изучение и исследование, аналитическое рассмотрение литературоведческого наследия Абдулхусайна Зарринкуба (избранных сочинений) и определение его места в современной персидской литературоведческой науке. В целом, в ходе разработки диссертации автором поставлены следующие задачи:

1. Анализ и исследование жизни, научной и творческой деятельности Абдулхусайна Зарринкуба с точки зрения исследователей различных регионов.
2. Составление перечня существующего наследия Абдулхусайна Зарринкуба, представление его научного и литературного наследия независимо от направлений его научно-литературной деятельности.

3. Исследование двухтомного произведения «Секрет свирели» Абдулхусайна Зарринкуба, признанного лучшим образцом исследований в области масневи и суфизма.

4. Определение научной ценности и литературной специфики «С улицы риндов», признанного лучшим образцом монографического и хафизоведческого произведения Абдулхусайна Зарринкуба.

5. Изучение и анализ «Литературной критики» и определение научного статуса Абдулхусайна Зарринкуба, как теоретика и литературного критика.

6. Рассмотрение и определение причин, факторов, значения и необходимости взаимосвязи литературы и истории в исследованиях Абдулхусайна Зарринкуба.

7. Изучение стилистики изложения научных литературоведческих трудов Абдулхусайна Зарринкуба.

Источники и материалы исследования. В качестве основных источников в ходе разработки диссертации было использовано научное наследие Абдулхусайна Зарринкуба, в частности «Секрет свирели», «Шаг за шагом до встречи с Богом», «Море в кувшине», «С улицы риндов», «Шелест крыльев Симурга», «Литературная критика», «Стихи безо лжи, стихи без покрова», а также «Масневи» («Поэма о скрытом смысле») Джалалуддина Балхи, дивана Хафиза Ширази и другие источники. Также в ходе исследования для сравнения использован сборник статей, указанный выше, фундаментальные произведения литературоведов – Эраджа Порсинаджод, Ахмада Нardжиси и историографа Мухаммада Бахтияри. Для уточнения полных и правильных названий, дней рождений и кончины поэтов и писателей, литературоведов, зарубежных философов, исследованных Абдулхусайном Зарринкубом, были использованы сведения из глобальной сети.

Методология и методы исследования. В процессе разработки диссертации использован аналитический, историко-сравнительный и статистический методы. В ходе работы над диссертацией были использованы методы ведения исследований зарубежных и таджикских литературоведов, к

числу которых относятся И. С. Брагинский, Е. Э. Бертельс, Ян Рипка, Д. Р. Комиссаров, Бахауддин Хуррамшохи, Мухаммадамин Рияхи, Комёр Обиди, Мухаммадджафар Ёхаки, Абдунаби Сатторзода, Худои Шарифов, Абдулманнон Насриддин, Носирджон Салимов, Матлуба Ходжаева, Саидумрон Саидов, Нурали Нуоров и др.

В диссертации заимствования из литературных и научных источников осуществлены двумя способами (непосредственно цитаты и согласно содержанию). Для соблюдения правил научной интеллектуальной собственности и избежания плагиата данные заимствования по первому способу приводятся в скобках.

Научная новизна диссертации. В диссертации впервые:

- изучена и представлена личность, научный статус иранского литературоведа, критика и историка Абдулхусайна Зарринкуба;
- разработан сравнительный перечень изданных, неизданных и утерянных произведений Абдулхусайна Зарринкуба, представлены и классифицированы его произведения в зависимости от сферы исследования;
- определены значимость, необходимость и причины связи и слияния двух наук – литературоведения и историографии в рамках исследования сочинений Абдулхусайна Зарринкуба;
- подвергнуты самостоятельному изучению и анализу важнейшие литературоведческие произведения Абдулхусайна Зарринкуба, в том числе «Секрет свирели», «С улицы риндов», «Литературная критика», исследованы содержательный, научный и литературный аспекты;
- на примере литературоведческих и историографических трудов была изучена стилистика изложения Абдулхусайна Зарринкуба.

Теоретическая практическая и значимость диссертации. Диссертация, прежде всего, как вспомогательный источник, может оказать содействие в анализе и исследовании написанных характерным стилем произведений Абдулхусайна Зарринкуба, также для изучения внутреннего мира и содержания значимых произведений первого и второго поколений литературоведов Ирана.

Кроме того, диссертация, как научный источник, может оказать содействие при написании научных трудов исследователями и историками, разработке руководств и учебных пособий, написании студентами и магистрантами курсовых и выпускных работ.

Апробация исследования. По основным результатам исследования автором диссертации были сделаны доклады на научно-теоретических семинарах факультета таджикской филологии Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова, на районных, областных и республиканских конференциях, основные положения и выводы диссертационного исследования отражены в 5 публикациях [129, 136-140; 130, 141-148; 131, 188-190; 132, 58-68; 133, 158-162] 3 из которых опубликованные в научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав, **десяти** разделов, заключения и списка литературы.

ГЛАВА I

МЕСТО АБДУЛХУСАЙНА ЗАРРИНКУБА В ИРАНСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ XX ВЕКА

1.1. Иранское литературоведение и литературная критика XX века

Исследование и изучение тенденций развития литературоведения и литературной критики Ирана в XX веке, являющимся, с одной стороны, относительно актуальным вопросом, а с другой стороны остающимся малоизученным направлением современного литературоведения, становится наиболее возможным на основе исследования творческого наследия того или иного выдающегося литературоведа. Одним из таковых является Абдулхусайн Зарринкуб, оставивший ценное научное наследие в сфере литературоведения и литературной критики, которые остаются одним из самых достоверных научных источников для современных исследователей. Для более полного изучения и анализа творчества Абдулхусайна Зарринкуба и его роли в развитии иранского литературоведения и литературной критики XX века, в первую очередь, следует провести обзор обстановки в иранском литературоведении и литературной критике предыдущего века.

До констатации сведений о вопросах возникновения, предпосылок и факторов развития иранского литературоведения и литературной критики в XX века, следует отметить один важный факт. Согласно сведениям русского литературоведа и исследователя современной иранской литературы Даниеля Комиссарова, понятия «литературоведение» и «литературная критика» в иранской научной терминологии иногда используются в качестве синонимов [89, 25]. Более того, необходимо также сказать о другом мнении по данному вопросу. Иранское литературоведение XX века, равно как и таджикское литературоведение, не избегло влияний и тенденций извне. Хотя изучение данного вопроса имеет отношение к данной теме, однако в большей степени является некоторым отступлением от темы. В исследовании иранского литературоведения XX века наиболее ощутим вклад европейских, русских и

американских учёных. Их обширные исследования по вопросу становления и развития иранского литературоведения XX века имеют весьма тесную связь со стараниями самих иранских учёных, однако этот вопрос требует отдельного научного анализа.

Иранское литературоведение XX века, имеющего основы и предпосылки возникновения ещё в средневековой литературе, получило наиболее выраженное очертание в конце XIX века усилиями выдающихся просветителей, таких как Мирзо Фатхали Охундзаде (1812-1878), Мирзо Малкумхан (1833-1908), Мирзо Хабиб Исфাহани (1835-1893) Мирзо Абдурахим Толибов (1837-1911), Мирзо Окохон Кирмани (1854-1896/97) и др.

Социальные, политические, культурно-литературные явления, происходящие в Иране в конце XIX века и начале XX века, в числе которых возникновение периодической печати и появление школ нового типа, возрастание вестернизации культуры и литературы, также стали основополагающими факторами становления литературоведения изучаемого периода.

Иранское литературоведение XX века, не затрагивая предпосылки самого всестороннего становления и развития, на основании произошедших значимых политических исторических событий целесообразно разделить на три периода. Первый период охватывает с 1900 года по 1925 г., второй период – с 1925 года по 1979 год, и третий период с 1980 года по настоящее время.

Первый период приходится на период правления последних представителей династии Каджаров (1795-1925) Музаффариддина Шаха (1896-1907), Мухаммада Али Шаха (1907-1909), Султана Ахмад Шаха (1909-1925). Относительное развитие экономических и культурных связей Ирана и Европы стало причиной культурной революции иранцев и последующей её вестернизации.

Научные и литературные круги Тегерана, Шираза, Мешхеда, Тебриза на собраниях и встречах пытались решать литературные проблемы [85, 289]. За рубежом Мирзо Фатхали Охундов и его последователи считали, что для

дальнейшего развития Ирана необходимо устранить религиозный фанатизм и ортодоксальность. Доктор Абдулхусайн Зарринкуб по данному вопросу отмечает: «Литературная жизнь Ирана во второй половине правления Каджаров (имеется ввиду конец XIX-XX вв. и первые 25 лет XX века – И.И.) была направлена на создание и развитие принципов революционного восстания (конституционализма – И.И), главной целью которого являлось создание основ справедливости и справедливого общества» [51, 853].

В указанный период, как уже нами было сказано выше, произошла конституционная революция (1905-1911), в возникновении которой внесли огромный вклад просветители. Посредством революции, с последующим созданием «национального государства», иранцы получили возможность выйти на международную арену [138, 9]. Абдулхусайн Зарринкуб в разделе «Каджары и конституционализм» в книге «Вехи» отмечает, что «продвижение вперед и паузы» Конституционной революции имеет неразрывную связь с публикациями и художественными произведениями великих поэтов, писателей и пропагандистов, таких как Мирзо Алиакбар Деххудо, Мирзо Джахангирхан Суриисрофил, Сайид Джамалиддин Воиз, Маликулмутакаллимин Исфাহани, Сайид Хасан Такизаде, Мухаммадамин Расулзаде, Адибулмамалик Фарохони, Мухаммадтаки Маликушшуаро Бахор, которые смогли очень ярко описать картину этого исторического события в своих произведениях [51, 861, 862].

В развитии литературной критики велик вклад Абдурахима Толибова (1837-1911), хорошо изучившего русский язык. Он находит поэзию, сочинённую в подражание классических поэтов, лишённой какой-либо новизны и новаторства и подвергает её сильной критике, а «Шах-наме» Фирдоуси считает величайшим образцом, аналогов к которому в современной литературе не существует [89, 11]. Большинство иранских просветителей и поэтов-новаторов (сторонников джадидизма) находились под влиянием идей Мирзо Фатхали Охундова и Абдурахима Толибова и неизменно следовали им. Мирзо Окохон Кирмани в предисловии поэтического сборника «Номаи бостон» (Древнее

письмо) отмечает, что поэзия должна иметь философский характер. Он также хотел ввести нововведения в научной историографии [143, 107].

Публикация и распространение газет, развитие переводческой деятельности в сфере перевода произведений европейских литераторов дало новый толчок в развитии персидской литературы. Революционные идеи просветителей создали предпосылки для возникновения в иранской литературе того периода таких тенденций как отход от традиционализма, национализм, модернизм. Внимание к простому народу обусловило появление более простого, ясного изложения в литературе. Журналист и просветитель Мирзо Малкумхан (1833-1908), учредивший в 1890 году газету «Конун» и публиковавший её в Лондоне будучи послом Ирана в Великобритании, был основоположником указанного простоватого стиля литературного изложения. В учреждённой им газете он следовал идеям новаторства и резко высказывался в адрес последователей классической литературы. Поэт, переводчик и «отец-основатель учебника персидского языка» Мирзо Хабиб Исфাহани (1835-1893), который после изгнания из Тегерана проживал в Стамбуле, имел тесные отношения и переписку с Мирзо Малкумханом. Этот факт свидетельствует о том, что просветители того периода ощущали острую необходимость во взаимной поддержке новаторских идей и взглядов.

Одними из первых научно-литературных журналов, открывшими новую веху в истории литературоведения Ирана стали журналы «Сури Исрофил» (Глас Исрафила) (1907-1909, учредитель Мирзо Джахангирхан Ширази и Мирзо Касимхан Табрези), «Донишкада» (Университет) (1918-1919, учредитель Маликушуара Бахор). Далее следует отметить журнал «Кова» (1916-1922), учредитель Хасан Такизаде), «Армугон» (Дар) (1919-1941, учредитель Вахид Дастгирди), в которых освещались вопросы литературоведения, истории литературы и литературной критики. В журналах 20-х годов наряду с публикацией образцов поэзии и прозы, также печатались критические статьи, рецензии [89, 18]. На основании именно этих статей литературная критика получила возможность развития по качественно новому пути.

Интерес богословов и религиозных учёных к литературе и вопросам языкознания и языковедения, комментарии поэзии Саади и Хафиза в религиозных кругах также стало причиной возрастания интереса общества к литературе и некоторым образом повлиявшим на литературоведение и литературную критику. «Литература диванов» или «официальная» литература начала периода правления Каджаров [85, 266-267] в начале XX века встретила отчаянное сопротивление и критику модернистов и новаторов, стала постепенно приходить в упадок.

Иранское литературоведение начала XX века в свете политических, социальных, культурных и литературных идей вышеупомянутых просветителей и вольнодумцев, усилиями великих литераторов как Мухаммад Казвини (1877–1949), Мухаммад Али Фуруги (1877–1942) Алиакбар Деххудо (1879 –1959), Ибрахим Пурдовуд (1885 – 1968), Маликушшуаро Бахор (1886–1951), Ахмад Касрави (1890–1945), Косим Гани (1892–1952), Содик Ризазаде Шафак (1892–1951), Лutfали Суратгар (1892–1962), Гуламриза Рашид Ёсами (1894–1951), Саид Нафиси (1895–1966), Аббас Икбал Оштиёни (1896–1955), Бадеъуззаман Фурузонфар (1897–1970), Джалолуддин Хумои (1899–1980), на первые творчество и деятельность которых приходится на первые двадцать пять лет XX века, вошло в новую фазу развития. Упомянутые нами исследователи являлись известными литературоведами, познакомившие второе поколение иранских литературоведов, таких как Муджтаба Минуи (1903 – 1977), Мухаммад Муин (1914 –1971), Парвиз Нотил Хонлари (1914–1990), Забехулла Сафа (1911–1999), Абдулхусайн Зарринкуб (1923–1999), Риза Барахани (дата рожд. 1935), Мухаммадриза Шафеи Кадкани (дата рожд.1939), Бахауддин Хуррамшахи (дата рожд.1945) и другие с новыми методами исследования.

Второй период (1925-1979) приходится на эпоху правления монархического Ирана. Исследования и научные труды русских востоковедов Даниеля Комиссарова и Веры Кляшториной по проблемам второго периода развития литературоведения и литературной критики в XX веке являются лучшими значимыми научными источниками по данному вопросу.

В указанный период Ираном правили Ризашах Пехлеви и Мухаммад Ризашах, политический курс которых был всецело направлен на традиционализм и чрезмерное поклонение западным ценностям, вестернизму встретивший сильное сопротивление религиозных кругов общества. Увеличение числа университетов, развитие научно-культурных взаимосвязей, переводческой деятельности в сфере художественной литературы и литературоведения, появление нового поколения литературоведов, свобода политического слова, издание множества научных и литературных газет и журналов, а также возрастание политического влияния английских и американских колонизаторов, и как следствие униженное положение Ирана с точки зрения научной общественности и пробуждение чувства национального достоинства стали главными факторами развития иранского литературоведения XX века. Одной из отличительных особенностей иранского литературоведения XX века состоит в том, что большинства известных литературоведов того периода были известными поэтами и лингвистами, оставившими после себя поэтические сборники и многочисленные литературные переводы.

В 30-е годы стали популярными кружки, ставшие центрами литературной критики. Одним из самых известных стал литературный кружок «Робеъ», в котором в отличие от других кружков, известные литературные критики, такие как Содик Хидаят, Бузург Алави, Масуд Фарзод, Муджтаба Минуи, далее Парвиз Нотил Хонлари, Нимо Юшич и другие занимались критикой не поэзии, а прозы [85, 291].

Изучение и каталогизация классического наследия, подготовка критических текстов исторического и художественного наследия, публикация предисловий к нему, издание журналов, ежемесячников и разделов, посвящённых только научной критике, обусловило дальнейшее развитие литературоведения, дали почву для возникновения основных направлений истории литературы и литературной критики, сопутствующих им сфер лексикографии, источниковедения, текстологии.

Исследования наследия классических поэтов – Абуабдуллаха Рудаки, Мадждуддина Санаи, Фаридуддина Атгара Нишапури, Мавляна Джалалуддина Балхи, Хафиза Ширази, Саади Ширази, Омара Хайяма, Носира Хосрова и других выдающихся литераторов персидско-таджкиской литературы средневековья стали отдельными направлениями литературоведения, получившими название как рудакиведение, аттароведение, мавлавиведение и масневиведение, хафизоведение и пр. По данным направлениям зарубежные и иранские исследователи являлись первопроходцами и признанными учёными-новаторами, явившие научному миру лучшие образцы научного анализа и критической мысли.

Мухаммад Али Фуруги помимо яркой политической и дипломатической деятельности, внёс выдающийся вклад и в иранскую литературу. По его инициативе Ризашах Пахлеви издал указ об учреждении Иранской Академии. Академия в течение шести лет (1935-1941) провела огромную работу в деле реформы персидского языка, терминологии и лексикографии. Действительными членами упомянутой Академии были литературоведами, чьи неустанные труды создали устойчивый фундамент для дальнейшего развития филологических наук Ирана. Мухаммад Казвини подготовил критический текст «Марзбан-наме», «ал-Муъджем» Шамса Кайса Рази, «Чохормакола» Низами Арузи Самарканди, «Таърихи Джахонкушой» Атамалика Джувайни, «Сиясат-наме» Низамулмулка и заложил основы для становления иранской научной текстологии. Почти все его современники и соратники в основном занимались подготовкой и исследованиями литературного и исторического наследия. Саид Нафиси внёс огромный вклад в деле подготовки персидского поэтического наследия и прозы, к примеру, диванов и поэтических сборников Рудаки, Низами, Анвари, Атгара Нишапури, Касима Анвор, Бадриддина Хилоли, Азраки Хирави и других. Саид Нафиси признан основателем рудакиведения в иранском литературоведении XX века. Алиакбар Деххудо, автор лучшего современного персидского словаря «Лугатнаме», внёс выдающийся вклад в подготовку и комментарий поэтических

диванов Манучехри, Фаррухи Систани, Саида Хасана Газневи, Масуда Саъда Салмана, Сузани Самарканди и других.

Мухаммадали Фуруги прославился в саадиведении, Касим Гани, Мухаммад Казвини в хафизоведении, Саид Нафиси в рудакиведении и хайямоведении, Бадеуззаман Фурузонфар и Джалал Хумаи в масневиведении и мавлавиведении. Их славные традиции продолжили в 30-е годы хафизовед Бахауддин Хуррамшахи, мавлавиведы Абдулхусайн Зарринкуб, Карим Замани, Абдулкарим Суруш.

В 40-е и 50-е годы XX века стали издаваться научно-популярные журналы «Сухан» (Слово), «Паёми нав» (Новый вестник), «Мардум» (Народ), «Шева» (Стиль), в которых глубоко научные статьи литературоведов и исследователей стали доступны широкой общественности. Далее были учреждены научно-библиографические журналы «Рахнамои китоб» (Путеводитель книги) и «Интикоди китоб» (Критика книги), в которых публиковались научные статьи и критические заметки о качестве, сути и содержании, идеях, стилистике художественных, научно-литературоведческих произведений. Хотя некоторые упомянутые журналы в связи с антагонизмом политической линии правящего режима часто оказывались под запретом, спустя некоторое время, вновь открывались и продолжали свою работу. В качестве примера можно назвать журнал «Сухан», который был учреждён усилиями Парвиза Нотила Хонлари в 1943 году, а в 1949 году деятельность журнала была прекращена, а в 1955 году журнал вновь начал издаваться. Журнал «Садаф» (Перламутр) также издавался в течение 1957-1959 гг. также публиковал критические заметки известных литературоведов [86, 12]. Эти факты свидетельствуют об усилиях литературоведов, несмотря на политическую обстановку и свободу слова, в деле развития современной персидской литературы и литературоведения.

С 25 июня по 9 июля 1946 года в Тегеране прошёл Съезд иранских писателей при участии известных поэтов и исследователей, обсудивший проблемы современной иранской прозы и поэзии, задач литературной критики. Съезд показал трепетное и чуткое отношение иранских литераторов и учёных к

судьбе современной прозы и поэзии, литературной критики и литературоведения [89, 21].

В начале изучаемого периода началось глубокое и всестороннее сравнительное исследование истории персидской классической литературы с современной персидской литературой, в результате чего были изданы «История иранской литературы» (два тома, 1929-1930) Джалалуддина Хумаи, «Краткая история иранской литературы» (публиковался в журнале «Порс» с 1932 по 1953 гг.) Саида Нафиси, «История иранской литературы» (1942) Ризазаде Шафак, «История литературы в Иране» (1962) Забехулло Сафо и др.

В литературоведении данного периода возник вопрос новой поэзии, в котором обсуждались проблемы традиционализма и новаторства, что говорит об активном развитии литературоведения и литературной критики в Иране. Даниэль Комиссаров в главе «Традиция и новаторство» приводит большой комментарий по данному вопросу [89, 78-90]. Следует отметить, что тематика, постановка научной проблематики, цитаты упомянутого исследователя о наследии иранских критиков, способы анализа и заключений по вопросу иранского литературоведения (полностью навеяны идеями политической линии советского периода. Научные исследования и работы Д. Комиссарова и В. Кляшториной обоснованы с точки зрения советской политики и научного анализа, в связи с этим, полное согласие с их заключениями может привести к некоторым разногласиям.

В научной периодике публиковалась полемика поэтов и исследователей по вопросам современной поэзии, влияние европейской литературы на иранскую современную литературу и вопросы будущего развития литературы. По словам Веры Кляшториной, «в 60-е годы литературоведение и литературная критика Ирана в XX века достигла своего апогея. Публикация статей и работ П. Хонлари, Н. Надирпура, Г.Р. Озарахши, М. Умеда (*Махди Ахавони Солис – И.И.*), А. Зарринкуба, А. Дастгейба, Р. Барахани, Б. Шарик, М. Хукуки, Я. Ориёнпура являются ярким примером этого» [86, 4]. В 1975 году В. Кляшторина опубликовала подробное научное исследование по вопросу новой поэзии на

основании изучения и анализа современной иранской поэзии, в частности творчества Нимо Юшич и Фуруг Фаррухзод под названием «Новая поэзия в Иране». Первую главу книги она озаглавила «Вопрос «новой поэзии» и развития литературной поэзии современного Ирана в начале 50-х и 70-х гг.» [86, 9-82] и исследовала вопрос через призму советской культурной политики.

В конце данного периода по инициативе религиозного духовенства под руководством Аятуллы Хомейни (1902-1989) в Иране в ходе усиления религиозных воззрений в светском обществе произошла исламская революция и государственный переворот. Зачатки исламизации культуры и литературы, ставшими одними из факторов возникновения исламской революции (1979), были заложены и взращивались ещё в 60-е годы XX века.

Третий период (1979 год по настоящее время) начался с периода исламской «белой революции». В. Кляшторина исследовала данный период в другом научном труде «Иран 60–80-х годов: от культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей» (1990), четвертую главу которого посвятила проблеме культурной и литературной переориентации Ирана в 60-80-е годы XX века [87, 165-191]. В данном исследовании рассмотрен период перехода от культурного плюрализма до исламизации духовных ценностей иранцев с политической, идейной и культурной точки зрения, в частности литературы, относящейся непосредственно к данной проблематике. Вера Кляшторина отмечает, что исламская революция стала причиной разделения иранского общества на два противоположных лагеря. Движущие силы первого лагеря после бегства из Ирана на Запад стали учреждать зарубежом, в европейских странах и Америке иранские центры и высказывать критику в отношении правящего исламского режима Ирана.

Второй лагерь, оставшийся в Иране, стали приспосабливаться к условиям новой политики и продолжать научные и литературные исследования, не отрываясь от изначальной творческой почвы, не чураясь новых веяний, и внося свой посильный вклад в развитие литературоведения и литературной критики страны [87, 165].

Литература, в частности поэзия, в данный период пережила резкий переход от литературного либерализма к тотальной религиозной направленности. Поэты нового поколения слагали религиозные стихи о борцах и мучениках за свободу, томившихся и погибших в тюрьмах во время правления Пехлевидов. В данный период получила развитие и существует до настоящего времени религиозная поэзия, поэзия «навязанной» войны (восьмилетняя ирано-иракская война 1980-1988 гг.) наряду с современной поэзией Ирана.

Литературоведение и литературная критика данного периода ограничена рамками исламской культуры и религиозными нормами. Исследование исламской мистики и суфизма во втором периоде стали предметом изучения некоторых учёных, в частности Абдулхусайна Зарринкуба, стало одним из актуальных направлений научных изысканий литературоведов. В данном периоде осуществляли деятельность такое множество выдающихся литературоведов, перечисление имён и трудов которых невозможно в рамках данного исследования. Ограничимся лишь именами известных литературоведов, кто здравствует и поныне: Мухаммадали Муваххид (г.р. 1923), Махди Мухаккик (г.р. 1930), Риза Барахани (г.р. 1935, проживает в Канаде), Тавфик Субхани (г.р. 1938), Шафеи Кадкани (г.р. 1939), Бахауддин Хуррамшахи (г.р. 1945), Абдулкарим Суруш (г.р. 1945), Карим Замани (1951) и др.

Прежде чем сделать заключения по данной главе, необходимо отметить, что термин «литературоведение» в Иране XX века несколько отличается от общепринятого в Таджикистане филологического термина. Даже в начале XXI века проблема литературоведения, в частности проблемы составления истории современной литературы и толкования термина «современный» [139, 7] остаётся открытым для научной полемики. Иранский учёный **Махмуд Футухи** в своей статье в 2008 году отмечает следующее: «Если история литературы не может познакомить с факторами преобразований, влияний, возникновений и исчезновения тенденций, нельзя назвать её «историей литературы». В нашей стране (в Иране – И.И.) все также продолжают сочиняться антологии и летописи, историко-литературные факторы в освещении вопросов истории

литературы не играют важной роли. От «Истории литературы» ожидают, что будет и литературная критика, и стилистика, и драматургия, и поэмы, поэзия и заключения» [142, 51]. Это утверждение ясно подтверждает то обстоятельство, что некоторые вопросы иранского литературоведения XX века также актуальны в литературоведении и последующего, XXI века.

На основании вышеприведённых доводов по данной главе можно сделать следующие выводы:

1. Современное литературоведение развивалось на почве политических, культурных и литературных преобразований конца XIX века и начала XX века в Иране, и в 1920-1930 гг. с первыми произведениями, отличающимися от классических научно-литературных произведений нового поколения исследователей-новаторов, с новым и продвинутым мировоззрением, деятельность которых пришлась на начало XX века, стало приобретать очертания отдельного направления филологии, называемых в Иране общественными науками.

2. В иранском литературоведении XX века в процессе каталогизации литературного и исторического наследия в иранских и зарубежных библиотеках, подготовке критических текстов (научно установленных) и написания комментариев к ним возникли сопутствующие направления филологии как лексикография, источниковедение и текстология, имеющие самостоятельные этапы развития. А в начале XXI века происходил пересмотр, повторное исследование критических текстов, подготовленных в первой половине XX века, что, с одной стороны демонстрирует действительное продвижение в развитии иранской текстологии, с другой стороны подтверждает слабые позиции иранской текстологии на начальном этапе развития данного направления филологической науки.

3. Литературная критика как самостоятельная наука филологических наук Ирана обрела чёткие очертания в ходе развития научно-литературной и критической периодической печати, постепенного распространения европейской литературы посредством переводов, деятельности выпускников западных

университетов в культурно-образовательных учреждениях Ирана, и во второй половине XX века в синтезе с нормами европейской литературной критики достигла наивысшей точки развития.

4. Изучение различных аспектов классической персидско-таджикской литературы, в том числе истории её возникновения, западными исследователями расширило горизонты мировоззрения иранских учёных, начавших подробное и всестороннее исследование определённых эпох истории персидско-таджикской литературы и написавших выдающиеся по значимости книги по истории иранской литературы. Эти произведения стали новым шагом в развитии иранского литературоведения XX века.

5. Одной из отличительных особенностей литературоведения XX века и его направлений является обширность и многогранность, которые требуют исследования в относительном сравнении с другими общественными науками. Подобный стиль исследования стало причиной того, что термины «литературоведение» и «литературная критика» получили равное по сути значение и толкование среди иранских учёных, исследующих общественные науки. Полемика по вопросу классификации литературоведческих направлений XX века в Иране уже в XXI веке обретает более масштабные и сложные по существу очертания в связи с развитием таких филологических направлений, как поэтика и стилистика.

1.2. Краткая биография Абдулхусайна Зарринкуба

Иранское литературоведение и литературная критика XX века дала миру множество выдающихся исследователей и учёных. Каждый из них внёс существенный вклад в развитие литературоведческой науки, каждый из них пережил удивительную по перипетиям судьбу. Исследование жизни Абдулхусайна Зарринкуба демонстрирует необычайно бережное отношение к культуре и истории Ирана, беспредельную преданность науке, когда после

многочисленных операций, он также продолжал научную деятельность и не отказывался от малейшей возможности искать и изучать новое.

Абдулхусайн Зарринкуб родился 27 исфандмох 1301// 19 марта 1923 года на улице Суфии квартала Бахрулулум города Буруджирд области Луристон Ирана [101, 18; 109, 17] в семье Абдулкарима Ибои, известного прозвищем и Шейх Заргар [101, 13]. Город Буруджирд в юные годы Абдулхусайна был небольшим. Сегодня это один из культурных и литературных центров области Луристан и тридцать третий город Ирана по численности населения. Название «Буруджирд» состоит из слова «*веру*» или «*фируз*» и «гирд» (город, благоустроенность) и означает «город Веру» – город шаха ашканидов или город-победитель [151].

Предки Абдулхусайна были из города Исфахан, из рода Муллы Али Акбара Хонсори. Хонсори, учительствовавший в Исфахане, переселился в Буруджирд и стал оседлым жителем. В Буруджирде он женился. Его дети – Шейх Гуломхусайн Буруджирди, Хаджи Мухаммад Хасан и Мулла Абдуррахман – отец Абдулкарима – дед Абдулхусайна Зарринкуба, были образованными и просвещенными людьми. После смерти Муллы Абдуррахмана воспитание Абдулкарима и его братьев взял на себя Хаджи Мухаммад Хасан Кадхудой. Ремеслом этого человека было ювелирное дело. Отец Абдулхусайна – Абдулкарим, усвоив ремесло инкрустирования золотом у своего дяди, до сорока лет добывал пропитание этим ремеслом. Абдулкарим питал большой интерес к наставлениям и молению, мистике и суфизму. По этой причине его называли Шейхом Ювелиром. Подверженность аскетизму стало причиной того, что после сорока лет он оставил ювелирное дело и стал простым работником. Набожность и скромность его была до такой степени велика, что даже свое прозвище «Заркуб» («Инкрустирующий золотом») он преобразовал в «Зарринкуб» («Позолотчик»). Абдулхусайн родился и вырос в семье очень богобоязненного и религиозного человека.

К начальному образованию Абдулхусайн приступил с шести лет. По этому поводу он писал: «Я в шесть лет, в 1307 году//1930 х., пошёл в первый класс

школы... и в шахриваре 1316//сентябре 1937 х. получил свидетельство об окончании шестилетней начальной школы [91, 145-146]. В эту пору его пятилетняя сестра и трёхлетний брат Махди заболели краснухой и умерли в один день. Эта трагедия оказала глубочайшее влияние на маленького Абдулхусайна.

Абдулкарим не одобрял желание сына продолжить учёбу в средней школе. Но, приняв во внимание желание жены и ходатайство учителей школы, с условием, что уроки по богословию он будет брать у Хаджи Шейха Али Джавохири, разрешил Абдулхусайну продолжить учёбу. Таким образом, он учился как в новой школе, так и в медресе «Нурбахш». По его словам, азы наук он изучил по «Джомеъ-ул-мукаддимот», «Мутаввалу»...у учителей, отчасти приобрел знания в теологии. Настойчивость отца и его условие стали причиной того, что сын стал обучаться двумя способами – новым и старым.

Твёрдая память, чувство любознательности и пытливость стали причиной того, что он быстро возмужал, и за умение преподавать, был признан, как учитель. Он, как и его прадед Хонсори наряду с преподаванием еще и учился. В 1319//1940 г., закончив медресе «Хони Марви» города Тегерана, в 1319//1940 г. – 1320//1941 г. он сдал экзамены на факультет права Университета Тегерана и получил возможность учиться. Но по настоянию отца был вынужден покинуть Тегеран. Из утверждений историка Рузбеха Зарринкуб выясняется, что глава факультета права того времени Алиакбар Деххудо «выразил сожаление по поводу того, что лишился такого знающего студента (*то есть Зарринкуб – И. И.*)» [109, 17].

Абдулхусайн Зарринкуб и в Буруджирде и Тегеране, всегда был занят поисками и совершенствованием знания.

Его ученик, Абдулмухаммад Аяти вспоминает, что даже в свободное время между уроками, сидя под деревом или расположившись у арыка, недалеко от школы Буруджирда, он занимался изучением книг и не обращал никакого внимания на окружающих [101, 59]. В годы студенчества был не очень крупным, смуглым и худощавым молодым человеком, не обращал внимания на одежду, внешний вид, чему и в юности также не уделял этому вопросу особого

внимания. Его приверженность, неистовую любовь к чтению сравнивали с Джахисом.

Послевозвращения из Тегерана Абдулхусайн был занят преподавательской деятельностью в школах Хуррамабада и Буруджирда Луристана. Кроме преподавания английского и французского языков, истории, персидской и арабской литератур, он также проводил занятия по точным наукам и философии. Знание языков и преподавательская деятельность побуждали жаждущего знаний Абдулхусайна к дальнейшему самосовершенствованию и поискам. В 1322//1942 г. в сотрудничестве с доктором Мухаммадали Шахриёри в начале, организовав библиотеку и актовый зал, затем Организацию просветителей Буруджирда, в своих социально-политических выступлениях агитировал подростков и молодёжь к учёбе и знаниям. В возрасте 21 года под влиянием друга своего отца, он обратился к суфизму, и некоторое время вёл аскетический образ жизни. Однако занятия в университете стали причиной того, что он глубоко занялся изучением теории суфизма уже в университетских стенах [109, 15].

Первая его книга под названием «Философия стиха или история развития поэзии и поэтического творчества в Иране» была написана в возрасте 19 лет. В октябре 1324// 1946 года он стал студентом Литературного института Тегеранского университета. В том же году, помимо учёбы, он занялся преподавательской деятельностью в школах Тегерана. Учителство было самым любимым делом Зарринкуба [91, 16]. В свободное от учёбы и преподавания время в Тегеране он начал изучение основ философии, стал брать уроки у ученого-теолога Абдулхасана Шаърани (1902-1973).

В 1325//1946 году, когда ему было 24 года, он принял участие в работе Фестиваля культуры Ирана и СССР в качестве представителя древней культуры своей страны. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что он, как умный и перспективный молодой человек, ещё в юности был признан значимой личностью всей научной и литературной общественностью Ирана.

Набравшись знаний и опыта в Тегеране в 1327//1948 году, через год вошёл в круг докторов литературы. В конце 1328//1949 года начал журналистскую

деятельность в должности главного редактора еженедельника «Мехргон», и почти пять лет вместе со спонсором еженедельника Мухаммадом Дурахшиш занимался этим делом.

Одновременно с учёбой и работой в еженедельнике он систематически занимался исследовательской деятельностью и переводом. Английский и французский языки им были усвоены ещё в юности, в университете он изучал итальянский и немецкий языки. Знание языков считалось одной из важнейших его индивидуальных особенностей. Кроме указанных языков, он был одержим русским, испанским и арабским языками.

Знание языков привело его к тому, что он одновременно стал изучать, сравнивать и исследовать литературы Востока и Запада. Принимая во внимание знание языков, в 1330//1951 году его пригласили для сотрудничества в осуществлении перевода и написания статей для «Доиратулмаорифи Исломи» («Исламской энциклопедии»). Работу возглавлял литературовед, представитель государства Саид Хасан Такизаде (1878-1970). Это сотрудничество весьма расширило круг его знаний и мировоззрение. В течение восьми лет он находился под покровительством и принимал материальную поддержку Такизаде, помогавшего за собственные средства выдающимся учёным. Благодаря этой поддержке и проявлению заботы, именно тогда он занялся исследовательской деятельностью и создал большое количество произведений. Одновременно с учёбой в университете, он проявил интерес к изучению философских сочинений, изучил философию древней Греции и Запада. Был дотошен в изучении истории, литературы и культуры Европы, ничто не оказывалось вне поля его зрения.

Его семейная жизнь также была тесно связана с наукой и культурой, исследованием и созданием произведений. В 1332//1953 х. году, после девяти лет знакомства с одноклассницей и коллегой, доктором Камар Ориёни, он создал с ней семью. По утверждениям Бахоуддина Хуррамшохи [91, 197] и Ахмада Махдави Домгони [140, 237-243], вклад Камар Ориёни, верного друга и супруги учёного, в жизни и творческой деятельности Абдулхусайна Зарринкуба весьма велик.

Доктор Камар Ориёни (1301//22 марта 1923 г. – 1391 х./2012 также являлась литератором и защитила докторскую диссертацию по теме «Образ христианства в персидской литературе». Во многих путешествиях, когда при его здравии и когда он был болен, она сопровождала его везде. Как и супруг, она была знатоком английского и французского языков и проявляла интерес к переводческой деятельности. После смерти мужа Камар Ориёни занялась сбором и изданием его наследия. После кончины мужа она стала членом «Большой исламской энциклопедии». От брака Камар Ориёни и Абдулхусайна Зарринкуба, схожего с браком Сими́на Донишвара и Джалол Оли Ахмада, детей не было [151].

Абдулхусайн Зарринкуб совместно с Камар Ориёни для совершенствования знаний и опыта часто по собственной инициативе или по приглашению научно-просветительских учреждений совершали научные командировки в ряд стран мира: в Ливию, Ирак, Сирию, Иорданию, Пакистан, Индию, Америку, Италию, Швецию, Восточную Германию, Советский Союз (СССР). Выступая с докладами на международных конференциях и симпозиумах, он познакомился со многими учёными, наладил с ними сотрудничество. В 1964 году принял участие в работе Международной конференции, посвященной 550-летию Абдурахмана Джами, и в 1971 году - в работе Международной конференции, посвященной 650-летию Хафиза Ширази в городе Душанбе. В статье «С Хафизом в стране Рудаки», опубликованной в 1971 году в «Садои Шарк» (№8), он с любовью рассказал о таджиках и их вкладе в литературу и культуру персоязычных народов: «То, что я увидел в течение непродолжительного пребывания в городе Душанбе Таджикистана, показывает, что связи между иранцами и таджикским народом на базе науки и культуры так же, как и на поприще поэзии и прозы, весьма глубоки и неразрывны» [111, 109]. Эти слова доказывают, что Зарринкуб проявлял бережное отношение к прошлому и будущему народа, единого по языку. Вместе с Парвизом Нотилом Хонлари он побывал в Самарканде и Бухаре [137, 230].

Жизнь Абдулхусайна Зарринкуба поучительна его отношением к трагедиям и несчастьям, настигшим его в жизни.

Последовательная безвременная кончина трёх братьев – Халиля (1346//1967 г.), Хамида (1366//1987 г.) и Расула (1371//1992 г.) сильно опечалила Абдулхусайна Зарринкуба. Эти трагедии стали дополнительным эмоциональным ударом по его слабому здоровью, и он серьезно заболел. В 1353//1974 году болезнь сердца приковала его к постели в больнице Джам города Тегерана. В дальнейшем он был вынужден одновременно с научно-исследовательской деятельностью заниматься и лечением сердца. В 1354//1975 году он из Италии, после участия в работе научно-литературной конференции, посвященной Низами Гянджеви, отправился в Вену, в Австрию, где некоторое время занялся собственным лечением и исследовательской деятельностью. Его интерес к изучению и исследованию исламского наследия был настолько велик, что он, несмотря на болезнь, в 1355//1976 году в месяцы в сентябре-октябре совершил научную поездку в Испанию и Португалию, где изучал наследие исламской цивилизации и историю исламской Андалузии.

В 1357//1979 году продолжительная болезнь сердца повторно заставила его на два месяца лечь в больницу Университета Тегерана. Врачи объяснили ему необходимость в экстренной операции, но он не согласился покинуть родину. Однако друзья принудительно повезли его в город Кливленд штата Огайо США и там прооперировали его сердце. Таким образом, дальнейшая жизнь Абдулхусайна Заррикуба была связана лишь с болезнью. Но он всю боль и страдания переносил с огромным мужеством, свойственным ему, и не оставил исследовательской деятельности. Он был вынужден часто выезжать в страны Европы, особенно в Англию, Францию и Германию на лечение. После Лондона в 1360//1981 году он приехал в Париж и для лечения остался в этом городе на два года. Здесь, несмотря на свою болезнь, он приступил к созданию «Секрет свирели», не имеющей аналогов по сей день. Одним из самых удивительных событий в жизни доктора Абдулхусайна Зарринкуба является настигшая его

болезнь и написание этого уникального произведения, события, не встречающиеся в судьбах других современных литературоведов Ирана.

Наконец, в 1363//1983 году он вернулся в Тегеран и занялся преподаванием. Раз в неделю, по понедельникам, организовал литературный кружок. Вновь сконцентрировал вокруг себя любителей персидской науки и литературы. Но болезнь сердца более не оставляла его в покое. Спустя два года, Зарринкуб был вынужден поехать на лечение во Францию и Англию. Одновременно с лечением он посещал библиотеки этих двух стран, где изучил каталоги их фондов.

В 1368//1989 году он вместе с супругой Камар Ориёни совершил научную поездку в Париж для участия в работе Конференции ЮНЕСКО, посвященной рассмотрению вопроса об истории цивилизации народностей Центральной Азии. В ходе двухнедельных дискуссий своими научными выступлениями и сообщениями он, встав на защиту духовности иранской земли, отстаивал культурное единство персоязычных народов. В том же году он говорил с преподавателями университета имени Фирдоуси города Мешхеда по поводу курса истории и её преподавания, изучив и проанализировав проблемы преподавания этой дисциплины.

В 1369//1990 году по приглашению проживающих в Европе иранцев он совершил путешествие в Швецию и Англию, где выступил с научной речью по поводу поэтического мастерства и размышлений Джалаладдина Руми под названием «Легенда и экскурс в легенду «Масневи маъневи» («Поэмы о тайном смысле»)). Такого рода научные путешествия Зарринкуба, как в пределах Ирана, так и за его пределами, систематически продолжались до конца его жизни. В 1370//1991 году, в дни чествования Низами Гянджеви, он выступил с докладом на тему «Греческие философы на пиру у Искандера» перед студентами университетов Вашингтона, Лос-Анджелеса, Калифорнии США, перед иранцами города Ванкувер Канады на тему «Хорасан в эпоху возрождения» и вернулся на родину. В городе Кирман в том же году состоялся Международный симпозиум, посвященный юбилею Ходжу Кирмани. С целью выступить с докладом,

посвященным оценке наследия Хаджи, он совершил поездку в города Шираз и Казирун в области Фарс.

В 1371//1992 году он поделился знаниями, мыслями и опытом, полученным в ходе путешествий, в деле основания дворца Фирдоуси в городе Тус области Хорасан с доктором Мухаммадали Ислом Надушан и другими. Как научный консультант, он внёс неоценимый вклад в деле развития Научно-исследовательской исламской организации Ирана. В 1371//1992 году, когда уже прошёл год со дня обретения государственной независимости стран Центральной Азии, иранская сторона поставила цель организовать симпозиум и пригласить для всестороннего сотрудничества в Тегеран представителей этих стран. Выступив с речью на данном симпозиуме, признав литературу и культуру фактором достижения единства народов Центральной Азии, Абдулхусайн Зарринкуб рекомендовал всестороннее литературное и культурное сотрудничество, как основное условие дружбы и братства народов.

В 1372//1993 году он принял участие в работе заседания секции истории Симпозиума иранистики университета Шираза. Спустя год, сначала в научно-исследовательском Американском Центре иранистики выступил на тему «Современные летописи в Иране». Позже, совершив поездку в Канаду, ознакомился с библиотекой Макгела и второй раз в Ванкувере организовал с иранцами, проживающими в Канаде, беседы и дискуссии на тему «Иран в современных раздорах». В 1374//1995 году, как выдающийся ученый, изучающий творчество Джалаладдина Руми из Ирана, он побывал в научной командировке в городе Мюнхен Германии, для сотрудничества и выступления с научной речью на Симпозиуме, посвященном чествованию Мавляна Джалаладдина Балхи.

Во время этой поездки внезапная болезнь сердца настигла 73-летнего исследователя, и он попал в больницу города Бонн. Для повторного проведения операции на сердце из Бонна его повезли в Лондон, где он несколько месяцев лечился в одной из больниц этого города. После лечения преданный истории и культуре исследователь занялся заключительной редактурой и корректурой

второго и третьего томов исторического труда «Летопись Ирана», при сочинении и редактуре научных статей сотрудничал с редакцией «Большой исламской энциклопедии». В 1375//1996 году совершил путешествие в Шираз, где выступил с докладом о роли Саади в мировой литературе, отметив, что на всей территории Ирана должны быть созданы исследовательские центры по изучению наследия Саади.

При жизни за огромные заслуги его соотечественниками в его честь было проведено два грандиозных торжества. Первое торжество в 1354//1975 году было организовано в городе Хуррамабад области Луристон, благодаря поддержке Хамида Эзадпанох, в котором приняли участие и выступили с речами выдающиеся исследователи литературы и истории Хабиб Ягмои, Мухаммедибрагим Бостон Поризи, Мухаммадамин Рияхи, Эрадж Афшар, Джалал Саттори, Кайковус Джахондори, Гулямриза Самеи, Саидджафар Шахиди, Зияуддин Саджджоди, Кова Дехгон [91, 125].

Второе торжество в 1376//1998 году в честь Абдулхусайна Зарринкуба прошло по инициативе Ассоциации наследия и истории культуры при сотрудничестве с «Большой исламской энциклопедией» и при участии представителя Министерства исламской культуры и этики Ахмада Масджидджомеи (род. 1956), учёных-исследователей Козима Мусави Буджанвирди (род. 1943), Сайидкамола Хаджисаид Джаводи (род.1952), Махди Мухаккика (род.1930), Джафара Шахиди (1919-2008), Фатхуллоха Муджтабои (род. 1928), Мухаммада Дабирсиёки (1919 – 2015), Алинаки Мунзави (1924-2011), Ахмада Мунзави (1926-2006), Эраджа Афшор (1926-2011), Эхсона Ишроки (род.1929), Парвиза Вирджованд (1935-2008), Шарафуддина Хуросони (1928-2005), а также при участии более восьмиста его поклонников. На обоих торжествах он, выступая скромно, назвал себя должником перед народом Ирана, и совершенные дела свои посчитал ничтожными перед Родиной.

Несмотря на все заслуги, неустанный труд и признание его личности, политическая общественность подвергала его давлению за его приверженность к «многополярной культуре» [91, 192]. В 1375//1996 году в передаче «Хуввият»

(«Менталитет») 1-ой программы телерадиовещания Ирана Абдулхусайна Зарринкуб в числе нескольких иранских просветителей объявили «предателем» [151]. Осознав, свою оплошность ответственные лица программы «Хуввият» вместо приношения извинений, хотели просто отправить в паломничество по святым местам, однако Абдулхусайн сославшись на плохое здоровье, отказался.

Хотя старость, болезнь сердца и глаз мешали ему в совершении научных путешествий, однако не могли стать препятствием в научно-исследовательской деятельности. В последние годы жизни он написал отдельные научные труды, посвященные Фирдоуси, Аттару и Саади, проделал огромный труд в сборе старых и новых своих статей в сборнике «Еще остался рассказ». Оставив личную библиотеку в распоряжение одного исследовательского центра в Буруджирде, он вместе со женой вновь отправился в Европу для оперирования глаз. В период болезни в месяце шахривар 1377//сентябре 1988 года в Лондоне он написал *китъа* (род поэтического жанра) под названием «На обратном пути», где предсказал приближение своей смерти:

Хуш-хуш ба поён мерасад ин рӯзи саргардони мо,

Зуд о, ки бо манзил шавем, ором гирад чони мо.

Чон вораҳад аз доми тан, дил вораҳад аз мову ман

В-аз пардаи ҳарфу сухан берун фитад дастони мо [91, 208].

/Веселясь, суетсяь день наш достигнет своего конца,

Приди скорей, чтоб пристанище обрели мы, покой обрела душа,

Чтобы жизнь покинула плоти силки, сердце покинуло нас и меня,

Чтобы наши руки показались из покровов букв и слова/

Он скончался в среду, 24 шахривар 1378//15 сентября 1999 года в Тегеране, в клинике Порс и предан земле на участке творческих людей кладбища «Бихишти Захро» [91, 200].

Размышления над жизнью Абдулхусайна Зарринкуба, полной хлопот и достойной подражания, доказывает, что совершенствование природного дара требует от исследователя, прежде всего, любви к профессии, терпения и стойкости на избранном пути, жертвенного посвящения всего существа труду и

творчеству, любви к Отечеству, и несмотря на все позитивные и негативные моменты, человечности и уважительного отношения к высшим человеческим ценностям.

Абдулхусайн Зарринкуб был высшим образцом научного исследователя, учёного-гуманиста, который, словно наставник, воспитал большое количество учеников, оставив после себя для потомков, как литературовед и историк, культуролог и литератор, весьма ценное научное и литературное наследие.

1.3. Научно-художественное наследие Абдулхусайна Зарринкуба

По словам литературоведа Бахоуддина Хуррамшохи, Абдулхусайн Зарринкуб «был одним из величайших литераторов, исследователей литературы, ислама, суфизма, историографом, критиком и маснавиведом последних пятидесяти лет в истории культуры» Ирана двадцатого века [91, 15]. Его величие и мощь в создании произведений в сфере литературы, истории, культуры ислама и Ирана признаны не только указанным литературоведом, но и всеми иранскими и зарубежными исследователями. Сборник статей «Подарок для Зарринкуб» (1355//1976), «Древо просвещения» (1376//1997 стараниями Алиасгара Мухаммадхони), «Воспоминания о докторе Абдулхусайне Зарринкуб» (1376//1997 стараниями Али Дехбоши), написанных иранскими литературоведами еще при жизни о личности и особенностях исследовательской и писательской деятельности Зарринкуба, являются доказательством тому. «Золотая летопись» - является сборником статей, изданным в 1379//2000 х. году усилиями Али Дахбоши. Книга «Современные учёные Ирана – 12» Хушанг Иттихода является одной из подробнейших книг, написанной в 1387//2008 году и посвященной жизни и творчеству Абдулхусайна Зарринкуба.

Следует отметить, что глубокое изучение статей и других трудов, посвященных Абдулхусайну Зарринкубу, показывает, что при толковании и исследовании его наследия и выявления специфики сочинений историографы признают его выдающимся историком, литературоведы – известным критиком и

исследователем литературы, культурологи - культурологом. Эти утверждения и оценка свидетельствуют о том, что Абдулхусайн Зарринкуб имел непосредственное отношение к перечисленным наукам, в рамках которых создал достойные произведения.

Абдулхусайн Зарринкуб проживший всего 76 лет, в возрасте девятнадцати лет написавший «введение своей исследовательской жизни» [91, 65] – «Философия поэзии, или история эволюции поэзии и поэтики в Иране», в течение шестидесяти лет занимался научным исследованием. Литературовед Таки Пурномдориён отмечает: «Его уникальное наследие его объемом, глубиной и разнообразием настолько ослепительно и удивительно, что его на широком пространстве нашей культуры, литературы и истории стало легендой» [91, 200]. Другой исследователь, Мухаммад Исломи Надушан, «обширность деятельности» - его наследие связал с «развитием жизни Ирана» - от начала истории до настоящего времени [109, 77]. Исследователь творчества Зарринкуба Муджтабо Башардуст также отмечает: «Границы исследований Абдулхусайна Зарринкуба были настолько обширны, многообразны и многочисленны, что человеку неведомо, как их классифицировать, разделить по главам и проанализировать» [91, 51].

Разнообразие источников, тематики исследования, специфический стиль изложения, исследовательская и художественная проза, гуманизм, аполитичность, наличие краткого и подробного введения, наличие кроме перечня литературы еще и списка дополнительной литературы, отсутствие нужды в пропаганде – всё это относится к важнейшим особенностям творчества Абдулхусайна Зарринкуб.

Иранский исследователь масневи, философ Абдулкарим Суруш (род.1945) считает «глубокое исследование, обилие сведений, чистоту прозы, гармоничный начало и конец, чувство меры и справедливость, множество эффектных моментов», «характерной особенностью всего его наследия», и отмечает их «желанность и уникальность, иногда их незаменимость» [91, 95]. Исследователи Мухаммадали Исломи Надушан и Содик Оинаванд признали его научные труды

и литературные произведения «первостепенным наследием Ирана [91, 8, 134], а литературовед Мухаммадамин Риёхи назвал их «достоинейшими литературными и исследовательскими образцами современной эпохи» [91, 27]. Количество его произведений, по сведениям его завещания, доходит до «пятидесяти-шестидесяти сочинений» [91, 215].

Литературовед Алиасгар Мухаммадхони в «Древе просвещения», разделив на несколько групп перечень научного и литературного наследия Зарринкуба, включил в них также стихи, статьи и его выступления [101, 24-39). В этом перечне, составленном до 1376//1997 года, количество его наследия разделено в следующей классификации: отдельные сочинения (26 произведений), сборники (6 книг), переводы (8 книг), книги, находящиеся в печати (6 произведений), утерянное наследие (4 произведения), в сумме составляет 50 наименований. Однако в перечне, составленном литературоведом Али Дахбоши в «Ёдгор-наме» (1376//1997) количество произведений вместе с утерянным наследием, в объеме 5 единиц, указано в объеме 55 произведений [109, 51]. В перечне произведений литературоведа Иноятулла Маджиди численность наследия с произведениями, находящимися в печати (4 книги) и утраченные произведения (5 книг), составляет 65 произведений [25, 150-192]. Это количество в перечне, составленном Хушанг Иттиход в «Современных иранских учёных – 12» (1387//2008), включающем 50 изданных произведений и 2 утраченных произведения, приводится на 8 произведений меньше.

Разнообразие статистических сведений наследия Абдулхусайна Зарринкуба свидетельствует о том, что Абдулхусайн Зарринкуб действительно был одним из самых деятельных и продуктивных исследователей XX столетия не только Ирана, но и всего мира, основательное и глубокое изучение и исследование его многочисленного и весомого наследия - дело отдельной научно-исследовательской школы. Иранский литературовед Манучехр Амири отмечает: «Личность Зарринкуба еще полностью не исследована, и он является одним из гениев, рождающихся раз в двести-триста лет» [91, 9].

Али Дахбоши отмечает его исследовательский вклад «в трех взаимосвязанных основах – литературе Ирана, истории Ирана, эволюции воззрений и духовных школ в Иране» [91, 9]. Это же отмечает и Рузбех Зарринкуб: «Собрание сочинений и исследований уstad Зарринкуб показывает, что он свою научную жизнь распределил между историей, литературой и философией и трёх поприщ нашел для себя взаимосвязь и единство» [91, 52]. Следует отметить, что ни один из исследователей не признал Абдулхусайна Зарринкуба философом. По этой причине нельзя одним из аспектов его исследовательской деятельности и сочинительства, большей частью связанного с культурой Ирана и мира, признать «философским». На основе утверждений вышеупомянутых учёных, наследие Абдулхусайна Зарринкуба, помимо деятельности переводчика, поэта и прозаика, можно разделить на три направления: литературоведение, история, культура Ирана и всемирная культура. Однако данная классификация не решает спорные вопросы о наследии Абдулхусайна Зарринкуба, которое и после его смерти до сих пор собирается, корректируется и издается, они остаются до сих пор неразрешёнными. Спорные вопросы исследовательских кругов, взаимосвязь литературы и истории, а также классификация научного и литературного наследия выдающегося учёного будут рассмотрены нами в первом разделе второй главы диссертации.

По сведениям **Иноятуллы Маджиди**, в 1385//2006 году находились в процессе издания четыре его произведения [25, 157]. Но о том, что они были изданы, в торговой информационной сети Ирана нет никаких сведений. Можно предположить, что они все ещё не изданы, или в издательствах, по словам доктора Камар Ориёни, «надолго задержались» .

Используя четыре перечня наследия [91, 233-235; 25, 149-191; 101, 23-40; 109, 23-52], имеющих между собой существенные расхождения, приведём перечень наследия Абдулхусайна Зарринкуба кратко, с указанием источников и количеством страниц по хронологии написания и издания, по библиографическим отметкам. Книги, написанные по исторической науке и произведения, переведённые выдающимся исследователем, сопровождаются

библиографическим пояснением. В вопросе о книгах автора, связанных с литературоведческой тематикой, доступных нам, будет дана более подробная информация. В связи с этим, объем сведений о произведениях Абдулхусайна Зарринкуба в разработанном нами перечне будет разным.

I. Изданные книги

1. «Философия поэзии, или история развития поэзии и поэтики в Иране». Это первое произведение Зарринкуба, написанное в 1319//1941 году и изданное в 1323//1944 году в типографии Лавиён города Буруджирда. Хотя доктор Ризозаде Шафак назвал его «разбросанным садом», но в то же время он отдельно отметил, что оно «не похоже на нечто известное и обычное» и «от него исходили аромат чистоты и нежное дуновение вкуса». Спустя год после издания, Парвиз Натил Хонлари в журнале «Сухан» («Слово») написал на произведение критическую заметку, в которой дал ему высокую оценку [91, 25, 27]. Произведение состоит из 80 страниц.

2. «Основы персидской поэзии», является переводом произведения французского востоковеда Джеймса Дармстетера (1849-1894). Оно впервые было издано в 1326//1947 году в журнале «Донишнома» (1-ое издание, 32.-С.88-132) под названием «Истоки персидского стиха». Второе издание было осуществлено в 1327 году в Тегеране. Это произведение также было помещено в сборнике статей «След на воде» [109, 149], составляет 44 страницы.

3. «Французская литература в средние века». Перевод произведения французского литературоведа Вердуна Луиса Солниера (Verdun-Louis Saulnier, 1917-1980), первое издание которого было осуществлено в 1328//1949 году в Тегеране в издательстве «Рукай» в сборнике «Что мне ведомо?» в объёме 157 страниц.

4. «Литература Франции в эпоху Ренессанса». Перевод произведения Вердуна Луис Солниера, изданное в 1328//1949 году в издательстве «Джайби» в Тегеране в объёме 141 страниц. Оба произведения были переизданы в одном томе под названием «Литература Франции в средние века и эпоху Ренессанс» в издательстве «Амири Кабир» в 1357//1978 году в Тегеране.

5. «Метафизика». Перевод произведения французского философа и журналиста Фелисиен Шюле (Felicien Challaye, 1875-1967), которое было издано с комментариями и указаниями переводчика в Тегеране в издательстве «Рукаи» в 1329//1950 году в объеме 93 страниц.

6. «Два века безмолвия». Это первый историографический труд автора, повествующий об исторических событиях в Иране в два первых столетия ислама, начиная с нашествия арабов, до становления государства Тахиридов. Первое его издание вышло в 1330//1951 году, и восьмое издание – в 1362//1983 году в Тегеране в издательстве «Джомеаи лисонсияхои донишсарои оли» в объеме 150 страниц.

7. «Комментарий к касыде «Тарсоия» Хакани». Это перевод произведения русского востоковеда Владимира Минорского (1877-1966), который впервые с комментариями и корректурой переводчика, был опубликован в журнале «Фарханги Эронзамин» (стр.111-188) в 1332//1953 году. Второе его издание было осуществлено в издательстве «Суруш» города Табриз в 1348//1969 году в объеме 114 страниц. Данный перевод после смерти переводчика под названием «Встреча с Каабой души» был помещён в его монографии.

8. «Персидское чтение и история литературы». Учебник для четвертого и пятого классов школ, разработанный в соавторстве с другими учёными, который был издан в Тегеране в издательстве «Ширкати саххомии интишори кутуби дарси» в 1335//1956 году в трёх томах [25, 150; 109, 24].

9. «Поэтика». Перевод «Поэтики» Аристотеля, первое издание вышло в Тегеране в издательстве «Бунгохи тарджума ва нашри китоб» в 1337//1958 году, второе – в 1343//1964 году в объеме 245 страниц. Первое издание этого произведения под названием «Аристотель и поэтика» с доработанным переводом и подробным введением, включающим сведения о жизни, наследии и воззрениях Аристотеля, было осуществлено в Тегеране, в указанном издательстве в 1357//1978 году, второе издание осуществлено в 1968//1989 году в объеме 220 страниц [101, 26].

10. «Литературная критика». Полное название книги «Литературная критика – поиски стиля и методов критических дискуссий с исследованиями истории критики и критиков», первое издание книги было осуществлено в одном томе в 1338//1960 году в Тегеране в объёме 589 страниц в издательстве «Андеша», в 1354//1975 году с изменениями и дополнениями в двух томах в издательстве «Амири Кабир» вышло второе её издание. Десятое её издание, осуществлённое в 1392//2013 году, вместе с комментариями и списками составляет 922 страницы. Абдулхусайн Зарринкуб, по словам литературоведа, его соотечественника Мухаммадамина Риёхи, «написанием и изданием «Литературной критики» заложил прочные основы этой науки в персидском языке» [91, 27]. По сведениям Иноятуллы Маджиди, учёными Университета Алигарх (Индия) это произведение переведено на язык урду [25, 151; 109, 24], а по утверждению Алиасгара Мухаммадхони, оно переведено на язык хинди [101, 25]. Нам не удалось выяснить, на какой из этих двух языков все же переведено произведение.

11. «Ценность суфийского наследия». Это произведение, посвященное истории суфизма и исследованию наследия выдающихся суфиев, впервые издано в 1342//1963 году в издательстве журнала «Ягмо» в объёме 114 страниц, второе издание осуществлено в 1344//1965 году, но оно не является полным изданием. Полное издание с приложениями осуществлено в 1353//1974 году [91, 23]. Это произведение издано в издательстве «Амири Кабир» в 1373//1994 году в объёме 316 страниц. Книга, по словам Бахоуддина Хуррамшохи [91, 184] «уникальная по тематике и виду», до 1376//1997 года издавалась семь раз, до 1393//2014 года – шестнадцать раз. В 2012 году усилиями таджикского исследователя и переводчика Мухаммадсалома Махшулова под названием «Ценность суфийского наследия» она переведена на русский язык и в объёме 304 страниц издана в издательстве «Петербургское востоковедение» города Санкт-Петербурга Российской Федерации.

12. «История Ирана после ислама». Этот исторический труд переиздавался дважды. Первое его издание осуществлено в Тегеране, в издательстве «Вазорати

омузиш ва парвариш» в 1343//1964 году, седьмое его издание осуществлено в издательстве «Амири Кабир» в объёме 18 страниц введения и 918 страниц текста и перечня источников.

13. «С караваном обновок». Сборник литературно-критических статей, первое издание которого было осуществлено в Тегеране издательством «Ориё» в 1343//1964 году, состоявшее из 20 статей, посвященных исследованию жизни и творчества поэтов, и в 1370//1991 году с изменениями, с десятью новыми статьями было осуществлено шестое его издание в объёме 368 страниц. Седьмое издание стало доступно читателям в 1373//1994 году, девятое издание – в 1374//1995 году, шестнадцатое издание – в 1389//2010 году. Указанная книга под названием «Из цветника Аджамы» усилиями доктора Мухаммаднура Мухаммадхон и доктора Гулсум Фатима Саид переведена на язык урду и издана в Исламабаде в 1354//1985 году [25, 151; 66, 25]. Это произведение в 2004 году стараниями Шоди Шокирзаде Нумонпура (переводчик 20 статей – с предисловием первого издания книги, 1994 год) и Райхон Мамадаминзаде Сохибназар (переводчика 10 статей – с предисловием седьмого издания книги) на кириллице вышла в Таджикистане [3, 11-12]. До 2004 года несколько статей из книги были напечатаны в разных номерах журнала «Адаб».

14. «Исламская энциклопедия». Это двухтомное произведение, сочинённое и доработанное Гуломхусайном Мусохиб, состоит из множества статей, принадлежащих перу Абдулхусайна Зарринкуб. Иноятуллах Маджиди отмечает, что: «Большая часть статей по истории Ирана после ислама, суфизму, поэтике, культурологии, исламским общинам; презентации книг иранских и арабских книг, приведённых в этой энциклопедии, принадлежат перу доктора Зарринкуба [25, 151; 109, 25]. Первый том вышел в Иране, в издательстве «Франклин» в 1345//1966 году, и второй том – в 1356//1977 году.

15. «Поэзия безо лжи, поэзия без покрова». Это произведение посвящено поэтической тематике, стилистике и критике персидской поэзии, охватывает суждения автора о месте и критике поэзии прошлого и настоящего времени. Первое его издание было осуществлено в 1346//1967 году в объёме 337 страниц,

седьмое издание – в 1372//1993 году, одиннадцатое – в 1392//2013 году в Тегеране в разных издательствах в объёме 351 страницы. Автор, будучи также и хорошим поэтом, высказал критические замечания по проблемам поэзии и поэтического мастерства, стилистике, способах осмысления данных понятий. Это произведение было дополнено и издано в 1371//1992 году [21, 5-15].

16. «Рассвет ислама». Это исторический труд, охватывающий историю Ирана с возникновения исламской религии и его распространения до периода Омейядской династии. Первое его издание было осуществлено в Тегеране, в издательстве «Саиб» в 1346//1967 году, шестое издание в издательстве «Амири Кабир» - в 1369//1990 году в объёме 234 страниц.

17. «Одинокое дерево». Аллегорическое произведение Абдулхусайна Зарринкуба, впервые изданное в 1347//1968 году в издательстве журнала «Ягма» в объёме 26 страниц. В 1373//1994 году в Тегеране данное произведение было издано в издательстве «Гувох» в объёме 50 страниц. Оно также приводится в «Мемуарах и размышлениях» автора. Данное произведение усилиями Ориёнмехра, таджикского литератора, переведено на кириллицу и опубликовано в журнале «Паёми Сугд» [125, 51-65; 126, 77-92].

18. «Исламская цивилизация». Это исторический труд, с введением автора, впервые издан усилиями иранского переводчика Ахмада Ором (1912-1998) в Тегеране, в издательстве «Интишар» в 1348//1969 году в объёме 244 страниц, в 1393//2014 году, двадцать первое издание в издательстве «Амири Кабир» в объёме 190 страниц (помимо перечня). «Исламская цивилизация» была издана в 2004 году стараниями таджикского учёного и переводчика Мухаммадсалома Махшулова в объёме 237 страниц на русском языке в городе Москва Российской Федерации в издательстве «Андалус» На таджикский язык она была переведена в 2007 году таджикским учёным Саидрахмоном Сулаймоновым [4].

19. «С улицы риндов». Эта книга относится к числу первых монографических книг автора и посвящена жизни и размышлениям Хафиза Ширази. Первое её издание осуществлено в 1349//1970 году в объёме 239

страниц в издательстве «Джайби» [при сотрудничестве с «Франклином»], двенадцатое её издание осуществлено в 1387 году в объеме 280 страниц.

20. «Иранский суфизм в историческом контексте». Это произведение Абдулхусайн Зарринкуб написал на английском языке «Persian Sufism: A Historical Perspective, Iranian Studies – 1970» в 1349//1970 году. Мадждуддин Кайвани перевёл произведение с английского на персидский язык и издал в 1383//2004 году в издательстве «Сухан». Спустя два года, возникла необходимость во втором издании книги. Из введения произведения выясняется, что автор собрал тексты своих выступлений, сделанных в 1348-1349//1969-1970 гг. и в 1369-1370//1990-1991 гг. в университете Пристинсен штата Калифорния.

21. «Мемуары и размышления: статьи, критика и замечания». Первый сборник статей, изданный стараниями, и с введением Иноятулла Маджиди в 1351//1972 году в издательстве Библиотеки Тахури, и в четвёртое издание осуществлено в 1371//1992 году в издательстве «Асатир» Тегерана в объёме 432 страниц. Редактор сборника 34 статьей Абдулхусайна Зарринкуба классифицировал их в соответствии со следующей тематикой: «Общие спорные проблемы литературной критики», «Поэзия и поэтическая критика», «Религия и философия», «Литературоведческое и историческое исследование», «Критика произведений», «Культура общества», «Всемирная литература», «Ссылки и примечания».

22. «Побег из медресе». Это второе монографическое произведение Абдулхусайна Зарринкуб, посвященное жизнеописанию и мировоззрению Абухамида Газзали (1058-1111). Первое издание было осуществлено в 1353//1974 году в издательстве «Анджумани осори милли» в объёме 420 страниц, третье издание – в 1364//1985 году. В двенадцатый раз оно было издано в 1392//2013 году в издательстве «Амири Кабир» [148]. Арабский перевод этой книги под названием «Фирар мин-ал-мадрасати» издано в Бейруте, в Ливане [109, 26].

23. «Ни восточный, ни западный, просто человеческий». Второй сборник статей, исследований, критики и пьес Абдулхусайна Зарринкуб, первое издание

которого осуществлено в 1353//1974 году, и четвёртое издание – в 1375//1995 году в издательстве «Амири Кабир» в объёме 694 страниц в Тегеране [101, 26; 109, 26].

24. «История на весах». Произведение посвящено истории и историографии, и издано в Тегеране, в издательстве «Амири Кабир». Первое издание осуществлено в 1354//1975 году, второе – в 1362//1983 году в объёме 323 страниц и представлено на суд историков и историографов [109, 153]. Двадцать первое его издание осуществлено в том же издательстве в 1393//2014 году.

25. «Из других вещей». Это третий сборник критики, воспоминаний, презентации пьес Абдулхусайна Зарринкуба, первое издание осуществлено в 1356//1977 году в издательстве «Джовидон», третье издание его осуществлено в Тегеране 1371//1992 году в издательстве «Асотир» в объёме 370 страниц. Кроме статей философского и исторического характера, здесь собраны статьи «По вопросам литературы и критики суфизма», «Мир Саиба: дверца в его мировоззрение», «Несколько слов о критике поэзии», «Аристотель и его наследие в литературной критике», относящиеся к исключительно критическому направлению.

26. «Исследования иранского суфизма». Это произведение представляет результат и поиски автора в области иранского суфизма. Первое его издание осуществлено в 1357//1978 году, пятое издание – в 1370//2014 году в издательстве «Амири Кабир» в Тегеране в объёме 446 страниц. Эта книга относится к числу первых книг Абдулхусайна Зарринкуба, изданных в Таджикистане в издательстве «Адиб» в 1992 году. Произведение состоит из 15 разделов, в которых автор высказал свою точку зрения по каждому значимому событию, ареалам, известным личностям, течениях и тарикатах суфизма и мистицизма.

27. «Литературная критика». Учебник для четвёртых классов средних школ (литературного уклона), первое издание которого осуществлено в Тегеране, в издательстве «Омузишу парвариш» в 1357//1978 году в объёме 146 страниц, третье издание осуществлено в издательстве «Паёми нур» в 1371//1992

году в объёме 240 страниц. Упомянутый учебник Абдулхусайн Зарринкуб разработал и написал вместе с братом Хамидом Зарринкуб.

28. «Вслед за исследованиями суфизма в Иране». Данное произведение является логическим продолжением «Исследования иранского суфизма», первое издание осуществлено в 1363//1984 году, четвёртое - в 1376//1997 году и в 1393//2014 году - девятое в издательстве «Амири Кабир» в объёме 412 страниц. Произведение состоит из 9 разделов: «Критика суфизма», «Суфийские братства», «Шейх Кубра и его халифат», «Школа Ибн Араби», «Кубравия, захравия, нурбахшия», «От Самарканда до Индии», «Период исфаханской школы», «Суфизм и философия», «Обновление из опыта прошлого».

29. «С караваном обновок». Это четвёртый сборник литературных и философских статей автора, первое издание осуществлено в 1363//1984 году, второе – в 1369//1990 году в издательстве «Амири Кабир» в объёме 426 страниц в Тегеране. В этот сборник включены три статьи литературоведческого характера: «Шамс Табризи и трель свирели Мавлави», «Шейх Гянджи в поисках Нокуджоабада», «Последняя глава «Калилы и Димны».

30. «Экскурс в персидскую поэзию». Критическое произведение, повествующее о персидской поэзии и её эволюции. Автор приводит образцы из творчества поэтов, рассматривает и анализирует высказывания литераторов и составителей антологий, в ходе чего тонко высказывает собственные размышления. Первое его издание осуществлено в издательстве «Навин» в 1362//1983 году, третье издание – в издательстве «Интишороти илми» в 1371//1992 году в объёме 600 страниц.

31. «Секрет свирели». Это произведение представляет критический анализ и толкование «Поэмы о скрытом смысле» Джалаладдина Балхи, написано в 1360-1362//1981-1983 гг. в Париже. Состоит из двух томов, первое издание которого осуществлено в 1364//1985 году, пятое издание – в 1373//1994 году, шестое – в 1374//1995 году в издательстве «Илми» в объёме 1158 (первый том - 608, второй том – 608 -1158) страниц.

32. «История народа Ирана». Книга посвящена истории доисламского Ирана (период правления Сасанидов, первый том), первое издание его осуществлено в 1364//1985 году, восьмое его издание – в 1369//1990 году в издательстве «Амири Кабир» в объёме 608 страниц.

33. «Тетрадь эпохи». Пятый сборник статей, размышлений и исследований Абдулхусайна Зарринкуба, включающий 20 исследовательских статей о представителях персидской науки и литературы - Газзали, Аттаре, Мавляна, Бедиле и Парвин Эътисами, а также дискуссии по проблемам поэзии, критики поэзии, этике и философии. Первое издание осуществлено в 1365//1986 году, третье издание – в 1375//1996 году, шестое – в 1383//2004 году в Тегеране, в издательстве «Илми» в объёме 391 страницы.

34. «История народа Ирана». Произведение посвящено истории Ирана (с конца правления династии Сасанидов до конца правления династии Буидов, второй том). Издано издательством «Амири Кабир» Тегерана в 1365//1986 году, в 1373//1994 году было осуществлено четвёртое его издание в объёме 591 страницы.

35. «Море в кувшине». Это произведение посвящено критике и толкованию легенд и притч «Поэмы о скрытом смысле» Джалаладдина Балхи. По поводу этой книги автор ещё в предисловии ко второму изданию «Секрет свирели» говорит: «Отрадно, что близко ко второму изданию «Секрета свирели» находится то, что найдено из потерянной версии «Введения к «Масневи», подготовлено к печати и под названием «Море в кувшине» стало достоянием и подарком для читателя, жаждущего дискуссий по поводу легенд и притч «Масневи» [37, 10]. Первое его издание осуществлено в 1366//1987 году, шестое издание – в 1374//1995 году, тринадцатое – в 1387//2007 году в издательстве «Илми» в объёме 616 страниц.

36. «След на воде». Это шестой сборник статей, посвященный стихам Хафиза, «Гулшани роз» Махмуда Шабистари, классической персидской прозе, воспоминаниям автора, первое издание осуществлено в 1368//1989 году в объёме

725 страниц в издательстве «Муин» Тегерана, третье издание было осуществлено в 1375//1996 х. году в издательстве «Сухан».

37. «В рамках совести». Произведение, в котором автор ведет дискуссии по поводу этики, суфизма, мифов, истории мировоззрений и религий. Первое издание произведения осуществлено в 1369//1990 году в объеме 611 страниц в издательстве «Илми», второе издание осуществлено в 1375//1996 году с изменениями и дополнениями в объеме 644 страниц в Тегеране.

38. «Шаг за шагом до беседы с Богом». Это произведение посвящено жизненным взглядам, мировоззрению и религиозно-мистической приверженности Мавляна Джалаладдина Руми. Это произведение написано простым и доступным языком по желанию читателей, столкнувшихся с трудностями при чтении «Секрета флейты» и «Моря в кувшине». Первое издание осуществлено в 1370//1991 году, девятое издание – в 1375//1996 году, тридцать третье издание – в 1393//2014 году в объеме 394 страниц в издательстве «Илми», в Тегеране. Это произведение Абдулхусайна Зарринкубав течение двадцати трёх лет пережило тридцать три издания.

39. «Шейх Гянджи в поисках Нокуджоабада». Это третье монографическое произведение автора, посвященного вопросам жизнеописания, творчества и мировоззрения Низами Гянджеви. Первое издание осуществлено в 1372//1993 году, второе издание – в 1374//1995 году, восьмое издание – в 1389//2010 году в издательстве «Сухан» в объеме 359 страниц.

40. «Знакомство с литературной критикой». Это произведение является частью «Литературной критики» (написанного в 1338//1959 году), которое автор издал с небольшим сокращением и корректурой, в том числе, с приведением указаний в сносках. Впервые произведение было издано в 1372//1993 году, второе издание в 1374//1995 году, седьмое издание – в 1388//2009 году в объеме 507 страниц в издательстве «Сухан» в Тегеране.

41. «Летопись Ирана». Этот исторический труд посвящен глубокой древней истории Ирана, первый том впервые был издан в 1373//1994 году, третье

издание было осуществлено в 1375//1996 году в объёме 302 страниц в издательстве «Сухан» в Тегеране.

42. «Вслед за летописью Ирана». Это исторический труд, посвященный важнейшим историческим событиям Ирана с конца правления династии Саманидов до династии Тимуридов, как и второй том, он впервые издан в 1375//1996 году в издательстве «Сухан» в Тегеране в объёме 385 страниц [101, 24].

43. «Другая летопись». Исторический труд, посвященный исследованию и анализу истории Ирана от династии Сефевидов до наших дней, как третий том, впервые он издан в 1375//1996 году в издательстве «Сухан», в Тегеране в объёме 312 страниц. Под названием «Летописи»(история Ирана с начала до окончания правления пехлевидов), три тома, объединенных в одном произведении, впервые издано в указанном издательстве в объёме 963 страницы в 1378//1999 году, четвёртое издание осуществлено в 1392//2013 году.

44. «Из классики литературы Ирана». Произведение, в котором автор дискутирует о персидской прозе, о персидской классической поэзии в сравнении с современной поэзией и современной литературой. Первое издание осуществлено в 1375//1996 году в издательстве «Алхудо», в Тегеране в объёме 577 страниц.

45. «Еще остается рассказ» Это седьмой сборник научно-литературных высказываний автора о выдающихся представителях персидской литературы Мавлана, Низами, Фирдоуси, Саади, Хафизе, Атгаре, где кратко рассматривается также и их творческое наследие. Впервые издан в 1376//1997 году в издательстве «Сухан», в Тегеране в объёме 507 страниц.

46. «Пламя Тура». Это четвёртое монографическое произведение, посвященное жизнеописанию и мировоззрению Мансура Халладжа. Издано в 1377//1998 году за год до смерти автора в издательстве «Сухан» Тегерана в объёме 311 страниц. Девятое издание его было осуществлено в указанном издательстве в 1389//2010 году.

47. «Из поэмы о свирели». Избранное из «Поэмы о тайном смысле», составленное в соавторстве с доктором Камар Ориёни в 1377//1998 году и изданное в издательстве «Сухан» Тегерана. Единственное произведение Абдулхусайна Зарринкуба, полностью посвященное творчеству классиков.

48. «Шелест крыльев Симурга». Это пятое монографическое произведение, первое издание которого осуществлено в год смерти автора - в 1378//1999 году в издательстве «Сухан» в Тегеране в объеме 234 страниц, посвященное жизнеописанию и мировоззрению Фаридуддина Атгара Нишапури. О последующих изданиях сведений не имеется.

49. «Встреча с Каабой души». Это шестое монографическое произведение, посвященное жизнеописанию, творчеству и поэтическому мастерству Хакани Ширвани. Произведение впервые издано и предложено вниманию читателей в 1379//2000 году в объеме 224 страниц в издательстве «Сухан» Тегерана. В создание и издание произведения внесла существенный вклад доктор Камар Ориёни. О других изданиях книги сведения отсутствуют.

50. «Персидская литература». Учебник для подготовительных отделений университетов, гуманитарного направления по тематике «Рифмосложение, размер аруз и литературная критика», написанный в соавторстве с Таки Вахидиён Комёр, Хамидом Зарринкуб, издан в издательстве «Омузишу парвариш» в Тегеране в 1378//1999 году, в объеме 180 страниц для студентов.

51. «Славный хадис Саади». Это седьмое монографическое произведение, издание которого простые читатели и истинные почитатели творчества автора ждали ещё со времён написания книги «С караваном размышлений». Но это незавершённое произведение, посвященное жизни, творчеству и мировоззрению Саади Ширази, было издано после смерти автора стараниями Камар Ориёни в 1379//2000 году в издательстве «Сухан» в Тегеране и в объеме 188 страниц. О других изданиях этого произведения сведений нет.

52. «История древнего Ирана». Это произведение, написанное в соавторстве с Рузбехи Зарринкубом, посвящено политической истории династии Сасанидов. Оно издано в Тегеране, в издательстве «Организация по составлению

и изучению научной гуманитарной литературы университетов» в 1379//2000 году в объёме 114 страниц.

53. «Две монографии по вопросам изменения конституционного строя Ирана». Этот исторический труд охватывает монографии Мухаммадоко Ирвани и Абдулкасимхана Насирулмулка, который Абдулхусайн Зарринкуб подготовил к печати совместно с Рузбех Зарринкуб. Это произведение издано в издательстве «Организации национальных документов Ирана» в Тегеране в 1380//2001 году в объёме 165 страниц.

54. «Намварнаме» («Книга о выдающихся людях») Это последнее монографическое произведение Абдулхусайна Зарринкуб, в котором дискуссии ведутся о Фирдоуси и его произведении «Шах-наме». Это произведение с предисловием доктора Камар Ориёни впервые издано в 1381//2002 году, в 1383//2004 году в издательстве «Сухан» в Тегеране вышло третье издание в объёме 194 страниц.

55. «Сломанная лестница». Это произведение, посвященное толкованию и анализу первой тетради «Поэмы о скрытом смысле» Джалаладдина Балхи, имеет удивительную историю. Поначалу это произведение называлось «Лестница с небес», содержащее толкование и пояснение шести тетрадей «Поэмы о скрытом смысле» Джалаладдина Балхи», но оно было похищено в одном из издательств. «Сломанную лестницу» автор по памяти и, опираясь на свои воспоминания, восстановил заново, и оно было издано после его смерти в 1382//2003 году в издательстве «Сухан» в Тегеране в объёме 518 страниц. О других его изданиях сведения отсутствуют.

II. Книги, находящиеся в печати или ещё не изданные:

56. «Жизнь и мировоззрение великого Куруша». О содержании данного произведения Камар Ориёни отметила: «Весть, которую можно сообщить любителям истории Зарринкуба, это то, что Зарринкуб осуществил исследование, посвящённое Курушу, и есть надежда, чтобы после корректуры имеющихся версий и недостатков, как можно быстрее сделать его достоянием читателей» [91, 213].

57. «Земля и история Ирана». Это произведение, составленное в сотрудничестве с Рузбех Зарринкуб, должно было быть издано в издательстве «Нигор», в Тегеране [25, 157], но о его издании сведения отсутствуют.

58. «Прошлогодний календарь». Это сборник мемуаров Абдулхусайна Зарринкуба, начиная с 1318//1939 года до конца жизни, который составлен стараниями Али Дахбаши [25, 157]. Но историк Рузбех Зарринкуб утверждает, что воспоминания Абдулхусайна Зарринкуба начаты еще с 14 лет [141, 213]. Образец из воспоминаний (написан в шахривар 1320//сентябрь 1941 года): «Если бы Иран не был так охвачен предательством, без сомнений, мог показать этим новопришедшим, что он достоин авторитета и гордости за свое прошлое. То, что Тегеран склоняет голову, это вовсе не означает, что Иран не поднимет голову. Они пришли и должны уйти, и если они имели по отношению к кому-либо дело, то увидят, что они имеют дело не с Тегераном, а с Ираном. Разве те, кто Иран предательски и так вероломно разом предали, не взяли в расчёт, что здесь хранится жизненная мощь, силой в три тысячи лет, что при необходимости она может показать им? Они просчитались!» [91, 14].

59. «История Ирана в эпоху ислама» (четыре тома). Это произведение, собранное и отредактированное Рузбех Зарринкуб, должно было быть издано Центром большой исламской энциклопедии в Тегеране [25, 157]. Эти четыре произведения указаны в перечне, разработанном Иноятулла Маджиди, в числе других произведений Абдулхусайна Зарринкуба под названием «Книги, находящиеся в издании» за номерами 57, 58, 59, 60 [25, 157].

III. Утерянные книги:

60. «Литература Франции в классический период». Это исторический труд из сборника «Что мне ведомо?», перевод которого завершён в 1329//1950 году [25, 191].

61. «Божий человек». Произведение посвящено жизни и личности Али ибн Абиталиба, корректура его завершена в урдубихишт 1357//май 1978 года [25, 191].

62. «Роль ислама в культуре и политике». Это произведение посвящено Сайиду Джамалиддину Асадабади, редактирование завершено в исфандмох 1356//март 1978 года. Данное произведение и «Божий человек» были похищены с места работы Абдулхусайна Зарринкуба в Институте литературы.

63. «Лестница небес». Это комментарий и пояснение к шести тетрадам «Поэмы о скрытом смысле» Джалаладдина Балхи в трёх томах, письменный вариант которого был утерян в одном из издательств [25, 191].

В заключение второго параграфа можно сделать следующие выводы:

1. Перечень изданного наследия Абдулхусайна Зарринкуб убедительно доказывает, что он, являясь одним из наиболее деятельных исследователей Ирана и мира в XX веке, был одновременно критиком, литературоведом, историком, культурологом, писателем талантливым переводчиком. В перечне опубликованного наследия имеется два подготовленных к печати произведения, шесть переведённых произведений, а остальные произведения непосредственно принадлежат Абдулхусайну Зарринкуб.

2. Переводы некоторых произведений на язык урду, арабский, русский языки, а также перевод на таджикский язык на кириллице доказывает их высокую ценность. Одновременно с увеличением числа переводов произведений на иностранные языки увеличилось количество изданий научного наследия Абдулхусайна Зарринкуба, повысился его исследовательский авторитет среди литературоведов XX века.

3. Одной из отличительных особенностей некоторых научно-литературных произведений Абдулхусайна Зарринкуба, таких как «С улицы риндов», «Шаг за шагом до беседы с Всевышним», является их доступность для персоязычных народов. Тот факт, что в Иране его научно-литературное наследие переиздавалось от пяти до десяти раз, свидетельствует о значимости и полезности его произведений, отвечающих потребностям читателей.

4. В истории изданий литературного наследия явления цензуры (от латинского *censura* – выставление оценок, определение) и хищения литературного наследия встречаются часто. Однако хищение научно-

исследовательских работ, по очевидности, созданных для определенного круга людей, наблюдается реже. Годы пребывания и задержки произведений Абдулхусайна Зарринкуба в издательствах, похищение его произведений являются ярким свидетельством особой привлекательности их содержания и стиля изложения, в которых автор, пользуясь характерным языком, реально рассматривает роль и место выдающихся личностей в сфере литературы и истории литературного и исторического наследия, роль культуры и литературы в различные исторические периоды, прошлое и настоящее истории Ирана.

5. Неизданное наследие Абдулхусайна Зарринкуба и находящееся в распоряжении «Большой исламской энциклопедии» черновики его научных исследований свидетельствуют о том, что он, бесспорно, является одним из непризнанных гениев в литературоведении и историографии Ирана и мира.

1.4. Классификация научно-художественного наследия Абдулхусайн Зарринкуба

Из содержательного аспекта статей иранских учёных, посвященных жизни и творчеству Абдулхусайна Зарринкуба, вытекает, что круг исследований выдающегося учёного и критика расширялся по мере становления его мировоззрения. Именно эволюция воззрений и разнонаправленность круга его исследований стали причиной широкого охвата проблем его сочинениями. Как было рассмотрено во втором разделе первой главы, после себя он оставил почти шестьдесят научно-исследовательских трудов. В деле изучения и научной оценки его наследия внесли вклад многие литературоведы, историки, критики, иранисты, культурологи, философы и литераторы. По утверждению большинства из них, в значительном количестве его научного наследия наблюдается тесная взаимосвязь литературоведения и историографии. Однако в большинстве случаев, исследователи сферы литературы и истории, при изучении какого-либо близкого к своей сфере аспекта его исследований, хотя и принимают во внимание оба направления деятельности учёного, в рассмотрении

его наследия всё же больше внимания уделяют в контексте рассматриваемой ими проблемы. Иранский критик и литературовед Эрадж Порсинаджод в предисловии своей книги пишет: «Хотя Зарринкуб написал значительное число книг, монографий и статей, посвященных актуальным проблемам различных сфер персидской литературы, древней и новой истории Ирана, мистицизму и суфизму, истории религий и другим темам, но он более всего был привязан к литературной критике, и ещё в годы своей юности первое своё произведение (*«Философия поэзии, история развития поэзии и поэтического творчества в Иране»* – И.И.) он посвятил именно этой проблеме [98, 13]. Критик и историограф Мухаммад Бахтиёри, напротив, опираясь на мнение историка Рузбех Зарринкуба утверждает, что «в числе сочинений Зарринкуба первое место занимают произведения по истории», а «третье основное направление деятельности Зарринкуба составляет литературная критика, посвященная наследию классических и современных литераторов» [93, 44]. Когда задали вопрос по данной проблеме самому Абдулхусайну Зарринкубу, он, назвал первую книгу и отметил, что все три понятия - «философия», «поэзия» (литература) и «история» - равномерно разместились в одном его произведении.

В этом разделе основной целью исследования является определение оснований, факторов, значения и необходимости взаимосвязи между двумя дисциплинами – литературой и историей.

Из биографии Абдулхусайна Зарринкуба выясняется, что он получил воспитание в семье глубоко религиозного, просвещенного лица, и «его связь с религией, суфизмом, литературой и историей пустили корни именно в атмосфере семьи» [93, 31]. В семье родителей и деда Абдулхусайна Зарринкуба хотели воспитать его высоконравственным и умным человеком. Отец принуждал его участвовать на занятиях по богословию, которые преимущественно были связаны и с литературой и историей. Его дядя по матери - Джавод, чтец и книголюб, одновременно с тем, что читал вместе с ним и проводил занимательные беседы, оставлял свои книги в распоряжении племянника. Дед покупал для него «Шахнаме» Фирдоуси и пробуждал в нём интерес к литературе

и истории. Заседания кружка общины, часто проходящие в их доме, пробуждали в его пытлимом уме большое количество вопросов, ответ на которые можно было найти лишь в трудах по истории. В годы самостоятельной семейной жизни, отдельно от семьи отца, научная деятельность его братьев, единых по интересу, придавала ему сил и энергии, была источником радости и воодушевления. Вся семья так была связана с наукой и литературой, что она не могла представить свою жизнь без книг, исследовательской и творческой деятельности. Письмо Абдулхусайна Зарринкуба из Швеции своему младшему брату Ахмаду, просившему его ответить на большое количество вопросов, под названием «На горизонте событий» [26, 269-300] является ярким доказательством этой приверженности: «До сих пор, правда, уже три недели составляю для этих вопросов памятку, думаю о них, изучаю их и пишу что-то» [26, 272]. Другим существенным фактором была социально-политическая ситуация Ирана периода его жизни. Из 76 лет жизни Абдулхусайна Зарринкуба 50 лет прошла в период монархического правления пехлевидов, когда власть была в руках иранских шахов – Ризашаха Пехлеви (1925-1941) и его сына Мухаммадриза Пехлеви (1941-1979). На новую эпоху, когда в 1979 году под руководством Аятулла Хомейни в Иране победила Исламская революция, и Иран был объявлен исламским государством, приходится всего лишь 20 последних лет жизни Зарринкуба. В эпоху монархического правления пехлевидов (1925-1979), несмотря на то, что Иран и попал под экономическое и политическое влияние стран Европы и Америки, он руководствовался политикой национализма. Литература и культура в этот период в большей степени находились под влиянием духа национализма, что не могло не отразиться и в творчестве, научной и литературной деятельности Абдулхусайна Зарринкуба. Вторжение европейских военных и коммерсантов в Иран, и националистические требования политики «режима пехлевидов» в формировании мировоззрения Абдулхусайна Зарринкуба и других иранских учёных являются двумя основными факторами. Вся научная и литературная общественность, видевшая угнетение и унижение нации при политической мощи Европы и Америки, преимущественно занявшись

изучением европейских языков, имели цель приобщиться к культуре и литературе передовых стран, чтобы на этой почве достичь желаемого уровня политического и культурного развития. В силу этого Абдулхусайн Зарринкуб, занимаясь литературными исследованиями, одновременно обратился и к истории. Дух паниранизма заметен во всём его творчестве. Из тетради его воспоминаний - «Прошлогодний календарь» - выясняется, что он уже в девятнадцатилетнем возрасте не мог перенести унижения и оскорбления своего народа: «До сих пор не мог ощутить, насколько я люблю её, я говорю о Родине. Лишь сегодня, когда я вижу, что её у меня отнимают, чувствую, что люблю ей невероятно, настолько невероятно, что даже обязывает меня принести себя ей в жертву... Иран не может забыть своё прошлое. Такое гордое прошлое, что мир многим обязан ему. Иноземное завоевание не нанесёт удара по менталитету Ирана. Если ослабла мощь одного иранского шаха, Иран в состоянии отстоять свою жизненную силу» [91, 14]. Именно благодаря этим чувствам, самосознанию и гордости, исследователь, обладатель тонкой поэтической натуры, одновременно занялся изучением литературы и истории, и он, в действительности, мужественно принёс себя в жертву на этом поприще.

Третий фактор – это влияние культурной и литературной среды в Иране XX века, находящейся под влиянием монархической и исламской политики пехлевидов. В эпоху монархии пехлевидов была образована «Персидская академия», ставившая целью возрождение и очищение персидского языка от арабских и тюркских заимствований. В это время усилился экскурс в доисламскую историю, литературу и культуру. Ярким доказательством влияния этой политики является создание произведения правоведа и историка, премьер-министра Ирана Хасани Пирниё (1872-1935) «История древнего Ирана». Абдулхусайн Зарринкуб, обучавшийся и воспитывавшийся в этой среде, испытывал на себе её естественное влияние. Он не стал вмешиваться в государственную политику эпохи пехлеви и ислама, и поставил своей целью преданное служение национальной иранской культуре, охватывающих также литературу и историю. В исламскую эпоху приоритетное место занимает

политика религиозной культуры, а литература и история стали формироваться, находясь под влиянием этой культуры, в силу чего мировоззрение иранцев было ориентировано в этом направлении. Выдающийся исследователь, как один из представителей иранской общественности, не мог оказаться вне сферы влияния этой культурной среды.

Четвёртый фактор – это непосредственное влияние сугубо литературных и исторических традиций предков. Исследователи минувших лет в своих произведениях литературу от истории не отделяли. Хотя Абдулхусайн Зарринкуб свои исторические и литературоведческие сочинения создал под отдельными названиями, отличающимся содержанием и смыслом, но в стиле изложения, в стилистике повествования не мог отказаться от традиций предков. Разумеется, под влиянием этого фактора, имеющего неосознанный характер, талантливый исследователь с поэтической натурой, просто, непринуждённо и естественно взялся за продолжение традиций предков. Именно тогда у него сформировалось на фоне влияния данного фактора определенное мировоззрение и собственный стиль, что обусловило появления среди нового поколения историографов мнения о его характерном, смешанном стиле историка и литератора в одном лице и признании его мастерства. Была ли острая необходимость во всех указанных взаимовлияниях, в стремлении к новизне и нововведению, ставшие причиной характерной взаимосвязи литературы и истории в исследованиях Абдулхусайна Зарринкуба? В первой половине XX века в Иране и в странах Востока влияние западной культуры достигло высшего предела, подчинив себе и восточную культуру. Перед патриотично настроенными учёными и исследователями, как Абдулхусайн Зарринкуб, встала необходимость защиты исконно национальной истории и культуры. Он, от всей души осознавший эту и необходимость со всей исторической ответственностью ещё в начале деятельности, сделал это своего рода девизом жизни, исследований и произведений. Иранский критик и поэт Риза Барохани, признав его выдающимся исследователем, поставил в один ряд с известными литературоведами – Парвизом Натили Хонлари и Шафеи Кадкани [94, 10], и по

вопросу характерных особенностей исследований всех названных литературоведов отметил: «Они созданное другими превращают в информацию, что весьма ценно и народ Ирана должен быть благодарен им» [94, 11].

О значимости взаимосвязи истории и литературы в исследованиях Абдулхусайна Зарринкуб говорит сама необходимость, не требующая лишнего многословия.

По перечню научного и литературного наследия его исследования можно разделить на несколько направлений: 1. Литературная критика; 2. Культура Ирана и всемирная культура 3. История Ирана 4. Суфизм, мистицизм и исследование творчества Джалаладдина Балхи 5. Монографии 6. Переводческая деятельность 7. Составление учебных пособий и учебников 8. Литературное творчество (стихи, поэмы, пьесы); 9. Журналистская деятельность.

1. Литературная критика. Абдулхусайн Зарринкуб в литературной критике, помимо нескольких отдельных статей, написал ещё следующие произведения: «Философия поэзии, история развития поэзии и поэтического творчества в Иране», «Литература на суде истории», «Литературная критика», «С караваном обновок», «Поэзия безо лжи, поэзия без покровов», «Экскурс в персидскую поэзию», «Знакомство с литературной критикой». Более подробные сведения об этих произведениях будут даны в первом и во втором параграфах третьей главы настоящей диссертации. Здесь мы остановимся лишь на их важнейших особенностях в аспекте взаимосвязи литературы с историей. В первом произведении, по словам самого автора, круг исследования составляют «история, литература и философия (на примере мировой культуры)», он также говорит об эволюции мировоззрения и перспективах своего исследования. История занимает специфическое место не только в произведениях по литературной критике, но и в произведениях, посвященных культуре, и эта неразрывная связь изучения, исследования и сочинения выработала свои специфические, характерные особенности.

2. Культура Ирана и всемирная культура. Значительная часть статей Абдулхусайна Зарринкуба связана с культурой Ирана и мира, подавляющее

большинство из которых размещены в сборниках под названиями «Воспоминания и размышления над статьями», «Из других вещей», «Ни восточный, ни западный, просто человеческий», «С караваном обновок», «Тетрадь времени», «След на воде», среди статей по литературоведению и истории. Следует отметить, что значительная часть статей подобного рода это тексты его выступлений на том или ином научном симпозиуме или конференции. В качестве образца приведем некоторые из них: «Библиотека» (речь на симпозиуме Библиотекарей) на страницах 726-736 книги «След на воде», «Как можно быть иранцем, и как можно не быть иранцем» (речь в Институте драматических искусств) на страницах 40-47 книги «Ни восточный, ни западный, просто человеческий», «В поисках свободной культуры или защита облика наций в свободной культуре» (речь на Международном симпозиуме «Свободная культура - Шираз»), опубликована в журнале «Ягмо» в 1337//1959 году, «Культура общества» (речь на Симпозиуме духовных наставников и учителей школ Тиджриша) на страницах 734-743 «След на воде». В центре этих и других его статей, изданных в научных и литературных журналах, связанных с культурой Ирана и мира, всегда стоит гуманизм и пропаганда «многоголосой иранской культуры». Он придерживался мнения, что древнюю культуру Ирана, несмотря на всю её многогранность и разнородность, не следует ограничивать рамками «монокультуры». По этому вопросу в своей последней речи он говорил: «Нет необходимости в приведении аргументов и доказательств. На самом деле, то, что называют культурой явно и отчётливо является должником культуры Ирана, и для нас является предметом гордости, что наша культура дала свет всему миру. Если ныне что-либо из культуры Запада возвращается нам, то нельзя представлять, что это что-то инородное» [91, 190-191]. Разумеется, все эти его статьи и выступления, преимущественно имеющие литературно-литературное свойство, посвящены анализу культуры Ирана и мира, и что характерно, связаны с историей.

3. История Ирана. Абдулхусайну Зарринкубу, «видевшему всё через призму истории» [91, 52], удалось написать в данном направлении значительное

число произведений. Сам он отмечает: «Должен признать, что ни на что я не потратил столько времени, как на историю, и ни на чём, как в истории, я не сталкивался с невероятными, удручающими трудностями. Интерес к истории во мне пробудился ещё в школьные годы и на всю жизнь остался неотъемлемой частью моей сущности» [91, 52]. Связь истории и литературы в его наследии была настолько тесной и неразделимой, что доктор Мансур Растагор Фасаи несколько преувеличивая, отмечает, что «Одним глазом Зарринкуб читает историю и другим глазом он пишет литературу» [93, 121]. К историографическим трудам Абдулхусайна Зарринкуба относятся: «Два века безмолвия», «Рассвет Ислама», «Летопись ислама», «История Ирана после ислама», «История на весах», «История народа Ирана» (в двух томах), «Летопись Ирана» (древнее прошлое Ирана – т.1), «Вслед летописи Ирана» (период с конца династии Сасанидов до династии Тимуридов – т.2), «Другие дни» (от династии Сефевидов до настоящего времени), «История древнего Ирана», «История Ирана исламской эпохи» (четыре тома, не издано), «Жизнь и мысли великого Куруша» (ещё не издано), «Земля и история Ирана» (ещё не издано). Три последних произведения после его смерти подготовил к печати его племянник, историк, Рузбех Зарринкуб. Перевод на русский язык и издание «Летописи ислама» является доказательством степени значимости его трудов по истории, посвященных исламу и исламской культуре.

4. Суфизм, мистицизм и исследования творчества Джалаладдина Балхи. В данном направлении исследования Абдулхусайна Зарринкуб начались еще в период молодости. Следует отметить, что он в течение одного года был занят суфийским подвижничеством и обрёл практический опыт. О суфизме и мистицизме он создал произведения: «Ценность наследия суфизма», «Исследования суфизма в Иране», «Вслед за исследованиями суфизма в Иране», «Иранский суфизм в историческом аспекте», написанные в широком литературном и историческом тематическом охвате. Данные произведения, по словам иранского исследователя Алии Дахбоши, «в плане структуры, как

теоретическое произведение, так и в плане литературной прозы и содержания, в Иране не имеют себе равных» [91, 11].

Перевод и издание на русском языке в 2012 году в городе Санкт-Петербург книги «Ценность наследия суфизма» является доказательством высокой значимости не только этого произведения, но и всего наследия Зарринкуба за пределами Ирана. Уже двадцать три года, как его «Исследования суфизма в Иране» в нашей стране считаются ценным научным источником для отечественных исследователей. Другим аспектом его исследований, имеющим отношение к суфизму и мистицизму, являются исследования творческого наследия Мавляна Джалаладдина Балхи. Работы, выполненные им в данном направлении, были высоко оценены величайшими иранскими исследователями суфизма, хафизоведом Бахаудином Хуррамшохи, исследователем маснави Абдулкаримом Сурушем и другими. Абдулхусайн Зарринкуб относится к числу исследователей, оставивших после себя значительное наследие, посвященное толкованию «Поэмы о тайном смысле»: «Секрет свирели» (критика и аналитический комментарий к «Поэме о тайном смысле»), «Море в кувшине» (критика и толкование легенд и притч «Поэмы о тайном смысле»), «Сломанная лестница» (комментарий и анализ первой и второй тетрадей «Поэмы о тайном смысле»).

5. Создание монографий. В современном персидском литературоведении лиц, подобных Абдулхусайну Зарринкубу, осуществивших создание стилистически особых произведений о жизни и творчестве лучших классических поэтов, найдется совсем немного. Следует отметить, что посредством увеличения количества статей и сочинений относительно того или иного поэта создание объёмного монографического произведения не представляется возможным. Это можно заметить на примере последних монографических произведений Абдулхусайна Зарринкуб «Намвар-наме» и «Славный хадис Саади». Сравнение этих двух произведений в плане структуры и содержания с книгами «С улицы риндов», «Пламя Тура», «Шейх Гянджи в поисках Нокуджоабада» доказывает, что сочинение монографий – весьма трудоёмкий

процесс, требующий от писателя широкого круга познаний, непредвзятого исторического взгляда, характерного выбора композиции произведения и изложения исторической цели. В перечне наследия существует девять монографических произведений, шесть из которых он подготовил к изданию сам, три из них изданы после его смерти: «С улицы риндов», «Бегство из медресе», «Шаг за шагом до беседы с Богом», «Шейх Гянджи в поисках Нокуджоабада», «Пламя Тура», «Шелест крыльев Симурга», «Встреча с Каабой души», «Славный хадис Саади», «Намвар-наме».

6. Переводческая деятельность. Знание европейских языков создало для Абдулхусайна Зарринкуб благоприятную возможность в возрасте 26 лет приступить к переводу произведений с французского и английского языков. Он перевёл следующие произведения: «Суть персидского стиха» (перевод произведения Джеймса Дармстетера), «Литература Франции в средние века» (перевод произведения Вердуна Луиса Солниера), «Метафизика» (перевод произведения Флисина Шюле), «Комментарий к касыде «Тарсоия» Хакани» (перевод произведения Владимира Минорского с комментариями и исправлениями), «Поэтика» (перевод произведения Аристотеля).

7. Написание учебных пособий и учебников. Абдулхусайн Зарринкуб, проведший свою жизнь в преподавании, внес вклад в дело подготовки и издания учебников для учащихся средних школ. Из перечня его наследия ясно, что он принял участие в написании и издании трёх следующих учебников: «Персидское чтение и история литературы» (для четвёртого и пятого классов школ, в соавторстве), «Литературная критика» (для четвёртого года обучения среднего общего образования, культурного и литературного уклона), «Персидская литература» (1) (в соавторстве, для подготовительных отделений университетов, гуманитарные науки).

8. Литературное творчество (стихи, поэмы, пьесы). Абдулхусайна Зарринкуб знают также и как поэта и писателя, в связи с тем, что он с самого начала, как и многие другие иранские исследователи, проявлял интерес к сочинению стихов, но чувство любопытства научные поиски, исследования и

обучение преобладали в нем и не давали его поэтическому и литературному дару проявиться в полной мере. В перечне произведений Абдулхусайна Зарринкуба под названием «Одинокое дерево» указывается как одно самостоятельное произведение, в жанре аллегорической повести относящееся к его литературному наследию. Сборник его пьес и бесед (условных внутренних монологов и диалогов), за исключением «Одинокого дерева», составляет 168 страниц. «Друзья Кахф» (пьеса одного действия – 23 стр.), «Бабак и возвращение героя» (пьеса – 28 стр.), «Харут и Марут» (пьеса о грехе и смерти – 27 стр.), «Рустам и Сухраб в Газне» (пьеса в трёх действиях – 29 стр.), «В поисках человека» (внутренний монолог о нравственности, о писателе), «Разговор о литературе Ирана. Лица: Фирдоуси и Рустам» (условный диалог – 9 стр.), «Беседа с историей». Дискуссия о философии истории (условный диалог – 13 стр.). Из статьи «На горизонте легенды» Абдулхусайна Зарринкуба выясняется, что условным героем произведения «Одинокое дерево» является сам писатель [26, 294]. В создании поэзии он следовал стилю предков. Стихотворения «Печаль юности», «Тупик», «Быть или не быть», «Скитающийся мотив» были опубликованы в антологии современных поэтов Ирана, стихи «Восстание», «Симург» - в журнале «Ягмо», стихотворение «Девпараст» - в журнале «Рохнамой китоб», стихотворение «След грёз» - в журнале «Килк» «С Мавляна Руми: «Секрет свирели» - в сборнике «Тетрадь времени». Два последних стихотворения были написаны в размере «Поэмы о скрытом смысле» Джалаладдина Балхи и текстовое содержание трудно для понимания даже для весьма сведущих людей. В стихотворении «Критика нашего состояния: свирели и горы» Абдулхусайн Зарринкуб одновременно с толкованием и комментированием содержания введения вступил с Мавляна в определённое поэтическое состязание:

Свирель:

Услышь ты флейту эту, жалобы её,

Услышь о разлуках рассказы её.

Как в зарослях этих срубили меня,

От стонов заныли все жены, мужья.

Гора:

С тобою, о, флейта, нам радостно жить,

И звук твой в этом мире не даст нам грустить.

От звуков твоих аромат нам душевный,

От них ежечасно успех нам победный.

Коль ты лишился зарослей, ну что ж?

Ведь заросли те во плоти твоей, знай.

Коль плоть лишена твоя плоти своей,

И то, что в тебе, не от плоти твоей.

И это «свое», эгоистам присуще,

А так «не своё» уже есть поэма другая.

И кто, как ты, восстал из плоти родной,

В плоти его есть поголовно всё, что есть.

9. Журналистская деятельность. Абдулхусайн Зарринкуб сотрудничал с научными журналами. Замечательной по стилю прозой и образным повествованием, многогранностью и многомерностью написанного, обобщённостью и сжатостью сочинений он был удостоен псевдонима «Золото прессы». Большая часть его статей, посвященных критике произведений, систематически публиковались в периодической печати Ирана. Иранский исследователь Шедфар Касими, вспоминая о журналистской деятельности Зарринкуба, определил и оценил его многолетние заслуги перед прессой Ирана. Эрадж Афшар с благодарностью вспоминает его сотрудничество в деле руководства журналом «Путеводитель книг» и создание специальной рубрики о современной литературе Ирана. С 1327//1948 года до 1344//1965 х года он был главным редактором научного журнала «Мехргон» (праздник осеннего равноденствия), издававшегося в Тегеране. Кроме того, он тесно сотрудничал с журналами «Фарханги Эронзамин», «Рохнамои китоб», «Сухан», «Ягмо», «Пашутан», «Донишнома», «Фуруги илм», «Дониш», «Номаи тамаддун», «Мехргони адаби», «Илму зиндаги», «Мехр», «Мехргон», «Инतिकоди китоб»,

«Китобҳои мох», «Марворид», «Нашрияи анджумани эрони», «Нашрияи китобхонаи миллии Табрэз», «Роҳнамои китоб», «Китоби ҳафта», «ал-Ҳаъ», «Дар роҳи ҳунар», «Оинаи Хинд», «Нашрияи эроншиноси», «Ҳунар ва мардум», «Аҳбори донишгоҳи Техрон», «Галош», «Фирдавси», «Маорифи исломи» «Маджаллаи донишгоҳи адабиёти Техрон», «Садои шарк», «Аҳбори нашрияи идораи матбуоти Сафорати шурави дар Техрон», «Маджаллаи донишгоҳи адабиёти Машҳад», «Фарҳангу зиндаги», «Паёми навин», «Омузишу парвариш», «Эроннома», «Ояндаи мутолиоти таърихи», «Номаи фарҳанг», «Адабистон», «Ошно», «Килк», «Ҳасти», «Дунёи сухан», «Донишдҷуи имруз», «Бухоро», где был главным редактором, членом редакционной коллегии, корреспондентом или опубликовал в них свои статьи [91, 127-128].

Среди исследований Абдулхусайна Зарринкуба нет работ по это коррективке и правке литературного текста. Причины, по которым он не стал заниматься этой тяжёлой деятельностью, могут быть разные. Во-первых, это его нескончаемый интерес к изучению и исследованию, научная любознательность. Во-вторых, большие затраты времени на сопоставление вариантов и корректуру текста. В-третьих, некоторая ограниченность в изложении собственных утверждений и мировоззрения исследователя в данном направлении деятельности. В-четвёртых, глубокие текстологические познания Абдулхусайна Зарринкуб, исключали необходимость использования им критических текстов. Благодаря этой осведомлённости в текстологии и отсутствия необходимости в критических версиях, как-то он отметил: «Разумеется, появление таких людей, как Толстой,...в литературной среде возможно тогда, когда таланты нашего народа не нуждаются в раскопках старых могил, в корректуру и доработке мертвых текстов. Но когда это произойдёт? Не знаю...» [26, 287]. Но это вовсе не означает, что он отрицает текстологию как науку. Так как уже было упомянуто во введении теории, выдвинутые им по вопросу текстологической науки, исследователи цитируют в своих научных работах.

В целом по данному разделу можно сделать следующие выводы:

1. Для мировоззрения Абдулхусайна Зарринкуба, выросшего в атмосфере духовности, высокой нравственности и множества книг, взаимосвязь литературы и истории была естественным явлением. По этой причине он уже с детства не отделял литературу от истории и историю от литературы.

2. Взаимосвязь литературы и истории в рамках исследований и сочинений Абдулхусайна Зарринкуба так прочна и неразрывна, что трудно определить приоритетность какого-либо одного из этих двух направлений в его наследии.

3. Во всех направлениях научной деятельности Абдулхусайн Зарринкуб, как литературовед и историк, культуролог и переводчик, поэт, прозаик и журналист, создал исключительные по смыслу и содержанию произведения, поражающие человеческий разум, чем заслужил достойное место в развитии и формировании современной персидского прозы и современного персидского языка.

4. Классификация научного и литературного наследия Абдулхусайна Зарринкуб доказывает, что для него во всех сочинениях основополагающими направлениями являются литература и история. В связи с этим, в его произведениях наблюдается тесная взаимосвязь литературы и истории.

5. Тот факт, что Абдулхусайн Зарринкуб не занимался практической текстологией, не является доказательством игнорирования и критического отношения им к этой ветви литературоведения, напротив, доказывает то, что он был настоящим текстологом и теоретиком литературной критики, в том числе теоретиком в области литературного текста.

ГЛАВА II

ВКЛАД АБДУЛХУСАЙНА ЗАРРИНКУБА В РАЗВИТИИ ИРАНСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ XX ВЕКА

2. 1. Монографические произведения Абдулхусайна Зарринкуба

В перечне наследия Абдулхусайна Зарринкуб можно встретить произведения, которые полностью посвящены жизни и творчеству какого-либо одного из авторитетных представителей персидской истории литературы и культуры. Такого рода произведения называются монографиями или на языке терминологии современной персидской литературы называют «такнигори». Литературовед, таджикский академик Мухаммаджон Шакури монографию назвал «такнигошт» и «такнигошта». Монографическое наследие Абдулхусайна Зарринкуб состоит из девяти наименований, и по году первого издания они идут в следующей последовательности: «С улицы риндов» (1349//1970 год), «Бегство из медресе» (1353 //1974 год), «Шаг за шагом к беседе с Божеством» (1370//1991 год), «Шейх Гянджи в поисках Нокуджоабада» (1372//1993 год), «Сияние Тура» (1377//1998 год), «Шелест крыльев Симурга» (1378//1999год), «Встреча с Каабой души» (1379//2000 год), «Славный хадис Саади» (1379//2000 х.), «Намварнаме» (1381//2002 год).

Первым монографическим произведением Абдулхусайна Зарринкуб является «С улицы риндов», которое полностью будет рассмотрено нами в четвёртом параграфе. Здесь мы кратко остановимся лишь на содержании, смысле и некоторых специфических особенностях вышеуказанных произведений.

«Бегство из медресе», являясь вторым монографическим произведением автора, посвящено жизни и мировоззрению Абухамида Газзали (1058-1111). Основание для его создания автором была заложена еще в Лос-Анджелесе. По словам его супруги, он «основательно изучил все достоверные источники и наследие Газзали на французском, испанском и немецком языках, и изучил все методы и опыт, что было связано с именем Газзали и через год результатом плодотворных научных поисков стала книга «Бегство из медресе» [91, 32].

Иранский философ, маснавивед и исследователь суфизма Абдулкарим Суруш по поводу его поисков в ходе создания этого произведения отмечает: «Мастерское исследование Зарринкуба в освоении двух великих и очевидных полюсов любви в истории ислама, то есть Газзали и Мавлави, и другие его обширные научные поиски его в области суфизма, мистицизма и иранской литературы выводит его литературоведение за пределы тесной темницы толкования и комментирования и доводит до высот критики и критического размышления» [91, 92]. Из рассуждений Абдулкарима Суруша исходит, что «Бегство из медресе» и «Шаг за шагом к беседе с Божеством» есть не только изучение и толкование жизни Газзали и Мавляна, но и также является критикой и мировоззрением их наследия. Это становится ясным из названий разделов «Бегства из медресе»: «Детство и юность», «Урок Имамалхарамайна», «Военный лагерь», «В «Низамии» Багдада», «Бегство из медресе», «В потасовке за освобождение и бегство», «Философ против философии», «Стиль и произведение», «Возвращение», «Медресе или обитель?». В разделе «Детство и юность» [27, 1-25] он даёт сведения о годе рождения, смерти отца, политической обстановке города Тус, столкновении с ворами, утере первого сочинения и других проблемах. Второй раздел называется «Урок Имамалхарамайна» [27, 27-51], где автора показывает влияние мыслителя, последователя шафиизма Абдулмалика ибн Абдуллаха ибн Юсуфа Джувайни (1028-1085) на мировоззрение Газзали. В третьем разделе, названном «Военный лагерь» [27, 53-75] автор указывает на новый период жизни Газзали после смерти Имамалхарамайна. Недалеко от города Нишапура в период жизни Газзали находился военный лагерь султана и визиря, известный под названием «Аскар». После смерти своего наставника Абухамид, который должен был занять его место, встретился с сопротивлением большого количества противников и вынужден был податься ко двору, где несколько лет своей жизни провёл под покровительством визиря Сельджукидов Абуали Хасана ибн Али ибн Исхака Туси, известного как Низамулмулк (1063-1092). Четвёртый раздел – «В «Низамии» Багдада» - [27, 77-108], автор доступной и простой форме даёт сведения о вступлении, деятельности,

авторитете, дискуссиях Газзали с богословами в связи с политической и культурной обстановкой Багдада. «Бегство из медресе» [27, 109-121] – пятый раздел, в котором говорится о неблагоприятной политической, культурной и религиозной обстановке, вынудившей Газзали покинуть медресе.

«Шаг за шагом к беседе с Богом» - это третье монографическое произведение автора, посвященное изучению и анализу жизни, мировоззрению и тарикату Мавляна Джалаладдина Руми. В течение первых пяти лет после первого издания это произведение переиздавалось девять раз, что свидетельствует о числе его авторитете и востребованности среди читателей. Разумеется, большое количество читателей книги связано с содержанием и смыслом, но и со стилем повествования. Таки Пурномдориён по этому поводу пишет: «Источник эстетики наследия мастера (*Зарринкуба – И.И.*), когда его проза в зависимости от природы и смысловой основы произведения меняется, сливаясь с ним, служит толчком и делает наследие мастера увлекательным захватывающим. Этот стиль, обретающий ослепительную огранку в книгах «Шаг за шагом к беседе с Божеством» и «Сияние Тура», наряду с исследовательскими аспектами значительно усиливает присутствие художественного аспекта его произведений, и увеличивает число его читателей [91, 110-111]. Это произведение состоит из десяти разделов, которые, как «С улицы кутил» и «Бегство из медресе», хотя и не озаглавлены, но в них все же присутствуют признаки оглавления, что является стилистической особенностью творчества Абдулхусайна Зарринкуб. Причина отказа Абдулхусайна Зарринкуба от традиционного способа выставления названий в том, что это произведение он написал по просьбе читателей и принял во внимание их пожелания. В первом разделе, который назван «Всемогущий и Бахаувалад» [40, 15-44], речь идет о детстве Мавляна в Балхе. Второй раздел «Отъезд или бегство?» [40, 45-78], повествует о подготовке Бахаувалада к путешествию из Балха. В данном и последующих разделах он, в основном, повествует о творчестве самого Мавляна, о его «Масневи». Во время отъезда из Балха, автор предполагает, что Мавляна было около тринадцати лет [40, 45], и когда их семья ещё проживала в Сирии,

ему было восемнадцать лет [40, 58]. Третий раздел - «Старый попечитель в Конье» [40, 79-102] – повествует о новом этапе жизни Мавлана, начинающемся наставлениями и покровительством Сайида Бурхануддина Мухаккик Тирмизи (1269//70 -1339//40). Автор называет Бурханиддина «лоло» (*тот, кто берёт чужого ребёнка на воспитание под свою ответственность*- прим-И.И.) [40, 383], так как этот Шейх ещё при жизни в Балхе занимался воспитанием и опекуном маленького Мавляна. Об относительно новом и полном революционных событий этапе жизни Мавляна Абдулхусайн Зарринкуб рассказывает в четвертом разделе, названном «Восхождение Шамса» [37, 103-134]. «Безвозвратные наговоры» [40, 135-168] – это пятый раздел, который посвящен событиям из жизни Мавлана, связанным с наветами и наговорами или казнью Шамсуддина Маликдода Табрези (1185-1248). В шестом разделе, названном «Танец на базаре» [40, 169-210], говорится о новом этапе жизни Мавляна и его связях с Салахудином Заркубом. В седьмом разделе – «Хусамуддин и легенда «Масневи» [40, 211-234] речь идёт о процессе сочинения и записи «Масневи». О специфике стихов Мавляна, в частности «Маснави», автор говорит в восьмом разделе, озаглавленном «Переход в иную сторону стиха», в объёме тридцати трёх страниц [40, 235-268]. О нравственном учении Мавляна и братства мавлавии приведены сведения в девятом разделе – «От праздности до кончины» [40, 269-304]. О конце жизни Мавланы и завершении «Масневи» и «Фихи ма фихи» более подробная информация приведена в разделе «Последующие годы» [40, 305-348]. В этом разделе автор приводит сведения о некоторых проблемах жизни Мавляна, которых нет в других произведениях по жизнеописанию Мавляна. Наблюдательный читатель может заметить и найти лишь толику подобных сведений лишь в «Шаг за шагом к беседе с Божеством». Например, в разделе «Последующие годы» мы встречаемся с такими строками: «И в деле Кимиёхатун Мавляна, осознанно или неосознанно, отдал Алауддина в жертву Шамсу, и эта проблема между Алауддином и его братом Султаном Валадом, который был мюридом Шамса и наверно средством этой связи, стала причиной большой обиды» [40, 318]. Здесь Абдулхусайн Зарринкуб тонко и

изящно намекает на одну скрытую символическую проблему, связанную с жизнью Мавляна, Шамса Табрези, Султана Валада, Алауддина, посредством Кимиёхатун, дочери Карахатуна, находящейся в центре событий. Со слов автора исходит, что Алауддин симпатизировал Кимиёхатун, Мавляна же отдал её Шамсу, чтобы приблизить его к себе, и в этом деле Султан Валад считался основным посредником. Разумеется, всё сказанное Абдулхусайном Зарринкубом небезосновательно. В данном спорном вопросе он искал факты во всех произведениях, связанных с данной темой, начиная со «Макалате Шамс», произведения Султана Валада, «Свода законов Сипахсалара» Фаридуна ибн Ахмада Сипахсалар и «Манакиб-ул-арифин» Афлаки, следуя своей стилистике изложения, привел их без указания источника в наиболее красивом, художественном изложении.

«Шейх Гянджи в поисках Нокуджоабада» является четвёртым монографическим произведением автора, в котором речь идёт о жизни, творчестве и взглядах Низами Гянджеви. Это произведение состоит из «Введения» [41, 3-5], разделов «Узник Гянджи» [41, 7-36], «Тайна клада» [41, 37-71], «Легенда о Хусраве и Ширин» [41, 73-109], «Любовь и разлука» [41, 111-133], «Купол пери «Семи статуй» [41, 135-168], «Отвергнутый герой» [41, 169-200], «Шалость в уединении» [41, 201-222], «Язык легенды» [41, 223-247], «Размышление» [41, 249-281], «Нокуджоабад» [41, 283-302]. Следует отметить, что это произведение и другие монографические произведения автора содержат списки литературы, перечни собственных имен, списков географических названий и путеводители. Оценка иранскими критиками этого произведения неоднозначна. Иранский исследователь Карогузлу Закавати, высоко оценив это произведение, отмечает: «Зарринкуб хорошо изучил и хорошо представил Низами, и его, кажущегося поэтом-панегиристом, изобразил в виде отчаянного мыслителя, наделив прозвищем хаким (учёный, мудрец), чем он был известен издавна, сделав его еще более соответствующим [91, 97]. Другой иранский критик по имени Комёр Обиди по данному поводу придерживается другого мнения: «Тенденции и связи, которые имел Абдулхусайн Зарринкуб в последние

три десятилетия своей жизни к суфизму и Ирану, несомненно, имели свои давние корни в его сознании и языке. В период юности, разумеется, были вольные идеи, когда он с удовольствием и наслаждением приводил слова в жертву бытию и абсолютной идее, оставаясь безразличным к рамкам принципов и правил. Это тогда, как в более поздних произведениях он имел тяготение к легендам, сказаниям и религиозным повествованиям. Возможно, по этой причине в описаниях облика таких поэтов, как Низами Гянджеви, прелести волнующего любовного персидского стиха проступали уже намного меньше, и он предался с благосклонностью описанию одного из самых первых исламских суфиев – Халладжа в диспутах и продолжительных теоретических размышлениях [91, 105]. Из утверждения Комёра Обиди исходит, что следует окинуть критическим взглядом Абдулхусайна Зарринкуба не только по поводу сочинения «Шейх Гянджи в поисках Нокуджоабада», но и «Сияния Тура», в связи с меньшим вниманием на поэтические аспекты Низами, а на примере биографии и наследия Мансура Халладжа - это проявление большего внимания теоретизации. Нельзя полностью согласиться со всеми замечаниями, так как Абдулхусайн Зарринкуб исследовал жизнь Низами и содержание «Хамсы», опираясь на их первоисточники, глубоко и всесторонне осмыслил суть мировоззрения великого поэта. Если «Хамса» было бы выдающимся произведением о любви, то автор никогда не назвал бы его «Шейх Гянджи в поисках Нокуджоабада», а первый раздел – «Узником Гянджи». Согласно его исследованию, Низами, не покидавший Гянджу, всегда, как древние греческие правители, был в поисках воображаемого города – города мечты. И это чувство поиска ощущается не только в его «Искандар-наме», но и в поэмах, полностью проникнутых любовной тематикой. Теперь обоснуем свои утверждения примерами. В разделе «Узник Гянджи» когда он говорит о сыне Низами, приводит раздел «В назидание сына Мухаммада Низами» из «Лейли и Меджнун» Низами Гянджеви, мастерски переведя небесный язык поэзии в язык земной прозы: «Когда в пору четырнадцатилетия он возмужал и стал советоваться с отцом о дальнейших своих занятиях, о чем только не мечтал в

душе отец! Тогда он его наставлял обучаться ремеслу, различным наукам» [41, 31]. Это основано на следующих строках:

Акнун, ки ба чордах расидӣ,
 Чун сарв ба авҷ сар кашидӣ.
 Гофил манишин, на вақти бозист,
 Вақти ҳунар асту сарфарозист [7].
*/Тебе, сынок, четырнадцать теперь,
 Как кипарис ты возмужал теперь.
 Праздно не сиди, не время игр теперь,
 Время наук, ремесел и побед теперь./*

Также автор в разделе «Любовь и разлука», посвященного исследованию «Лейли и Меджнун», приводит сведения о жизни Низами и окружающих его людей, основываясь на его же стихах: «Отец поэта, Юсуф сын Заки Муайяда, умер недавно по законам шариата и непреодолимым законам природы. Его мать – предводительница Курда, умерла также перед ним» [41, 111-112]. Эти сведения Абдулхусайн Зарринкуб также почерпнул из стихов самого Низами.

В разделе «Язык и повесть» о поэтическом мастерстве и поэтических особенностях поэзии Низами, поэта-сказителя, автор предается глубокому и подробному рассмотрению, и в силу некоторой «небрежности», встречает некоторую критику со стороны основателя персидской эпической литературы [41, 240].

Опираясь на приведенные сведения, мы не можем утверждать, что Абдулхусайн Зарринкуб, лишь переводя поэзию Низами в прозу, исследовал ее лирические аспекты. Необходимо лишь отметить, что упущение некоторых важных аспектов многостороннего исследования при оценке является признаком литературного невежества.

«Сияние Тура» является четвертым монографическим произведением Абдулхусайна Зарринкуба и жизни и учении Мансура Халладжа. По мнению Таки Пурномдориён, это произведение подобно произведению «Шаг за шагом до встречи с Богом» является «неким увлекательным романом», в котором автор

излагает и свои рассуждения, где-то ставит вопрос от имени любознательных читателей, сам же отвечает на него и где-то оставляет ответ за читателем» [91, 110]. Это произведение состоит из «Введения» [45, 3–14] и семи разделов: «Тумори хайрат («Амулет удивления»)» [45, 15–64], «Бутаи шӯълавар» («Горящий куст») [45, 65–131], «Саррези илҳом» («Исток вдохновения») [45, 132–158], «Аз пушти парда» («За покрывалом») [45, 159–178], «Ҳаллоҷ бар сари дор» («Халладж у виселицы») [45, 179–194], «Ҷустуҷӯи гумшуда» («В поисках утерянного») [45, 195–238], «Охирин ривоят» («Последнее сказание») [45, 239–294]. Кроме этого автор разместил разделы «Ривоёт дар матн» («Предания в тексте»), «Ашъори Ҳаллоҷ» («Поэзия Халладжа»), «Предания и сказания» («Шатҳиёту ривоёт») и «Китобнома» («Путеводитель книги») в конце «Сияние Тура». Первый раздел «Амулет удивления» рассматривает пору молодости Мансура Халладжа. В данном разделе автор рассказывает о его жизни от своего имени. В разделе «Горящий куст» рассказывается о периоде жизни Мансура Халладжа, когда он находился на обучении у Шейха Сахла Тустари (818-896) и постигал азы суфийской школы. По мнению автора, несмотря на то, что Мансур Халладж внешне соглашался во взглядах с Шейхом Тустари и как другие его последователи предавался аскетизму, в душе все же не мог представить себе его наставником, так как был свободолюбив и не признавал наставника и предводителя могущественнее, чем Всевышний. Это стало причиной того, что в итоге его повесили по решению шариатского суда. Оценка автора в отношении известной личности среди мистиков дана в «Сиянии Тура» в смешении метафор, иронии, приятного повествования. В связи с этим, большинство исследователей и критиков, в том числе Комёр Обиди, не смогли увидеть в произведении научного аспекта. Несмотря на это, данное произведение является одним из читаемых произведений в Иране, аудиозапись которой в числе других произведений Абдулхусайна Зарринкуба, можно найти и скачать на персидских сайтах. Язык и стилистика произведения сходны с другими монографическими произведениями автора.

«Шелест крыльев Симурга» посвящено жизнеописанию и мировоззрению Фаридуддина Аттара Нишапури. Написание этого произведения, запланированного еще в период написания и издания «Побега из медресе», отмечал сам Абдулхусайн Зарринкуб [46, 11], было закончено в последние годы жизни, несмотря на продолжительную болезнь в США. Это можно ощутить в введении произведения, так как автор называет «Личность Аттара смысловым продолжением Имама Абухамида Газзали [46, 8]. Для написания отдельного произведения про Аттара, он приехал в Нишапур, гулял по городу, посетил мавзолей Аттара. Данное произведение состоит из введения и 31 раздела без названий. Хотя автор не указывает во введении [46, 7-10] можно ощутить, что произведение, вернее мемуары и отрывочные воспоминания он написал уже в период сильного недомогания. В стилистике чувствуется отсутствие прежнего изящества, выражающегося в других произведениях в красивых и последовательных названиях разделов, по-видимому, усилившаяся болезнь не дала автору возможности прибегнуть к прежним приемам. В силу этих причин в «Шелесте крыльев Симурга» нет наименований разделов, как в других монографических произведениях Абдулхусайна Зарринкуба. Возможно, автор прибегнул к опыту «Сияния Тур». Первый раздел произведения – итоги «бесед» автора с Аттаром, служит доказательством приведенного утверждения. Можно также утверждать, что постаревший и больной автор захотел написать книгу в стиле диалога. Однако не смог воплотить свой замысел в силу болезни и потери соответствующего стиля. Вторым доказательством является то, что в первом разделе множество фактов и доводов, научных дискуссий, изложенных художественным языком. К примеру, например, автор ставит вопрос о «наследии, принадлежащего Аттару» [46, 12-13], «его настоящее имя Фарид или Мухаммад», «не упоминания точного имени Аттара его современником Ходжой Насируддином Туси» [46, 13-14], «отсутствия точных сведений об имени отца - источниках упоминаются Махмуд, Юсуф, Ибрахим», «споры о родине Аттара в селе Кадкан или другом месте» [46, 14], «простота, изысканность и методичность «Тазкират-ул-авлия» («Антология святых»), «явления разговор

между предметами и существами в мистических рассказах Аттара» [46, 15] и далее исследует его. Естественно, даже если вопрос остался без должного рассмотрения, читатель получает сведения о жизни и наследии Аттара в художественном оформлении. Другие разделы произведения написаны научным языком и рассматривают спорные вопросы по жизнеописанию и мировоззрению Аттара. Данное произведение Абдулхусайна Зарринкуб также имеет крепкий исторический аспект.

Во «Встрече с Каабой души», не ставшего нам доступным, автор рассматривает вопросы жизнеописания, наследия и художественных особенностей творчества Хакани Ширвани. Также в данном произведении приводится перевод «Комментария касыды «Тарсоия» Хакани», осуществленного Минорским, размышления Абдулхусайна Зарринкуб о диване Хакани и несколько известных касыд поэта. Это монографическое исследование было издано через год после смерти автора при большом участии доктора Камар Ориёни. Она по данному поводу отмечает: «После его (*Зарринкуба – И.И.*) смерти, несмотря на моральные и духовные страдания на протяжении целого года, наконец, была подготовлена и издана книга, на основании его записок и мемуаров «Встреча с Каабой души» о Хакани [91, 212-213].

«Славный хадис Саади» также является монографическим произведением Абдулхусайна Зарринкуба, не ставшем доступным нам для исследования. Это незаконченное произведение, посвященное жизни, наследию и мировоззрению Саади Ширази, было издано через год после смерти автора стараниями Камар Ориёни и одного из преданных учеников автора. Согласно сведениям сайта иранских книгоиздателей, можно утверждать, что восемьдесят страниц посвящены Саади, остальное составляют материалы исследования автора.

«Намвар-наме» последнее монографическое произведение автора, посвященное Фирдоуси и его «Шахнаме». Введение к произведению написано Камар Ориёни, где она отмечает, что две статьи «Эпическая поэзия» [49, 11-25], «Шахнаме» и «Илиада» [49, 125-137] являются дополнением к данному произведению, остальное является новыми сведениями [49, 10]. Данное

произведение, в котором автор не участвовал в разделении и постановке разделов – отдельных статей, можно назвать сборником статей. Второй раздел «Фирдоуси и «Шахнаме» посвящен описанию политической, экономической и культурной обстановки периода жизни поэта, источников «Шахнаме». Автор указывает на имя Абулкасим и известность под псевдонимом Фирдоуси и отмечает: «Различные мнения в разделе об имени поэта в антологиях, показывает, что выходец из дехкан Туса дал имени Фирдоуси такое сияние, что его собственное имя и имя его отца исчезло под этим сиянием» [49, 37]. Также в вопросе рассмотрения мировоззрения Фирдоуси автор в трех случаях [49, 44, 49, 52] указывает на религиозную приверженность поэта и считает причиной неприятия «Шахнаме» Махмудом Газневи именно принадлежность шиитскому мазхабу поэта [49, 115].

Исследование данного раздела показывает, что отношение Зарринкуб к основной теме и далее к приложениям и дополнениям к теме бывает различным, в некотором роде свободным. Автор так мастерски переплетает нити основной темы с дополнительными отступлениями, что обычный читатель не в силах отделить основной вопрос от отступления. По его настоянию, разумный исследователь должен отказаться от трех, несомненно, не имеющих смысла проблем: 1. Вопрос об истории начала и конца «Шахнаме», с которыми связаны рождение и смерть поэта. 2. Вопрос об источниках «Шахнаме», и которым из них Фирдоуси отдал наибольшее предпочтение. 3. Вопрос сравнения «Шахнаме» с другими подобными произведениями, доказать связь которых является сомнительным делом [49, 55-56]. В разделе «Темной ночью» [49, 71-77] автор высказывает предположение, что написание «Шахнаме» было инициировано супругой Фирдоуси, «Бежан и Манижа» является первой поэмой данного эпического произведения, так как эта лирическая поэма намного отличается стилистикой изложения от других поэт Фирдоуси и как другие поэмы не подвергалась повторному редактированию и доработке. Красота и изящество использования поэтических отрывков в данном монографическом произведении такая же, как и в других монографических произведениях. Это можно увидеть в

разделе «Рустам и Исфандияр» [49, 79-98]. В кратком разделе «Джамшид и Заххак», где чувствуется некоторая незавершенность, автор обосновал свое исследование сравнением двух противоположных друг другу «прототипов» древнего мира. «О послании Рустама Фаррухзад» (Рустам, рожденный пол счастливой звездой) [49, 101-107] стало основой для другого раздела «Намварнаме», показывающего традиции написания посланий в древности.

В разделе, названном «Мир и справедливость в «Шахнаме» [49, 109-121] автор приходит к итогу, что все сражения и героические поступки персонажей поэм были во имя народа и родины, а не ради убийств, завоеваний, грабежей. Два раздела под названиями «Мудрость и нравственность в «Шахнаме» [49, 122] и «Толкование разума в «Шахнаме» [49, 122] являются по размерам небольшими и говорят о том, что автор имел сведения по данной тематике в огромном объеме, но не смог их запечатлеть на бумаге.

В заключение данного раздела можно сделать следующие выводы:

1. В написании монографических произведений Абдулхусайн Зарринкуб является одним из выдающихся литераторов Ирана и мира, написавшим девять монографических работ о жизни, наследии и мировоззрении девяти известнейших поэтах и писателях, в которых наряду с огромной научной значимостью, также имеют большое художественное значение.

2. Монографическим произведениям Абдулхусайна Зарринкуб также присущ мягкий и изысканный стиль других его произведений, однако в монографиях он дополнен многочисленными сведениями, достоверными фактами из истории и литературы периода жизни не только Хафиза, Саади, Аттара, Мавлави, Абухамида Газзали, Мансура Халладжа, Низами, Фирдоуси и Хакани Ширвани, но и других их современников.

3. Монографические произведения являются самыми читаемыми произведениями Абдулхусайна Зарринкуб, станут отличным путеводителем и научным справочником для начинающих исследователей и литераторов в области жизнеописания и исследования произведений.

4. Абдулхусайн Зарринкуб в данных произведениях предпринял попытку рассмотреть некоторые еще неисследованные стороны, связанные с жизнью и творчеством Хафиза, Атгара, Мавляна и Мансура Халладжа. Автор считал литературу искусством и язык литературы языком искусства, в связи с этим, в решении литературных проблем воспользовался языком самой литературы.

5. Использование литературного языка в решении вопросов, связанных с жизнью, конкретными литературными личностями, взаимосвязь литераторов с правителями, историческими событиями является нововведением Абдулхусайна Зарринкуба и новым шагом в современном таджикском литературоведении.

2.2. «С улицы риндов» и хафизоведение Абдулхусайна Зарринкуба

Произведение «С улицы риндов» является одним из лучших научно-художественных произведений в области хафизоведения, которое в течение 38 лет (1970-2008) было издано в Иране 18 раз. Двенадцатое издание (1999) и восемнадцатое издание, ставшее главным фактологическим источником нашего исследования в издательстве «Сухан» было издано тиражом 4400 экземпляров. Иранский исследователь Хусайн Хидевджам в статье «Хафизоведение Зарринкуба» разделил исследователей, изучавших жизнь и творчество Гафиза в период 1940-1970 гг. на пять групп: 1. Далекие от исследования люди. 2. Почитатели. 3. Группа почитателей, соединивших интерес и исследование. 4. Религиозные фанатики 5. Искатели славы и известности [101, 171]. Хотя упомянутый исследователь написал свою статью после издания «С улицы риндов» (1391//1971г.), он не указал приверженность автора книги к какой-либо из вышеназванных групп. Абдулхусайна Зарринкуба можно причислить к третьей группе, так как он из числа исследователей, создавших смешение неподдельного художественного интереса и научной любознательности.

«С улицы риндов» является одним из монографических произведений, посвященных жизнеписанию и исследованию творчества некоторых поэтов и мыслителей. Интерес к личности Хафиза Ширази проснулась в Абдулхусайне

Зарринкубе еще в 1964 году, когда он впервые высказал свои суждения в сборнике статей по литературной критике – «С караваном обновок» (1343//1964г.), которые впоследствии доработал и издал в виде отдельной книги.

В 1971 году Абдулхусайн Зарринкуб участвовал в конференции, посвященной 650-летию Хафиза Ширази в Душанбе. Избрание его персоны для участия в качестве научного и литературного представителя Ирана в данной конференции является признанием его больших заслуг в области хафизоведения и это также можно прочувствовать в его статье «С Хафизом на родине Рудаки».

Исследования показали, что кроме иранского критика Мухаммада Хансари никто больше не занимался критическим исследованием книги «С улицы риндов». Другие иранские литературоведы – Мухаммадамин Рияхи, Хасан Насир Садат, Джафар Ёхаки привели свои суждения о данном произведении в контексте других вопросов. По утверждению Мухаммада Хансари, основной целью Абдулхусайна Зарринкуб от написания «С улицы риндов» было продемонстрировать миру настоящий, истинный облик Гафиза и точное описание его жизни, творчества во взаимосвязи с временным пространством: «Эта книга не является нравоучением, это научное и художественное исследование в поисках реальности. Это литературная критика, далекая от импульсивности и нервозности. Хочет увидеть действительность в его истинном облике. Хочет понять, что кто же был этот Хафиз, чем занимался, как провел жизнь, как сосуществовал с правителями и визирями, что искал в винном погребе и что хотел от старого виночерпия, какова его истинная художественная ценность [91, 21]. Мухаммадамин Рияхи отмечает: «Его книга («С улицы риндов» - *И.И.*) лучшее и полное произведение о жизни и поэзии Хаджи Ширази» [91, 28]. О данном произведении Хасан Насир Садат и Джафар Ёхаки также отметили: «написано изящным стилем» [91, 66] и «выдающееся произведение» [91, 98].

Абдулхусайн Зарринкуб является из числа литературоведов и критиков, кто при жизни не удостоился серьезной критики в свой адрес. По прошествию 9 лет после его кончины появилось первое критическое исследование Комёра

Обиди в «Современном университете Ирана» [91, 105]. В данном направлении первым критическим взглядом стала книга Эраджа Порсинажод «Зарринкуб и литературная критика», изданная через 13 лет после кончины Абдулхусайна Зарринкуба (15.09.1999) и после шести месяцев кончины его супруги, доктора Камар Ориёни (12.04.2012) в 2012 году. Вторая книга в данном направлении под названием «Золотая критика» (поэзия и поэты в произведениях Абдулхусайна Зарринкуб) издана доктором Нарджис Афшари в 2012 году.

Следует отметить, что книга «Зарринкуб и литературная критика» Эраджа Порсинажод посвящена исследованию и анализу критического наследия Зарринкуба, но не содержит анализ и критику серии его монографических произведений. В данной книге автор два раза упоминает о книге «С улицы риндов» в целом, что нельзя считать полноценным критическим взглядом. Уместно заметить, что «С улицы риндов» написано на основании 14 исторических и научных источников периода жизни Гафиза или близких к тому периоду, 17 научных источников современных хафизоведов источников на 13 европейских языках [21, 259-266] в объеме 202 страниц. Возможно ли дать оценку данному произведению лишь в двух или трех предложениях? Конечно же, нет. Однако Эрадж Порсинажод своими поверхностными и общими суждениями дал невероятно низкую и несправедливую оценку произведению. Оценке хафизоведения Зарринкуба он посвятил всего четыре страницы [98, 313-317]. По вопросу «Философия поэзии или история развития поэзии и поэтики в Иране» он отмечает: «С улицы риндов» является таким произведением, что среднее, балансирующее между историческим романом и историческим исследованием и творчеством, не отражающим что-то новое, не может раскрыть мир суждений и мыслей Хафиза» [98, 66]. Этот исследователь, по его собственным словам, которого «устанд Зарринкуб приветливо называл другом...» [91, 181] во введении своей книги пишет: «Очевидно, что критика ценного наследия устанда Зарринкуб не является его отрицанием или неприятием, а лишь только признак признания его значимости, которая со временем сохранила свой авторитет для критики и исследования» [98, 14]. Однако на деле, далее он не

следует своему слову. Он дает одностороннюю оценку хафизоведению Абдулхусайна Зарринкуба, особенно его произведению «С улицы риндов», неправильно трактует его значимость. По его мнению, «С улицы риндов» является повтором теории Махмуда Хумана в книге «Что говорит Хафиз?» (1317) и Касима Гани в «Наследие суждения и жизнеописание Хафиза» (том 1, 1321; том второй 1322) [98, 66]. Выходит, что он, либо не обратил достаточного внимания «Китобнамае гузида» из книги «С улицы риндов», либо намеренно пропустил примечания автора. Абдулхусайн Зарринкуб в «Китабнамае гузиде» указал не только названия источников, а также осуществил их исследование и привел из них цитаты. В ходе ознакомления с источниками в первой главе он отмечает, что он воспользовался этими книгами или некоторыми сведениями Касима Гани. При представлении «Таърихи Шайх Увайс» («История Шейха Увайса») он приводит: «Эта книга содержит некоторые сведения и комментарии об истории Султана Увайса и династии Инджу и Музаффары, которые, несмотря на краткость, все же интересны и в книге доктора Гани они не упоминаются» [23, 259].

При ознакомлении с «Таърихи Язд» («История Йезда») автор приводит: «Немного полезной информации о правлении Инджу и правлении Музаффары там имеется, а в книге доктора Гани не упоминается» [23, 259]. Наряду с кратким комментарием «Мазарати Шираз» («Памятные места Шираза») отмечает: «То, что доктор Гани не воспользовался при исследовании ситуации и положения Шираза этой книгой («Мазарати Шираз» - *И.И.*) является недостатком его книги» [23, 260]. В аннотации к «Минхадж-ул-талибин фи маарифи садикин» («Путь искателей в познании друзей») и «Мунтахаб-ут-таварих» («Избранная история») также можно встретить такие же примечания [23, 261-262].

Во второй раз Эрадж Порсинаход критикует статью «Хафиз-ходжа риндов» и книги «С улицы риндов»: «Приятное фразерство в данной статье, рассматриваемое в книге «С улицы риндов», посвящено больше анализу поэтических приемов и оборотов, основано на повествовании сказаний и преданий о жизни поэта, что с точки зрения истории не имеет никакой

ценности» [98, 313]. В данном предложении его критика имеет односторонний взгляд, где он не упоминает о значимости «С улицы риндов». О его утверждении в отношении сказочности или романтизме произведения, что связано со стилистикой изложения Абдулхусайна Зарринкуба, Эрадж Порсинаход никаких основательных доводов не приводит.

Рассмотрим гафизоведение Абдулхусайна Зарринкуба с точки зрения доктора Нарджис Афшари. Критическое исследование данного исследователя в сравнении с критикой Эраджа Порсинахода является относительно научно обоснованным и соответствует нормам и требованиям критики. В книге «Золотая критика» исследователь согласно поставленным целям провела критическое исследование статьи «Хафиз-ходжа риндов» как образец критики Абдулхусайна Зарринкуб, но не затронула произведение «С улицы риндов». Вначале она определила структуру статьи и разделила ее на следующие части: «Социальная обстановка», «Жизнь и путешествия», «Знакомство с наследием», «Внутренний мир Хафиза», «Поэтические особенности» (стилистика изложения), «Хафиз и другие» (влияние Хафиза на других, влияние Хафизав Европе). Согласно ее исследованию в тринадцатистраничной статье Абдулхусайна Зарринкуба рассмотрены десять тем о поэзии и поэтическом языке Хафиза. По вопросу языка поэзии и изложения Абдулхусайна Зарринкуб она отмечает: «Из особенностей статьи можно отметить тематическое рассмотрение стихов поэта. Хотя в статье нигде не приводятся образцы стихов, однако, большинство тем, в частности о жизни, нравственные и духовные основы поэзии Гафиза взяты из его же стихов, которые Зарринкуб преподнес с некоторыми изменениями и особым шармом и мастерством» [92, 160]. Остановимся на этой особенности стилистики изложения Абдулхусайна Зарринкуб в произведении «С улицы риндов». Нарджис Афшари считает стиль изложения «Хафиз-ходжа риндов» описательным и поэтическим» [92, 160]. Этот факт доказывает, что критический аспект в упомянутой статье Абдулхусайна Зарринкуб несколько слабый. Нарджис Афшари приняла во внимание семь вопросов в статье «Хафиз – ходжа риндов» и разделила их на виды:

«отрицательный» (4), «обычный и требующий ответа» (2), «повествовательный» (1) [92, 161], что является одной из характерных особенностей Абдулхусайна Зарринкуб.

Исследования показали, что всестороннее изучение литературоведческого наследия Зарринкуб в плане стилистического разнообразия и смешения, в том числе «С улицы риндов», еще не становились предметом глубокого исследования в Иране.

Научные исследования, схожие с книгой «С улицы риндов» и написанные о Хафизе, существуют в большом количестве не только в Иране, но и Таджикистане, Афганистане, Индии, Пакистане и других странах, однако упомянутая книга Абдулхусайна Зарринкуба имеет много сходных черт, и все же намного отличается от других исследовательских работ и произведений. Естественно, исследование данного вопроса – исследования различий и общности произведений является темой другого исследования, но мы посчитали необходимым привести сравнение «С улицы риндов» с одним произведением, посвященного Хафизу, принадлежащего перу таджикского исследователя Аълохона Афсахзод.

«Хафиз-наме» Аълохона Афсахзод является из числа литературных произведений, написанных на основании исторических и литературных источников в 1971 году к юбилею 650-летия Хафиза. Это произведение по своим особенностям, некоторым образом, сходно с произведением «С улицы риндов» Зарринкуб. Использование исторических и литературных источников объединяет содержание обоих произведений. Однако в книге «С улицы риндов» Абдулхусайна Зарринкуб не только использованы, но и окинуты критическим взглядом упомянутые исторические и литературные источники. Автор «Хафиз-наме» воспользовался 28 источниками (21 исторических и литературных + 6 научных источника+1 комментарий) [1, 5], однако автор «С улицы риндов» использованы 55 источников (14 исторических и литературных источников + 11 изданий дивана Хафиза + 17 научных источников и комментариев + 13 источников на европейских языках). Различие произведений в том, что

Абдулхусайн Зарринкуб каждый источник исторических, литературных и научных сведений приводит художественным языком и с указанием номера, от чего Аълохон Афсахзод воздержался. Некоторые сведения о жизни Хафиза, в том числе его отношение к застольям, Абдулхусайн Зарринкуб приводит в несколько иносказательном виде, а Аълохон Афсахзод говорит об этом более открыто и свободно [1, 23, 38, 41, 69]. Аълохон Афсахзод опираясь на сведения источников, отмечает, что Хафиз был учеником пекаря в юношестве [1, 10, 11] и в старчестве поехал в Индию [1, 77,78] и считает «Шахнабат» [1, 44, 46, 47, 48] и «Пире гулранг» [1, 34, 36, 39] реальными личностями, первая была его супругой, а второй - его духовным отцом. Однако взгляд Абдулхусайна Зарринкуб на эту историю несколько отличен. Известный комментатор и хафизовед Бахауддин Хуррамшохи при комментировании словосочетания «Пире гулранг» приводит утверждение Абдулхусайна Хуррамшахи из его книги «Исследования суфизма в Иране» [98, 740-741]. Однако Бахауддин Зарринкуб не принимает во внимание утверждение Абдулхусайна Зарринкуб из «С улицы риндов» о «Шахнабат», а опирается на комментарий из «Гияс-ул-лугот» и «Бахоре аджам» и довольствуется одним двустижием Гафиза.

Абдулхусайн Зарринкуб, наблюдающий влияние «сказочного представления публики» в изменении объективного облика поэтов и прозаиков, в конце «С улицы риндов» пишет: «Сказками, придуманными о нём (*Хафизе – И.И.*), поющие хвалу поставили его в один ряд с героями, героями мудрости и истины. Сказка «Пекарь», «Шахнабат», «Путешествие к морю», сказка «Анафема», сказка «Сын кади», сказка «Пире гулранг» возникли для толкования его сложной и таинственной поэзии, и действительность его жизни ввергли в неизвестную темноту» [24, 174].

Можно с уверенностью утверждать, что в создании объективного облика Хафиза сведения Абдулхусайна Зарринкуб в сравнении с Аълохоном Афсахзод более ценны и достоверны.

Для сравнения с наследием других иранских хафизоведов вначале приведём мнение Бахауддина Хуррамшохи, автора «Хафиз-наме», а также Рукниддина Хумоюнфаррух и его книги «Хафиз-отшельник».

По мнению профессора Абдулманнона Насриддина, «Хафиз-наме» «достойная двухтомная» и «многотиражная» (12 изданий до 2002 г. - И.И.) книга Бахауддина Хуррамшохи является «интеллектуальной революцией в мировом хафизоведении» [66, 51]. Упомянутый хафизовед для демонстрации величия и уникальности приводит его двенадцать качеств: таинственность, свободомыслие и отшельничество, мудрость и благородность, ученость, просвещенность, философия, поэтический талант, нововедения в газели, музыкальность газели, многогранность каждой строки, саркастичность и восторженность [99, 24-25]. Абдулхусайн Зарринкуб в своем произведении также разделил на 12 разделов: «Город риндов» (1), «Бирюза Буисхаки» (2), «Между мечетью и таверной» (3), «Ринд и мухтасиб» (4), «Песнь Венеры» (5), «Речи близких сердцу» (6), «Грёзы и кубок Джама» (7), «Два ринда» (8), «Ринд на перепутье» (9), «В обители у виночерпия» (10), «Выходя из таверны» (11), «Любовь, какая же любовь?» (12). Это числовое сходство, показанное Абдулхусайном Зарринкуб и Бахаудином Хуррамшахи в избрании важнейших художественных и тематических особенностей жизни и наследия Хафиза можно считать одной из структурных общностей хафизоведения. Из книги «Избранная книга» восемнадцатого издания выясняется, что автор признал «Хафиз-наме» Хуррамшохи в качестве одного из важнейших источников [24, 266]. В связи с этим, можно утверждать, что это сходство или общность не случайны, а являются осознанным следованием Абдулхусайна Зарринкуба «Хафиз-наме» Хуррамшахи.

Различие же данных произведений состоит в способе исследования поэзии Хафиза, где первый является исключительно научным, а второй научно-художественным или научно-литературным. Так как Бахауддин Хуррамшохи, по мнению Комёра Обиди, является религиозным исследователем [146] и художественный вкус, по примеру Абдулхусайна Зарринкуб, не смешивает с научной дотошностью и кропотливостью. Абдулхусайн Зарринкуб, напротив,

всегда свой взгляд и эмоции, нравственные идеи и мораль, гуманизм смешивает с научным исследованием и подает в изысканной поэтической форме.

Научные и художественные особенности, отличающие произведение «С улицы риндов» от других произведений, посвящённых исследованию Хафиза Ширази и его наследия, следующие:

- способ названия произведения и его разделов, использование фактов и сведения исторического характера или их изложение в художественном стиле;
- способы использования поэтических отрывков или двустиший;
- стилистика изложения и трудное понимание научной и художественной прозы Абдулхусайна Зарринкуб.

Способ названия и его разделы. Название в произведениях имело огромное значение, как в истории классической, так и древней литературе. В современный период автор научного или литературного (художественного) произведения уделяет данному аспекту большое внимание. Замысловатое название иногда встречается в названиях статей представителей таджикской литературы. Можно привести в пример, что таджикский поэт Хабиб Юсуфи назвал одну из своих критических статей «Море в пиале» (19 октября 1940г.) [57, 253]. Это доказывает, что название произведения зависит от поэтического вкуса, мировоззрения, а не строго следует научному оглавлению произведения. Возникает вопрос, с какой целью произведение, посвящённое Хафизу, Абдулхусайн Зарринкуб назвал «С улицы риндов»? Из введения произведения ясно, что автор ищет «следы» Хафиза везде – в медресе, на рынке, в мечети и таверне, на собраниях визирей и придворной знати. Для описания истинного облика поэта он смело называет своё произведение «С улицы риндов», говорящее читателю как о свободомыслии Хафиза, так и подчёркивающее объективность и правдивость автора произведения. Лишь некоторые произведения, посвящённые Хафизу, названы такими замысловатыми названиями. В списке произведений, посвящённых Хафизу в 1388-1389//2009-2010 гг. в Иране из 30 произведений только два произведения названы по аналогии со способом Абдулхусайна Зарринкуб: «Чашмаи харобот» («Источник

винного погребца») Хушанга Яхёободи и «Рухи чонон» («Лик возлюбленной») Сайида Абосолеха Кашфи [145, 96]. Также для сравнения можно назвать недавно изданное произведение Рукниддина Хумоюнфарруха «Хофизи хароботи» («Гуляка Хафиз»). Здесь также упомянуто имя Хафиза, привлекающее внимание читателей. Однако в произведении «С улицы риндов» название не открывает своего истинного смысла, пока читатель не уделит внимание, не вникнет в жизнеописание и мировоззрение Хафиза. Так создавая интригу в названии, автор вынуждает читателя открыть и прочесть, привлекает его внимание. Другой отличительной чертой является, что во введении и в самом произведении автор ни словом не намекает на выбранное им название, в отличие от некоторых учёных, писателей, которые поясняют во введении своих произведений причину названия. К примеру, Рукниддин Хумоюнфаррух выделил отдельный раздел для пояснения того, почему им выбрано название «Гуляка Хафиз» [108, 62-75].

Из двенадцати разделов «С улицы риндов» можно почувствовать мастерство автора и его цели, заключённые в отдельные разделы. Выбор таких названий имеет больше психологический аспект и независимо от социального статуса читателя, привлекает к чтению произведения. Читатель при покупке или получении сначала видит название книги и хочет ознакомиться с её содержанием. По нашему мнению, если бы автор следовал традиционному методу оглавления книги, выбору названия, книгу бы не издавали бы 38 раз с ещё большим, увеличивающимся интересом.

Первый раздел книги назван «Город риндов» [23, 1-12], где автор изложил в мельчайших деталях исторические события, связанные с Ширазом, периода жизни Хафиза. Используя исторические источники, он смог описать одежду, облик женщин и мужчин, школ и медресе, наставников и учеников, торговцев и риндов, ширазское вино, способы его приготовления, приводя достоверные сведения из источников, о чём нами будут приведены доказательства.

Название второго раздела «Бирюза Буисхаки» и взято из бейта Хафиза:

Ростӣ, хотами фирӯзаи Бӯисҳоқӣ

Хуш дурахшид, вале давлати мустаъчил буд [53, 208].

*/Воистину, бирюзовое кольцо Буисхаки,
Блеснуло хорошо, но было лишь мгновением./*

В данном разделе автор рассматривает краткий период пирушек и попоек, юношества и веселья молодого Хафиза и также приводит сведения о том, что Хафиз был чтецом Корана, из привилегированной группы хаджи Ширази, о его происхождении и семье, его участии в собраниях дервишей и отшельников, о его удивительном голосе. В третьем разделе, названном «Между мечетью и таверной», автор находит Хафиза после завоевания Ширази Амиром Музаффаром Муборизиддином (1301-1363), блуждающим между мечетью и таверной. То есть, автор приводит сведения, что в тот период жизнь Хафиза была полна трудностей и колебаний.

Четвертый раздел назван автором «Ринд и мухтасиб» по той причине, что в этот период жизни Хафиза-ринда приходится на период правления Амира Музаффара (1301-1363) в 1318-1357 гг. Автор показывает, каким образом Хафиз, свободомыслящий поэт, смирился с правлением Амира Музаффара, которому за жёсткость в следовании нормам шариата дали прозвище «Мухтасиб» (*должностное лицо, следившее за соблюдением правил торговли и выполнением религиозных обрядов и правил поведения*), знакомит читателя с социальной и культурой обстановкой в Ширазе и неожиданным образом ставит перед читателем вопрос с тончайшим намеком: «Мог ли остаться Шамсиддин Мухаммад, к тому периоду близкий к тридцатилетию, в стороне от тайных вечеринок и пирушек, происходящих повсеместно по Ширазу?» [24, 44]. Этот риторический вопрос пробуждает в читателе новый интерес к личности Хафиза и влияние на его мировоззрение окружающих обстоятельств, вынуждает читателя сделать какие-то собственные умозаключения, уводит его в мир Ширази того времени.

В пятом и шестом разделе – «Песня Венеры», «Слова близких сердцу» «Грёзы и кубок Джама» автор рассказывает о поэтическом мастерстве Хафиза, изысканности и таинственной пелене газелей Хафиза. В указанных трех главах автор не привел ни одного примера из поэзии Хафиза, показывает внутреннюю,

душевную красоту и неповторимое изящество, небесный трепет и щебетание райских птиц в газелях Хафиза в прозе. Это стало причиной огромной популярности его исследования в Иране. В восьмом разделе – «Два ринда», автор описывает Хафиза вместе с Абулфарисом Джалалудином Шах Шуджоь (1333-1384), сыном Амира Музаффара Муборизиддина (1301-1363), который также прославился как неплохой поэт, на торжестве и пирушке. Дружбу Хафиза и Шаха Шуджоь автор отметил еще в четвертом разделе так: «Шах Шуджоь наперекор всем трудностям отдался пьянству и безрассудству, тому, в чём его друг-поэт - Хафиз видел иногда лекарство от всех бедствий» [24, 28]. В восьмом разделе автор рассматривает дружбу шаха и поэта с использованием его же газелей. Необходимо напомнить, что Аьлохон Афсахзод, напротив, в разделе «Ринд, повергший в скорбь весь мир» в своей книге «Хафиз-наме» не говорит о дружбе Шаха Шуджоь и Хафиза. Аьлохон Афсахзод показал Шаха Шуджоь в качестве поэтического соперника Хафиза. В девятом разделе «Ринд на перепутье» автор повествует о старости Хафиза и лишениях после смерти Шаха Шуджоь, его плачущей душе, просвещенном уме, угнетенном разуме поэта-ринда. Абдулхусайн Зарринкуб в десятом разделе под названием «В обители виночерпия» описывает Хафиза в мифическом образе и рассуждает о его мистических взглядах и доказывает, что они имели социальные истоки.

В одиннадцатом разделе – «Выходя из таверны» автор повествует о старости, отшельничестве Хафиза. В рассказе автора, Хафиз в данный период отделился от двора и лишился покровительства друзей и близких.

В двенадцатом разделе, названном «Любовь, какая же любовь?», автор на основании исторических и художественных источников, знакомит читателя с мировоззрением Хафиза, нравственной и культурной обстановке периода его жизни и сделать заключения по разделу предлагает самому читателю. Бахауддин Хуррамшохи в своей книге «Хафиз-наме» при толковании слова *ишиқ* (любовь) также указывает на данный раздел книги «С улицы риндов». Из этого можно сделать заключение, что для полного осознания хафизовой любви просто необходим раздел Абдулхусайна Зарринкуб «Любовь, какая же любовь?». Это

упоминание Бахауддина Хуррамшахи доказывает, что не только двенадцатый раздел книги «С улицы риндов», но и другие её разделы имеют важную научную значимость.

Из анализа и исследования приведенных выше примеров можно прийти к выводу, что Абдулхусайн Зарринкуб уделил огромное и тщательное внимание названиям разделов, и принимая во внимание важнейшие аспекты жизни и творчества Хафиза, назвал именем одного книгу, а другими - названия разделов. Способы использования исторических фактов и сведений и художественное изложение исторических фактов является второй характерной особенностью «С улицы риндов». Обширные знания по истории, художественный талант автора дали ему возможность детально передать все события и происшествия, связанные с периодом жизни Хафиза в художественной форме.

Особенности смешения научного и художественного метода также встречаются в художественных произведениях талантливых таджикских прозаиков. Это отмечает таджикский критик Джонон Бобокалонова при исследовании творчества Расула Хадизаде: «Расул Хадизаде сложнейшие научные проблемы окутал тонкой тканью художественного изложения, и образным художественным языком создал образы исторических лиц, своим эстетическим писательским взглядом дал оценку историческим событиям и величайшим национальным личностям» [57, 292]. Одной из причин смешения научного и художественного метода являлись ограничение свободы волеизъявления в социально-политической атмосфере периода жизни критиков. Литературные критики не могли использовать для выражения своих взглядов научный язык, им неизбежно приходилось переходить на художественное изложение, который они использовали широко и по своему собственному видению. Для наглядного примера приведем несколько исторических дат из «С улицы риндов» и далее изучим их в составе нескольких предложений автора. Факты, которые были доступны Абдулхусайну Зарринкубу, приводятся им без художественного изложения: «целебная вода Рукнабада», «гордость ширазцев от обладания локоном благословенного пророка», «существование в Ширазе

рукописных копий Корана, написанных рукой близких пророку соратников», «проедание «пьяными» богословами пожертвованного на богоугодные дела имущества», «передача государству пожертвованного имущества в правлении Муборизиддина» [24, 7], «отвращение захидов и риндов Ширази к философии» [24, 9], «загорелые и худошавые люди», «мужчины, одетые красиво, опрятно и просто», «закрытые лица и обувь на ногах женщин Ширази», «посещение проповедей в Соборной мечети Ширази женщин с опахалами в руках» [24, 10-11], «существование бейт-ул-лутф – квартала увеселений риндов в Ширазе» [24, 3, 1]. Как видится, только на седьмой странице книги приводится пять исторических отрывков из источников, что является доказательством исторического аспекта в книге.

Так же рассмотрим художественное изложение одного из отрывков или исторических событий «С улицы риндов»: «То, чего в городе было в большом количестве, была благотворительность – мечети, медресе, обители, построенные из пожертвованного или завещанного на богоугодные дела имущества. Однако, этого пожертвованного имущества, что «опьяняло» («подпитывало») богословов медресе, не хватало на истинные цели и больше было в глотке у иждивенцев – поедателей пожертвованного имущества» [24, 7]. Автор мог эти сведения привести в простой, краткой и без приукрашиваний форме, но поэтическое мастерство взяло вверх и автор преподнес на суд читателя красивое предложение, полное сарказма и иронии.

Особое использование поэтических отрывков и двустиший является третьей характерной особенностью книги «С улицы риндов», которые автор искусно использовал в научном исследовании рассматриваемых им вопросов в силу собственного признанного художественного, отчасти поэтического таланта. Приведенные им отрывки можно условно разделить на две группы: полные и неполные. Он, в отличие от других литературных исследователей, приводящих длинные и многочисленные отрывки в доказательство, ограничивается одним словом или словосочетанием, или же одной строкой стихотворения. Такое использование отрывков наблюдается в книге повсеместно, но в разделе «Песнь

Венеры» и «Слово близких сердцу» это проступает более явно. Автор использует отрывок так мастерски, что его невозможно вырвать из «тела предложения» [101, 134]: «Когда возлюбленная ищет повода растаться, то угрожает разлукой, он (*Хафиз – И.И.*) с безразличием ей отвечает, что уйдет из города от ее притеснений. Однако возлюбленная безразлично отвечает: «Иди же, Хафиз, никто не держит на привязи тебя» [24, 79]. У Хафиза эти байти звучит следующим образом:

Зи дасти чаври ту гуфтам зи шахр хохам рафт,

Ба ханда гуфт, ки Хофиз, бирав, кӣ пои ту баст? [53, 32].

/От горестей твоих уйду вконец из города, сказал я горько,

Смеясь, ответила: Хафиз, кто здесь на привязи держит тебя?/

Абдулхусайн Зарринкуб приводит верхнюю строчку в простой, доступной форме без скобок, но вторую строчку считает нужным привести доподлинно и в скобках. Такое использование отрывков приводит нас к ещё одной характерной, художественной черте «С улицы риндов» - стилистике изложения и сложности в понимании научной прозы автора. Стилистика Абдулхусайна Зарринкуба имеет несколько особенностей, изучение которых в рамках одного исследования невозможно. Мухаммад Мехёр, исследующий наследие Абдулхусайна Зарринкуба, в статье «Художественные оттенки в прозе Зарринкуб» делит его прозу на два вида: «исследовательская проза» и «художественная проза» [101, 133] и причисляет прозу «С улицы риндов» к художественной прозе. Однако следует отметить, что не только «С улицы риндов», но и другое наследие великого мастера написано в стилистике художественной прозы. Мухаммад Мехёр считает наличие «сложных и смешанных предложений с метафорическим оттенком», «отрицательные словосочетания в положительной форме или напротив положительные обороты в отрицательной форме», «риторические вопросы», «описательные и пространственные приёмы» важнейшими особенностями художественной прозы Абдулхусайна Зарринкуба. Именно эти особенности ещё больше осложняют понимание его научного наследия, в том

числе «С улицы риндов». Это также доказывает и новаторское качество автора, ищущего новые пути в литературе.

«Риторические вопросы» художественной прозы Абдулхусайна Зарринкуба в упомянутой книге имеют большое значение. Автор при исследовании некоторых деликатных вопросов по этическим соображениям, не открывая завесу тайны о событиях жизни Хафиза, задаёт читателю риторический вопрос и отдаёт нити полемики в руки самого читателя. К примеру, после цитирования исторических фактов на основании поэзии Хаджи риндов хочет показать застолья Хафиза и ставит перед читателем вопрос: «Могли ли он в это время быть соратником шахматных фигур и нарда и в силу своего прекрасного голоса прикоснуться к музыке, звукам и кружению?» [24, 21]. Вопрос и его место в стилистике изложения Абдулхусайна Зарринкуба имеет огромное значение. Один из разделов его книги «С улицы риндов» также назван в форме вопроса: «Любовь, какая же любовь?». Подобные требующие и не требующие ответа вопросы, характерные его творчеству, несведущего и не понимающего читателя ещё больше запутывают, а сведущего приводят к цели. По произведению «С улицы риндов» и его научно-художественным особенностям можно сделать следующие выводы:

1. «С улицы риндов» является одним из важнейших художественных произведений критического характера Абдулхусайна Зарринкуба, которое ещё не становилось предметом всестороннего и глубокого исследования в Иране и в других странах. Мнение о данном произведении высказали в краткой форме иранские литературоведы Мухаммад Хансари, Мухаммадамин Риёхи, Хасан Садат Насири, Джафар Ёхаки, Эрадж Порсинадждод, Нарджис Афшари.

2. «С улицы риндов» является одним из монографических произведений, написанных с учётом пожеланий иранских читателей и раскрывающих важнейшие вехи и таинственные страницы жизни и творчества Хафиза Ширази и в том числе показывающие исследовательский талант и уникальную стилистику Абдулхусайна Зарринкуба. Это можно наблюдать уже в названии разделов,

художественном изложении исторических фактов, особенной стилистике изложения «С улицы риндов».

3. Важной особенностью «С улицы риндов» является то, что автор после упоминания и исследования исторических фактов и событий, выводы и заключения по данному вопросу оставляет самому читателю посредством постановки удивительных, иногда риторических вопросов. Подобный стилистический приём почти не встречается в литературе и поэтому является уникальным в своём роде. Конечно, для некоторых исследователей это новаторство автора может показаться неприемлемым и невероятным, однако, несмотря на это, является свидетельством неисчерпаемого и удивительного таланта Абдулхусайна Зарринкуб.

4. В данном произведении поэзия Хафиза, по его собственным словам, «дар божественный с небес», которому художественная фантазия и поэтическое мастерство придаёт причудливую, непостижимую форму, все же содержит сведения о его жизни, хотя и в скрытой и замысловатой форме. Другими словами, социальный аспект газелей Хафиза остался под покровом его поэтического таланта, и уводит обычного читателя от скрытых смыслов и основной цели поэта.

5. Личность Хафиза Ширази в данном произведении не описывается как невероятная, «не от мира сего» личность. Проницательный читатель в произведении открывает для себя человека земного, занимающегося обычным трудом, радующегося земным радостям и благам. По словам Абдулхусайна Зарринкуб, то, что наделяет Лисанулгейба небесными чертами – это чистота его души, выраженная посредством его поэзии.

2.3. Место «Секрет свирели» в мавлавиведении и масневиведении

Одним из направлений научных исследований Абдулхусайна Зарринкуба является исследование Мавляна и его творчества в жанре масневи. Его произведения, созданные в этом направлении, относятся к числу самых лучших

и наиболее читаемых в персоязычных странах. О Мавляна Джалаладдине Балхи и его наследии, в том числе о «Масневи», Абдулхусайн Зарринкуб написал более шести произведений. Из шести произведений два произведения - «Введение к «Маснави» и «Лестница небес» (толкование и пояснения к шести тетрадам «Масневи») по неизвестным причинам были утеряны издателями. Четыре изданных произведения, посвященные мавлавиведению и изучению масневи: «Секрет свирели» (аналитическая критика и толкование «Масневи»), «Море в кувшине» (критика и пояснение легенд и притч «Масневи»), «Шаг за шагом к беседе с Богом» (описание жизни, мировоззрение и тарикат Мавляна Джалаладдина Руми), «Сломанная лестница» (комментарий и анализ первой и второй тетрадей «Масневи»).

Из четырёх указанных произведений «Море в кувшине» и «Сломанная лестница» представляют собой вторую редакцию утерянных произведений автора. Об упомянутых двух произведениях он сказал: «Со всем этим, несомненно, всё то, что происходит в преобразованиях, хотя и основано на воспоминаниях о прошлом, не является подлинником утерянных произведений, а есть плод новых обстоятельств и поневоле с печатью своего времени» [34, 6]. Данные произведения связаны друг с другом своей тематикой, но на деле они существенно отличаются друг от друга, изучение и анализ которых требует особого и всестороннего исследования. В этом разделе «Секрет свирели», как лучший образец из цикла исследований автора о Мавляна и его творчества, станет предметом глубокого и тщательного анализа. По данным исследований доктора Камар Ориёни, это произведение по просьбе и настоянию французских издателей, увидевших в лице Абдулхусайна Зарринкуба преемника незавершённых дел английского исследователя Мавляна - Ринольда Никольсона (1868-1945), должно было быть написано на французском языке. Но Зарринкуб после того, как «на деле результат работы вышел за те пределы, которые планировал издатель», предпочёл «издание текста произведения на персидском языке», «если есть в нем какая-либо польза, чтобы оно стало достоянием персоязычного читателя» [91, 15; 37, 7]. Основание для создания данного

произведения и других произведений, связанных с исследованием Мавлави, и была заложена автором ещё в 1347//1968 году на базе воспоминаний и выступлений.

Произведение «Секрет свирели» состоит из двух томов, а спустя уже год после издания, Абдулхусайн Зарринкуб стал лауреатом иранской «Книжная премия 1365 года».

«Секрет свирели», как ценное произведение в области маснавиведения, в плане структуры и содержания, особого стиля повествования, исследования проблем суфизма и других уникальных особенностей, признано большей частью иранских исследователей выдающимся произведением. Абдулкарим Суруш, исследователь творчества Мавляна считает, что «Секрет свирели» считает «аналитическим толкованием, а не составным, отчасти, раздирающим на части тело «Масневи» комментарием. Отмечая создание произведения для всей научно-исследовательской общественности, он пишет: «К слову, это произведение для опытных, понимающих (ученых), а не для только начинающих, по этой причине, и по моим сведениям, оно ничуть не обрадовало и удовлетворило исследователей масневи» [91, 95].

Причина непринятия некоторыми маснавиведами «Секрета свирели», прежде всего, заключается в структуре и в характерном стиле повествования его автора. Одновременно с тем, что это произведение является критическим анализом, оно является и еще и художественным произведением. Особенности языка изложения стали визитной карточкой всех произведений и в целом всего наследия Абдулхусайна Зарринкуба.

Необходимо отметить то, что, несмотря на внешнюю простоту, структура «Секрета свирели» при исследовании создаёт для малоопытного читателя значительные трудности. Изучение этого двухтомного произведения без наличия обоих томов не представляется возможным, ибо автор во избежание возможной громоздкости текста и наличия большого числа сносок, во избежание отвлечения читателя от рассматриваемой проблемы большую часть примечаний и толкований первого тома перенёс в «справочник» второго тома. Помимо

«Введения», произведение состоит из 16 разделов и «Справочника». Разделы расположены в следующей последовательности:

Первый том (раздел 1-12):

1. «Маснавӣ дар «Найнома» («Маснави» в «Найнаме») (с 1 параграфа по 29 параграф).
2. «Мавлоно ва ёрон» («Мавляна и друзья») (с 30 по 60 параграф).
3. «Бо ҷамъи мустамеъ» («В кругу собеседников») (с 61 по 92 параграф).
4. «Забони безабонон» («Язык немых») (с 93 по параграф 121).
5. «Қофияандешӣ» («Размышления о рифме») (с 122 по параграф 150).
6. «Қиссаи най» («Сказание осwirели») (с 151 по 184 параграф).
7. «Дар қаламрави ваҳй» («На территории откровения») (с 185 по параграф 208).
8. «Аз мишкоти нубувват» («От основы пророчества») (с 209 по параграф 240).
9. «Мақолот ва далолот» («Статьи и доводы») (с 241 по параграф 267).
10. «Ишқ ва маърифат» («Любовь и просвещение») (с 268 по 299 параграф).
11. «Олам дар инсон» («Мир в человеке») (с 301 по 326 параграф).

Второй том (разделы 12-16)

12. «Инсон дар олам» («Человек в мире») (с 327 по 345 параграф).
13. «Бо шамъи шариат» («Со свечой шариата») (с 346 по 361 параграф).
14. «Дар ҷодаи тариқат» («На поприще тариката») (с 362 по 375 параграф).
15. «Мақсади ҳақиқат» («Цель истины») (с 376 по параграф 391).
16. «Сухани кутоҳ» («Краткое слово»): Заключение.

Каждый раздел «Секрета флейты» посвящен отдельной теме, а разделы в свою очередь подразделены на параграфы. Чтобы облегчить поиск указаний и толкований, над каждым разделом и параграфом автор поставил цифру и в нижней части абзаца текста указал персидские буквы(...). Количество разделов

составляет 16 и параграфов – 399. Изучение и анализ показали, что каждый пронумерованный параграф также имеет тематическую особенность, и каждый из них отличается друг от друга. Несомненно, можно сказать, что в 399 параграфах автор изучил 399 тем, связанных с вопросами Мавляна и его «Масневи». Уместно отметить, что это произведение еще не подвергалось какому-либо критическому анализу. Единственной статьей, посвященной «Секрету свирели», является статья «По вопросу «Секрета свирели», написанная доктором Касимом Сафай. По записям литературоведа Касима Сафай, «Секрет свирели» является первой книгой, в которой «Масневи» рассматривается в исследовательском аспекте, и произведение весьма «точно и научно разгруппировано на разделы, а разделы и параграфы её пронумерованы» [109, 125]. В связи с этим, возможность полного, аналитического исследования тематического содержания двухтомного произведения в одном разделе невозможно, для чего необходимо провести самостоятельное научное исследование. В тексте «Секрета свирели» автор использовал шесть знаков – «алоиму румуз» в определенных местах [37, 8].

В процессе составления книги автор пришёл к заключению, что если не придерживаться определенной им нумерации, то произведение станет очень объёмным, и в итоге это отразится на его научном аспекте, заключенном в критических взглядах, обстоятельным и всесторонним исследованием. Данный способ нумерации применен и в произведении «Море в кувшине». В «Сломанной лестнице» из шести использовано лишь три упомянутых выше знака.

Изучение произведения «Секрет свирели» показало, что автор, кроме наследия самого Мавляна, знал и всегда имел под рукой другие достоверные источники, к числу которых относятся «Макалате Шамс» («Заметки Шамса»), «Маорифи Бахоувалад» («Просвещение Бахаувалад»), «Ибтида-наме» («Поэма об истоках»), а также наследие Султана Валада, «Рисолае Сипахсолор» («Трактат Сипахсалара») Фаридуна ибн Ахмада Сипахсолора, «Манакиб-ул-орифин» («Достоинства ученых мужей») Афлоки, «ал-Джавохир-ул-музийя фи

табакоти ханафия» (Сияющие драгоценности в общине ханафия») Ибн Абулвафа Абдукадира ибн Мухаммада Кураши Мисри (ум. 775//1373 г.) и другие суфийские источники. В тексте «Секрета свирели» наблюдаются случаи отсутствия полного и точного указания названия произведения и его автора, неполное указание ссылок с искажениями, что связано с двумя причинами.

Первая причина - соблюдение формы и структуры произведения, единства стиля повествования. Если указать имя автора и название произведения, возникнет необходимость упомянуть о его причастности к обсуждаемой теме, и в обратном случае, нарушается структура произведения, померкнет его оригинальность. Кроме того, указанные ссылки и утверждения из других источников с указанием названия произведения и его автора, с одной стороны, показали бы интерес окружения Абдулхусайна Зарринкуб к источникам и научному наследию, с другой стороны, могли бы понизить уровень научного авторитета личности автора перед читателями.

Вторая причина - не отвлекать внимание читателя от основной рассматриваемой темы излишне громоздко приведенными сведениями. Для читателя, который и без того сталкивается со структурными сложностями «Секрета свирели», указание названия нового произведения или его автора в составе текста отвлечёт внимание от главной темы. Подобное рассеивание внимания читателя вынудит его вернуться к главной теме повторно, в итоге читатель потеряет время и некоторый интерес к произведению.

Как было отмечено выше, «Секрет свирели» состоит из «Введения» и 16 разделов. «Введение» полно указаний и художественных пометок, и свободно от фактов и документов, являющихся признаком специфического научного стиля, который может удовлетворить начинающего учёного или автора. Говоря о «Масневи» и его особенностях, автор непременно сравнивает его с «необъятной, неподдающейся, непостижимой книгой» [37, 11] и «с обильно плодоносящим и мощным деревом», «с деревом, с переплетенным стволом и многочисленными ветвями». Далее, говоря иносказательно о свирели и о легенде свирели, связи плоти и духа, смерти и жизни, суфизма и суфия, восприятию звука свирели

Мавляна, в конце с тактично признаёт себя бессильным, как критик и комментатор в «осмыслении небесного звука свирели», «оценке и толковании «Масневи» [37, 12], как и другие егоединомышленники. Из полного названия произведения ясно, что, прежде всего, посвящено критике «Масневи», при необходимости автор занимается толкованием и разъяснением стихов. В связи с этим свой комментарий Зарринкуб назвал аналитическим.

Хотя объём толкования и критики в «Секрете свирели» одинаков, место их применения автором в разделах и параграфах в зависимости от содержания и смысла, стиля письма и других особенностей «Масневи» меняется. Например, параграф 19 первого раздела по сравнению с другими параграфами этого раздела носит исключительно критический характер, где критик со слов самого Мавляна, весьма осторожно, на основании шести бейтов «Масневи» приступает к критической трансформации форм повествования, изучению рифмы, учитывая исторические погрешности к реальной исторической основе событий. Абдулхусайн Зарринкуб по поводу следующего бейта «Масневи» приводит свои критические замечания:

Бигзарад ин сит аз Басраву Табук,

З-он ки «ан-носу ало дини-л-мулук» [35, 998; 12, 268]

/Слух этот дойдёт от Табук и от Басры

Ведь «люд земной идет к просторам веры»/

Абдулхусайн Зарринкуб отмечает: «Так по вопросу призыва, который адресуется в поэме, связанной с сурой «Абас», ниспосланной Пророку (с) Аллахом, который дает Пророку (с) обещание расширения и распространения ислама в будущем, говорится, что эта слава и молва быстро преодолеют Басру и Табук и говорящий, каковым, разумеется, является Мавляна, не обращает внимания на то, когда провозглашался этот призыв (*то есть аят – И.И.*), Басра ещё не была построена [19]» [35, 45]. В этом случае замечание Абдулхусайна Зарринкуб, приступившего к критике и анализу «Масневи» с точки зрения исторического анализа, справедливо, но не следует забывать, что в зависимости от требований времени и художественного контекста автор в описании и

изображении какой-либо темы и личности имеет одинаковую возможность использования, как реального времени, так и воображаемого времени [74, 21-22]. При написании упомянутой поэмы Мавляна находился в реальном текущем времени, при ниспослании и реализации действия аята суры «Абас», являющегося результатом деятельности Пророка (с) – в воображаемом времени.

Чувство пронизательности, доброжелательства и осторожности Абдулхусайна Зарринкуб в критике «Масневи» наблюдается на всём протяжении «Секрета свирели». Например, в критике языковых особенностей «Масневи», в частности в вопросе использования бранной лексики в произведении он проявил большую осмотрительность. Указывая на то, что бранная лексика в «Масневи» не является «осью стремления похотливости», он не критикует Мавляну в открытой форме, а обращается за помощью к автору «Манакиб-ул-арифин», чьи сведения считались им выдуманными [34, 229]. Абдулхусайн Зарринкуб не всегда критикует «Масневи» от имени Шамсуддина Ахмада Афлаки, в некоторых случаях признает необходимость критики и от своего имени. Например, в конце седьмого параграфа, до заключения, критикуя автора «Масневи» за «легкомысленное сравнение», ставшее причиной «выхода за пределы лексического такта» (*не соблюдения чистоты слова –И.И.*) и «пренебрежительное отношение его к слову Божьему» (*легкомысленное отношение к Корану – И.И.*) [35, 832-833], пишет: «Со всем этим то, что считается выходом за пределы нравственности, без всяких извинений и причин нельзя не брать во внимание [34, 380]. Легкомысленное сравнение Мавляна используется в 723 бейте второй тетради «Конец истории нищего»:

Ҳарфи Курьонро зарирон маъдананд,

Хар набинанду ба полон барзананд [35, 1044].

/Слепым Корана буквы, что уголь подземельный

Осла не видят, но водружают на спину ему седло./

Тактичная критика автора Мавляна отнюдь не ради хвастовства, а в доказательство того, что он настоящий и беспристрастный критик. Ведь в

критике «Масневи» для различения зерен от плевел, он смог переступить через веру и безграничную любовь, которые питал по отношению к Мавляна.

В «Секрете свирели» можно встретить разделы с мощным критическим аспектом. В частности, в шестом разделе параграф 170 является полностью критическим. Автор указывает на наличие в нём исторических элементов, частичное историческое несоответствие некоторых сказаний и легенд, на игнорирование Мавляна исторической основы некоторых рассказов и приводит примеры. Так, он говорит: в «Ҳикояти «Вакили Садри чаҳон» («Рассказ «Уполномоченный Повелителя мира»)), обвиненный и бежавший из Бухары, несомненно, является историческим событием, по словам Мавляна выясняется, что он был уполномоченным начальника городской стражи Садра, на деле он был начальником стражи его дивана, и по причине какого-то проступка был вынужден бежать, и в течение десяти лет скрывался от правительства Садра. Однако, нельзя с большой уверенностью утверждать, как предполагают некоторые исследователи, что он был сыном Повелителем мира, то есть Мухаммадом Ибн Умаром из Оли Бурхан» [34, 309].

«Секрет свирели» посвящен не только анализу и критике «Масневи», в нём также рассмотрены и личности, оказавшие влияние на мир мировоззрение Мавляна. Так, заслуживает внимания сведения, которые автор даёт во втором параграфе относительно личности и репутации отца Мавляна, отсутствующие в произведении Бадеуззамана Фурузонфар «Комментарий к жизни и творчеству Мавляна». Хотя он точно и не указывает на то, что Бахаувалад был таджиком, указывает на его поездки по местности, населённой таджиками, его занятия проповедями и, наконец, обоснование его в городе Конья, где таджики имели большее влияние [34, 83, 89, 90, 97, 98]. Он некоторым сомнением смотрит на получение Бахауваладом звания «султана учёных» («Султонулулама»). Он отмечает, что Бахувалад не был учёным [34, 83, 89, 90, 96, 97, 98], не знал в совершенстве арабский язык [34, 71, 83], указывает на его известность лишь в определённом круге поклонников. Предание о его обиде на Фахра Рази и

Султана Хорезма выдумка народа, вытекшая из «Маариф Бахаувалада», «Макалат Шамса», наследия Мавляна.

В «Секрете свирели» автор по необходимости обращает внимание и на проблему текстологии, то есть на критику литературного текста. В третьем параграфе при рассмотрении следующего бейта вместо прочтения «*меканад*»— предлагает использование «*мекунад*», как записано в варианте Коньи (дата переписи 677//1298 год), что считает более подходящим:

Гах мушаббахро муваххад мекунад,

Гах муваххидро сувар рах мезанад [34, 153; 12, 1009].

/Иногда похожее делает единым,

Иногда внешнее сбивает с толку./

Это доказывает, что он не оставался безразличным к проблемам текстологии «Масневи» и уделял серьёзное внимание точности текста и правильности его прочтения. Такое отношение Абдулхусайна Зарринкуб к проблемам текстологии в «Секрете свирели» наблюдается весьма часто. Например, он выдвигает гипотезу по вопросу о введении в текст «Масневи» имени Салахуддина Заркуба Султаном Валадом [34, 25, 108].

Критический анализ комментариев и комментаторов «Масневи», еще более укрепляет критические аспекты «Секрета свирели» и является доказательством осведомлённости автора в указанных толкованиях и пояснениях. В параграфах 263-265 девятого раздела, анализируя и исследуя утверждений Садриддина Кунави и Ибн Араби, поэзию Мавляна, по нескольким фактам признает «соответствие размышлений» Ибн Араби и Мавляна «родившимся не из заимствований и ссылок», а «от слова, речи» [34, 487] и «неосознанного влияния» [34, 488]. При толковании следующего бейта:

Гуфт «ал-маъни хуваллах» Шайхи дин,

Бахри маъниҳои Раббилъоламин.

/Сказал тогда Шейхи Дин: «смысл от Аллаха»,

Во имя смыслов Господина миров./

Абдулхусайн Зарринкуб приводит в качестве комментария «Масневи». Поддерживая толкование тюркских комментаторов Сари Абдуллаха, Шамъи, Сурури об упоминании Мавляна «Шейха Дин», утверждает, что эти комментаторы не признали толкования индийских комментаторов Мухаммадриза Лахури и Валимухаммада Акбарабади по этому моменту. Так как цель Мавляна от «Шейха Дин» является Садриддин Кунави, а не Ибн Араби, Шамс Табрези, Бахоувалад, Абдулхусайн Харакани и Баязид Бистами [37, 481-482]. Данное утверждение Абдулхусайна Зарринкуба говорит о том, что несмотря на то, что на Мавляна влияние Ибн Араби было большим, но тот не использовал его утверждения в «Масневи» с целью какого-либо подражания.

Одиннадцатый, двенадцатый, тринадцатый, четырнадцатый, пятнадцатый разделы показывают изыскания Абдулхусайна Зарринкуб в вопросах поэтики, мусульманского законовещения, теоретического суфизма и философии суфизма. В этих разделах он, мастерски используя термины этих отраслей, рассмотрел философские проблемы познания мира и человеческой сущности с точки зрения Мавляна.

Произведение «Секрет свирели» несравнимо с другими произведениями, написанными в качестве толкования и комментария к «Масневи». Но все же для определения некоторых характерных особенностей и оценки его научной значимости необходимо провести сравнение его с одним из произведений, наиболее авторитетных в области исследования «Масневи».

После «Секрета свирели» (1364//1985 г.) по «Масневи» написано значительное число комментариев и произведений [109, 14-15]. Но уже в течение 30 лет не создано ни одного толкования и критического произведения, посвященного всестороннему анализу «Масневи» подобно «Секрету свирели». Из современных комментариев нам в настоящее время доступен «Полный комментарий «Масневи» иранского исследователя Карима Замани (издание 1391//2012г.).

В 2012 году Карим Замани, завершив полный комментарий «Фихи ма фихи» («В нем, то, что в нем») [110, 12], в настоящее время занят подготовкой

полного толкования «Поэтического сборника Шамса» [151]. Первый том его «Полного комментария «Масневи» издан в 1372//1993 году, последующие его тома также изданы последовательно. В начале данного издания отражена точка зрения мавлавиведов Абдулхусайна Зарринкуба, Абдулкарима Суруша, Мухаммадриза Шафеи Кадкани, Сайида Джаъфара Шахиди, Аннамери Шиммель. Хотя точка зрения указанных мавлавиведов и не считается критичной, но она обладает справочными свойствами по вопросам «Масневи».

Следует отметить, что в отличие от произведения Абдулхусайна Зарринкуба, произведения упомянутых нами выше учёных, не имеют особо ярко выраженной критической и справочной специфики. Однако Абдулхусайн Зарринкуб пишет, что комментарии Карима Замони, одновременно с другими толкованиями, обладают «ценными характерными качествами и спецификой», и перечень названий терминов-ключевых слов, введение книги не лишены значимости для читателей в деле постижения мировоззрения Мавляна Он, признав введение доктора Исмаила Хакими к первому изданию «лучшей презентацией» этого комментария, в конце своего утверждения, тактично языком и специфичным для себя стилем изложения, пожелал Кариму Замони совершенствовать избранный им стиль работы [109, 14-15]. Абдулкарим Суруш также оценил комментарий Карима Замони, как и исследовал «Секрет свирели» самого Абдулхусайна Зарринкуб. По его мнению, толкование предназначено для широкого круга простых читателей, но и не лишено пользы и для продвинутых исследователей. Мухаммадриза Шафеи Кадкани комментарий Карима Замони, охватывающего в целом все прежние толкования «Масневи», считает его «сводным толкованием» [109, 17-18].

Сравнения и противопоставления показали, что «Сводный комментарий «Масневи» существенно отличается от «Секрета свирели» постановкой авторской цели, структурой, языком, способом выражения, но имеет сходство лишь в деталях. Основной целью Абдулхусайна Зарринкуба не является обычное толкование или пояснение, а его внимание направлено на аналитико-критический комментарий «Масневи», исследование мировоззрения Мавляна,

оценку его поэтического мастерства. Однако цель Карима Замони - это сочетание классических и более новых способов комментирования, толкования полного текста (бейт за бейтом), и не содержит тематического, содержательного, стилистического или языкового аспекта «Масневи». Для облегчения понимания толкований Карим Замони даже прибег к скобкам [] для дополнительного пояснения.

Также следует отметить, что в 33 случаях он (*Карим Замони - И.И.*) воспользовался сведениями из «Секрета свирели» [103, 36-37, 42, 220, 292, 399, 551, 559, 772 (два случая), 773, 776, 790, 795, 832, 860, 871, 916;69, 22, 47, 48, 140, 276, 317 (два случая), 358, 365, 406, 429, 440, 496, 731-732) и в четырёх случаях сведениями из «Море в кувшине» [102, 1006; 72, 330, 365, 928]. Но нигде он не высказал критические соображения относительно согласия или несогласия с утверждениями Абдулхусайна Зарринкуб в «Секрете свирели» и «Море в кувшине» по тем или иным проблемам «Масневи», требующих разрешения. Такое отношение Карима Замони, с одной стороны, показывает соблюдение научной этики его в отношении к «Секрету свирели», с другой стороны, предсказывает научную значимость Абдулхусайна Зарринкуба в исследовании проблем анализа и критики «Масневи». Признание современным американским мавлавиведом Луисом Франклином «Секрета свирели» также является другим доказательством его научной ценности. Посчитав «Секрет свирели» одной из лучших работ в области исследования «Масневи», указанный исследователь считает весьма необходимым ее изучение для полного и глубокого осмысления «Масневи» [151].

Аналитическое рассмотрение и сравнение «Секрета флейты» показывает, что Абдулхусайн Зарринкуб, действительно был талантливым критиком и комментатором, выдающимся литературоведом в истории современной персидско-таджикской литературы, давшим оценку «Масневи» с нового научного ракурса и использовавшим новые способы критики, отвечающие требованию времени. Окинув «Масневи» широким и пристальным взглядом, он рассмотрел его не бейт за бейтом, традиционно систематически и

последовательно, а осуществил исследование изложенного состояния, способов изложения воззрений и наставлений Мавляна, характерной стилистики повествования, языковые и структурные особенности «Масневи».

Следует отметить, что произведение «Секрет свирели», действительно отличается от других произведений в области изучения масневи следующими специфическими особенностями:

1. Мощный критический аспект. Критический аспект «Секрета свирели» в 16 разделах и параграфах не равнозначен. В критике «Масневи», избрав аналитический метод, автор, прежде всего, имел в виду позитивные стороны. Однако это не означает, что его критика однобока и носит описательный характер, так как его критика является исключительно критическим анализом, при необходимости он, используя свойственную ему манеру, несколько раз высказывает замечания по поводу произведения Мавляна. К примеру, по поводу «отсутствия теологической основы» одной вынесенной на обсуждение проблемы в бейтах 1711 и 1712 четвёртой тетради («Чун ду чашми гов дар чурми талаф, / Ҳамчу як чашм аст, к-иш набвад шараф. Нисфи қимат арзад он дар чашми ӯ, / Ки ду чашмашрост маснад чашми ту») */Как два коровьих глаза до бойни, Как глаз один лишь, нет в нем чести. Лишь половину цены стоит он в глазах его, Ведь оба глаза смотрят на тебя*»/ он высказывает замечания: «В том, что убийство и расплата за убийство животного сравнивается с человеком, есть сравнение богословское, разъяснение, которое он делает о последствиях этого, по-видимому, не имеет теологической основы» [34, 203]. В другом месте автор отмечает то, что некоторые аллегорические повести «Масневи» отражают внутреннее, некое духовное противостояние и противопоставление: «Так, встречаются случаи, что Мавляна повествует иносказательно и приводит примеры в ходе повествования, есть выражение своего рода внутренней борьбы и критики. Независимо от фрагментов повести, что они иногда, возможно, предполагают (*сомнение и подозрение; оценку, цену и меру-И.И.*), такого рода протесты и трудности, вся легенда в изложении намерений говорящего преимущественно выражает полную уверенность, и там, где аллегория

рассказывается устами отрицающих, то она не воспринимается так, как это предлагал Мавляна, её грамматически разрушают, ранять ее или делает неприемлемым пример аллегии «Повесть о зайце и слонах» [34, 288]. Конец приведенного предложения со своим содержанием показывает, что повествующий критикует автора «Масневи» от своего имени. Такого рода критические замечания можно заметить на других страницах «Секрета свирели» [34, 305, 385, 401, 409, 410, 439, 452].

2. Уникальный аспект тождественности. В силу того, что автор при критическом анализе прибег к сравнению и сопоставлению, «Секрет свирели» также обрел и сравнительно-сопоставительный характер. В связи с этим, сравнение и отождествление тематики и проблем является характерными особенностями «Секрета свирели», обретшими характерность на основе исследования самого Мавляна, выдающихся восточных и западных поэтов, мыслителей и философов. Это предпринято для облегчения осмысления тем и спорных вопросов, рассматриваемых автором. Большинство отождествлений и сравнений, доказывающие широту знаний и мировоззрения автора, не замыкает сознание читателя исключительно на «Масневи» Джалаладдина Руми и персидской мистической литературе, но и ввергает его в безграничное пространство мировой культуры и литературы. К примеру, когда автор рассматривает тему отрешенности от земного «Масневи», он обращается к вопросам аскезы в тарикате, «воздержания от порицания народа, бедности и нищеты при наставнике» в сравнении и отождествлении с жизнью и аскетизмом Ибрахима Адхама с «преданиями и легендами о Будде и стремлениях религиозных деятелей Индии», «размышления Шейха Актаб с речами итальянского святого Франциска Ассизского к своему ученику Леону». Целью таких отождествлений в том, что воздержание и пути к истинному аскетизму, отрешения от всего мирского во всех религиях и верованиях едины. Автор искусен в выборе и применении сравнительного материала. К примеру, когда читатель обращается к жизнеописанию Франциска Ассизского, ушедшего из богатого дома отца, как и Будда, подтверждается разносторонний спектр знаний

Абдулхусайна Зарринкуба. Подобных сравнений и отождествлений в «Секрете свирели» множество, анализ которых в рамках одного исследования невозможно [34, 460, 461, 466, 465, 499, 502, 570, 577; 32, 627, 718, 731, 732].

3. Толкование и аналитический аспект. Толкование и анализ поэзии также является характерной особенностью «Секрета свирели». Исследование и статистические данные показали, что автор изучил и подверг критике 3732 бейта «Масневи». Количество стихов, подвергнутых толкованию, комментариям, примечаниям, в шести тетрадах следующее: первая тетрадь – 981 бейт, вторая тетрадь – 582 бейта, третья тетрадь – 641 бейт, четвёртая тетрадь – 561 бейт, пятая тетрадь – 489 бейтов, шестая тетрадь – 478 бейтов. При необходимости некоторые из бейтов указаны повторно и подвергнуты толкованию в ином аспекте. Например, 35-ый бейт первой тетради (Бишнавед, эй дўстон ин достон//Худ хакикат накди ҳоли мост он – *Слушайте, друзья, поэму эту, // Она есть правда о состоянии нашем*), указанный и истолкованный автором в 15 случаях. Бейт 1547 из первой тетради (Буд бозаргону ўро тўтие, //Дар кафас махбус зебо тўтие – *Был купец, был у него попугай, // В клетке сидевший, красивый попугай*) был упомянут и истолкован 11 раз. Этот бейт является первым бейтом аллегорической повести «Бозаргон ва тўтӣ» («Купец и попугай»), и повторное представление его автором связано с одним аспектом данной повести, а не указанием на этот бейт. Другими словами, указанный бейт условно охватывает все стихи этой повести. В «Секрете свирели» из первой тетради 134 бейта, из второй тетради 76 бейтов, из третьей тетради 74 бейта, из четвёртой тетради 71 бейт, из пятой тетради 55 бейтов, из шестой тетради 46 бейта от 2 до 3-4 раз указаны повторно или получили новое исследование «Стихов «Масневи» в тексте» [35, 995-1117] доказало, что в числе 399 параграфов «Секрета флейты» имеются подпункты, в которых ни один из бейтов «Масневи» не указан пометкой (*), не подвергнут даже толкованию и комментарию. Следующие подпункты «Секрета свирели»: 101, 13, 14, 22, с 29 до 37, с 39 до 50, с 51 до 57, с 59 до 64, 66, 67, 70, 93, 130, 131, 142, 151, 185, 190, 208, 209, 238, 241, 299, 314, 324, 345, 365, 366, 380, 382, 384, 393, 395, 396,

составляющие в общей сложности 62 единицы, не соотнесены ни к одному подвергнутому комментарию бейту. В общем, этот способ толкования и комментирования бейтов «Масневи» свидетельствует о том, что критические аспекты «Секрета свирели», действительно, преобладают над источниками комментирования.

4. Стилистика изложения. Избрав для этого произведения весьма путаный, аллегорический, иносказательный стиль, Зарринкуб «наряду с исследовательским аспектом значительно развивает и художественный аспект своего творчества» [91, 110-111]. Поэтическая и научная проза в «Секрете флейты» меняется в зависимости от содержания и смысла рассматриваемой темы. Например, во «Введении» его проза значительно приближена к классической научной прозе, в тексте же в связи с требованием использования научной терминологии его художественная проза смешивается с научной прозой. Глубокое знание автором грамматики и культуру применения слов и выражений поэтического языка персидской классической литературы, высокое поэтическое мастерство создали для него условия для использования длинных предложений, логически устойчивых, без нарушения смыслового ряда слов. Оценка и исследование «Масневи» посредством поэтических оборотов и выражений является доказательством истинного мастерства автора. В связи с большим объёмом и трудностью осмысления он называет «Масневи» он называет «книгой необъятной, непостижимой и недостижимой» [34, 11], и «мощным плодоносящим деревом» или «деревом, с запутанным стволом и множеством веток» [34, 12]. Подобно этому, во многих местах в зависимости от содержания текста для передачи особенностей «Масневи» он использовал следующие описания: «тағаззуле мавлавивор – «сочинение газелей, как Мавлави» [34, 17], «олитарин хамосаи ирфонӣ» - «высочайший суфийский эпос» [34, 19, 122], «манзумаи таълимии суфиёна» - «поучительное суфийское поэтическое произведение» [34, 22], «тазкираи воқеоту гузоришоти тачоруби рӯхонӣ» - «обязавшийся изъяснить правду и секреты преподавания суфизма» [34, 187], «шеъри азими тавсифнопазир» - «великий стих, не поддающийся

описанию» [34, 274, 275], «қаламрави қиссаву ҳикоят» - «территория повестей и рассказов» [34, 276], «асарҳои азими ирфону ҳикмат» - «великие произведения суфизма и нравственности» [34, 279], «ҷомеъ-ул-ҳикоёт» - «сборник рассказов» [34, 279], «маҷмуаи ҳикоёт ва мавоизу мавориф» - «сборник рассказов, проповедей и знаний» [34, 280], «ҷомеъ-ул-оёт ва ҷомеъ-ул-аҳодис» - «сборник аятов и сборник хадисов» [34, 280], «тафсири латифу дақиқи Қуръони карим» - «изящное и точное толкование священного Корана» [34, 342], «навъе тафсири ирфонии Қуръон» - «вид суфийского толкования Корана» [34, 373]. Эти выражения, поэтически использованные Абдулхусайном Зарринкубом при толковании в тексте произведения, отражают самые характерные особенности «Масневи» Джалаладдина Балхи. Использование подобного рода поэтических оборотов, имеющих также и научную специфику, показывает сплетение научного и литературного стилей в стиле повествования «Секрета свирели».

ГЛАВА III

ИССЛЕДОВАНИЕ ВАЖНЕЙШИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ АБДУЛХУСАЙНА ЗАРРИНКУБА И ИХ СТИЛИСТИКИ

3.1. Изучение произведений литературной критики

Абдулхусайна Зарринкуба

Литературная критика является одним из важнейших направлений деятельности Абдулхусайна Зарринкуб в современном персидском литературоведении. Его перу принадлежат большие и небольшие по объёму произведения, внёсшие весомый вклад в развитие литературной критике Ирана. Каждое из его произведений в сфере литературной критике, требует отдельного исследования. Необходимо отметить, что в критическом наследии мы не смогли найти лишь произведение «Экскурс в персидскую поэзию», а также осталось вне рамок исследования произведение «Знакомство с литературной критикой», которое является кратким изложением «Литературной критики».

В период жизни Абдулхусайна Зарринкуб его критическое наследие в области литературы, за исключением «наставнической критики» Парвиза Натила Хонлари» [91, 24], не становилось предметом глубокого и серьёзного исследования исследователей-критиков. Статью Манучехра Амири, как презентацию «Литературной критики», можно считать не более чем как критическая заметка [91, 73-75]. Факторы, по которым критическое наследие Абдулхусайна Зарринкуб остаётся вне рамок исследования, можно разделить в три группы: 1. Исследователи и литературные круги Ирана хорошо знакомы с обширными знаниями, исследовательским талантом, особенной стилистикой изложения, тех, кто бы взялся критиковать его наследие, имеющих равные по сути знания в области литературной критики, нет. 2. Данный фактор вытекает из первого фактора и согласно ему, Абдулхусайн Зарринкуб пользуется огромным авторитетом и большим уважением среди иранских и зарубежных исследователей, как гениальный ученый. Его личность и непререкаемый

авторитет для исследователей в период жизни не давал возможности критиковать наследие. 3. Во второй половине прошлого века литературная критика, как одна из ветвей вспомогательных литературных наук в Иране именно его стараниями обрела теоритические и практические основы. По словам Абдулхусайна Зарринкуба, ход литературной критики во всем мире, как на Западе, так и на Востоке, «несмотря на достойные старания, приложенные известными критиками в течение последнего века в укреплении и расширении науки, литературная критика сегодня, как и философия, еще далека от периода совершенства и исследования, и наверно, понадобятся еще годы, а может и века, чтобы дойти до фазы совершенства и полного исследования, присущего наукам» [18, 68]. Согласно этим словам, литературная критика как отдельная наука в современном литературоведении Ирана и мира еще продолжает развиваться, еще не выработала единые теоретические и практические нормы и модели. Естественно, что с периода высказывания данных слов автором прошло уже много лет, и в критическом литературоведении произошло существенное развитие. Это подтверждают критические публикации и исследования, посвященные критическому наследию Абдулхусайна Зарринкуб.

Как уже нами было отмечено, в третьем разделе второй главы, критическое наследие Абдулхусайна Зарринкуб исследовали и дали критическую оценку Эрадж Порсинаджод и Нарджис Афшари.

В Таджикистане критическое наследие Абдулхусайна Зарринкуб лишь используется как научный источник, однако до настоящего времени никто не занимался его всесторонним и глубоким исследованием. Профессор Абдулманнон Насриддин признал его произведения «С караваном обновок», «Из литературного прошлого Ирана» важным и авторитетным источником XI и XII вв. [65, 331]. Другой таджикский исследователь, профессор Джонон Бобокалонова в своём произведении при толковании термина «литература» ссылается на «Литературную критику» Абдулхусайна Зарринкуб и «Литератор» Лутфали Суратгара. По её мнению, в обоих произведениях рассматривается литература, и, по мнению авторов, нельзя каждое написанное произведение,

причислить к литературе [57, 112-113]. Ссылки таджикских учёных на «Литературную критику» Абдулхусайна Зарринкуб говорят о том, что большинство из них в теоретических исследованиях в области литературной критики опирались на мнение Абдулхусайна Зарринкуба. К примеру, критик Субхон Аъзамзод в критике средневековых антологий ссылается на мнение Абдулхусайна Зарринкуба [55, 25].

Из предисловия [91, 6, 7, 8] и текста «Краткий обзор теории персидско-таджикской литературы» книги таджикского литературоведа и критика Абдунаби Сатторзода [71, 15, 16, 31, 35, 54, 56, 57, 77, 92, 128] исходит, что «Литературная критика» стала доступна таджикским литературоведам через два года после издания (1960). Профессор Абдунаби Сатторзода являлся не только одним из первых пользователей, он также считается одним из первых критиков данного произведения. В своей книге работе в одном случае он дал положительную оценку, в трёх – критическую оценку произведения. Он считает «Литературную критику» единственным исследованием, критически рассматривающим персидско-таджикские литературные теории [71, 7]. Его признание доказывает тот факт, что «Литературная критика» является отдельным исследованием в области истории литературной мысли. По его мнению, «автор множество страниц своего произведения посвятил изложению теории литературной критики и её методов, новой литературе Ирана, размышляет о литературе Греции и арабского мира и посвятил раздел под названием «Из истории иранской литературы», в котором кратко остановился на истории развития персидской (таджикской) критической мысли» [71, 7, 8]. Абдунаби Сатторзода видит недостаток произведения «Литературная критика» в «недостаточно объективном и добросовестном» рассмотрении «истории возникновения и развития персидско-таджикских литературно-художественных воззрений», относит этот недостаток в силу «излишне идеалистического мировоззрения учёного» [71, 8]. Кроме этой оценки и критики, также Абдунаби Сатторзода в окончании третьей главы **своей работы** критикует мнение Абдулхусайна Зарринкуб об «ослаблении навыков критики» и «желание

очищения» в XV веке, признает огромный вклад Абдуррахмана Джами в развитии таджикского литературоведения и критики» [91, 128].

Следует отметить, что причиной исследования «Из истории иранской литературы» в кратком виде было то, что Абдулхусайн Зарринкуб посвятил книгу истории литературной критики в мировой культуре, а не исследованию литературной мысли отдельно взятого народа, или же исключительно литературе Ирана. В случае исследования истории литературной критики в рамках персидской литературе, вероятно, и объём, и содержание книги были бы другими.

Немногочисленные ссылки и несколько выдержек из «Литературной критики» в произведении Джумабая Хамроева «Таинства литературной критики» показывают, что в Таджикистане исследование критического наследия Абдулхусайна Зарринкуба ещё не получило должного развития. Из шести произведений в области литературной критики только книга «С караваном обновок» стараниями исследователя Шоди Шокирзода Нумонпура была в 2004 году издана на кириллицу, а «Литературная критика», «Знакомство с литературной критикой» ещё не доступны для исследователей в кириллице.

Произведение Абдулхусайна Зарринкуб «Философия поэзии или история развития поэзии и поэтики в Иране» является доказательством его «привязанности к литературной критике, когда с ранней молодости он посвятил себя этому поприщу» [98, 13]. Данное произведение состоит из пяти разделов: «Философия поэзии», «Лирическая поэзия», «Песня и стихотворение (*чома*)», «Эпическая поэзия», «Суфийская и мистическая поэзия». В разделе «Философия поэзии» автор приводит подробные сведения о понятии поэзии с точки зрения древних и последующих литераторов Запада и Востока, о пользе и вреде поэзии, проводит исторический экскурс становления и развития поэзии. По сведениям Эраджа Порсинажода расширение темы в этом и других разделах не дали возможность автору исследовать и дать оценку каждому аспекту [98, 36]. В разделе «Лирическая поэзия» автор сначала рассматривает термин «лирика», что на персидском языке обозначено понятием *шеъри гиной*. Далее автор приводит

критическое мнение о понятиях «язык и музыка», «описание природы», «лирической персидской поэзии», «плач» (элегия), «панегерик». В данном разделе автор приводит в пример о хвалебном стихе (ода) стихи из поэзии Унсури и Анвари, французских поэтов Пьера де Ронсара (1524-1585) и Жоашена дю Белле Дубла (1522-1560), в пример об элегии приводит тюремные элегии (*хабсийят*) Масуда Саъда Салмана и ирландского литератора Оскара Уайлда (1854 – 1900), французского писателя Жана де Лафонтена (1621-1695). В разделе «Песня и стихотворение» автор проводит исследование истории народной поэзии, являющейся частью устного творчества. Автор утверждает, что все предания, поэмы, легенды народов мира в первоначальном и простом виде, имели стихотворный размер и воспевались в виде стихотворения. Согласно его исследованиям, в прошлом словом «чома» или «чакома» называли лирические или героические поэмы, и поэмы «Вис и Ромин» Фахруддина Гургани и «Хосров и Ширин» Низами Гянджеви берут начало в древнейших «чакома» пехлевийской литературы. В данном разделе, по мнению Эраджа Порсинажода, получают признание «сила памяти и удивительный силы разум молодого Зарринкуба» [98, 52]. В четвёртом разделе автор признает основой возникновения «Эпической поэзии» сказания, поэмы, национальный эпос, воспетые в стихотворном размере и удивительной лексикой. При историческом экскурсе автор называет в числе эпических произведений «Илиаду» и «Одиссею» Гомера, «Песнь о Роланде», «Короля Артура», другие известные эпические поэмы и приводит сведения о них. Далее автор рассматривает «Шахнаме» Фирдоуси и сравнивает поэму с «Илиадой» Гомера (8 век до нашей эры) и «Энеидой» Публия Вергилия Марона (70 - 19 гг. до нашей эры). О последователях, написавших поэмы в подражание названных эпических произведений, автор затевает отдельную дискуссию. Пятый раздел книги посвящён «Суфийской и мистической поэзии». В нем автор приводит краткие сведения о терминах суфизм, суфий, воспитание последователей, мистическая литература, поэзии Санай и Аттара, газелях Джалалуддина Руми и Гафиза. Данное произведение с его, якобы «недостатками», отмеченными Эраджом Порсинажод, все же говорят об

удивительном исследовательском таланте, критическом взгляде в области литературоведения. В произведении автор приложил старания рассмотреть литературу во всей ее многогранности. В каждом исследуемом вопросе, он непременно проводит линию между прошлой и современной литературой Востока и Запада, наряду с мнением древних литераторов, приводит слова современных исследователей. Эрадж Порсинажод, написавший на это восьмидесятистраничное произведение рецензию в 45 страниц, и высказавший в основном негативную критику, в конце рецензии пишет: «Если наше критическое исследование первого исследования мастера Зарринкуб было излишне критичным, это лишь дань уважения и почитание, высказанное нами по поводу ухода ярчайшего таланта в области критики и иранского литературного исследования» [98, 68].

Большая статья Абдулхусайна Зарринкуб «Литература в застенках истории», написанная им в возрасте 25 лет, стала предметом дискуссии Эраджа Порсинажода, принятого в качестве отдельного произведения. Это свидетельствует о том, что автор обладал уникальным свойством к краткости изложения. В статье он рассматривает спор «новаторов» и «классиков», часть из которых не желала признавать значимость классической литературы, а другая часть не хотела ее модернизации. По его мнению, нельзя сажать классическую литературу в застенки критики, а больше изучать историю при исследовании литературы, чтобы соблюсти этические и человеческие нормы в познании литературы и её критике. Он также высказывает положительное мнение о тех, кто не хочет видеть современную литературу вне рамок классической литературы. Его мнение о соблюдении норм литературной критики в современном иранском литературоведении хотя и не ново, но достойно упоминания.

Другое произведение названо «Поэзия безо лжи, поэзия без покрыва», посвящено молодым исследователям и молодым поэтам. Оно состоит из следующих разделов: «Критика поэзии», «Поэзия и литература», «Исследование поэзии», «Смысл и слово», «Об изложении», «Смыслы и необходимость

состояния», «Искусство и художественные приемы», «О рифме», «О стихотворном размере и арузе», «Модель и цель», «Смысл и цели», «Поэзия и предания», «Лирические жанры», «Простонародные стихи и представления», «О стилистике», «Платон или Аристотель?», «Из исламского наследия», «Критика и философия», «Из критики нашего времени», «Новаторство». Краткость и лаконичность названий, вводные «первое издание» или «новое издание» говорят о простом языке произведения, в форме ответов на некоторые вопросы студентов. Исследование каждого раздела из двадцати названных не представляется возможным в рамках данного исследования, в связи с этим ограничимся изучением нескольких разделов. Следует отметить, что о данном произведении иранский исследователь Ахмад Ахмади Бирджанди написал несколько описательных рецензий [109, 155-159]. В разделе «Критика поэзии» автор признает критику поэзии равной или близкой самой поэзии [18, 17] и в заключении отмечает: «В познании поэзии всегда необходимы ценности и особая гармония, которые исследователь должен найти и понять» и использовать в исследовании и критике [18, 30]. Раздел «Исследование поэзии» является одним из интереснейших разделов книги, где автор начал широкую историческую дискуссию. Вначале он рассуждает о различиях поэзии и прозы, как о «деликатном деле» и, опираясь на слова американского поэта Эзра Паунд (1885-1972), пишет: «Без углубления в процесс создания (*начиная от вдохновения до написания на бумаге или запечатления в памяти поэта – И.И.*), все, что будет сказано в этом разделе – несовершенно» [18, 45]. Исследователь, не ведающий о творческом процессе, то есть о вдохновении и его источниках, психологического состояния поэта в тот момент, превращение мысли поэта в стихи, не должен заниматься исследованием поэзии. Основной темой данного раздела является спор вокруг определения «поэзия», где автор как истинный знаток теории поэзии, смог провести исследование взглядов представителей классической персидской и мировой литератур. Автор отмечает, что определение «поэзия-это гармоничная и срифмованная речь» верно только для исследователей в области аруза и не является достаточным в части стилистики.

В данном определении нет необходимости присоединения прилагательного «будящий воображение», так как размер и мотив, то есть гармония и рифма являются свидетельством игры воображения в поэзии [18, 47]. Также автор не считает воображение постоянным качеством поэзии, так как существуют стихи, в которых адресат обращается к разуму, а не воображению. «Масневи маъневи» («Поэма о скрытом смысле») Мавляна Джалалуддина Балхи является лучшим примером такой поэзии, которая держит прозорливого читателя в небесном пространстве в раздумьях и размышлениях [18, 48]. Далее автор размышляет о связи поэзии с музыкой и, опираясь на мнение европейских исследователей и литераторов, в конце приводит собственные, примечательные умозаключения. Необходимо отметить, что разделы книги «Поэзия безо лжи, поэзия без покрыва» тесно связаны друг с другом, и автор расположил их в содержательной последовательности. К примеру, в заключение раздела «Исследование поэзии», отмечая, что в поэзии главное не слово, а смысл, одним небольшим отступлением готовить читателя к следующему разделу под названием «Слово и смысл» [18, 52]. В каждом разделе он глубоко входит в тему, иногда позволяет отступления, и вновь к ней возвращается. Это можно наблюдать в разделе «О рифме». Вначале автор рассуждает о важности рифмы, её существовании в китайском стихосложении, отсутствии в греческой поэзии, и далее для её определения в персидском стихе начинает исторический экскурс в доисламский период поэзии. После выяснения этого аспекта, он вновь возвращается к теме рифмы и приводит сведения об определении «рифма», её отличия от редифа, её необходимости в поэзии и правильном использовании поэтами. В целом, можно сказать, что «Поэзия безо лжи, поэзия без покрыва», является исследовательским произведением, написанным несколько простым языком для студентов и читателей.

Критическое исследование «С караваном обновок» является единственным произведением в области литературной критике и истории литературы, полностью исследованное иранскими учёными Эраджом Порсинажод и Нарджис Афшари. Указанное произведение, находящееся в пользовании таджикских

исследователей и учёных с 2004 года, никем из них не подвергалось всестороннему и глубокому научному анализу. Иранский литературовед Карогузлу Закавати признает «С караваном обновок» неким паспортом поэтов-классиков, составленным с современной и исторической точки зрения [91, 6]. Со слов иранского исследователя Камола Сарвистани, автор в разделе посвящённом Саади, повествует очень приятным изложением, и это связано с его особой духовной связью с Саади [91, 13]. Естественно, что читателя, впервые столкнувшегося с научным наследием Абдулхусайна Зарринкуба, в частности «С караваном обновок», может смутить «это приятное изложение». Ведь Абдулхусайн Зарринкуб старался отдать дань уважения каждому из рассматриваемых им поэтов. Эрадж Порсинаход называет произведение «схожим с антологиями», «повтор сказанного Зарринкубом о поэтах», где «умное повествование в виде приятной прозы» [98, 243]. В произведении, охватывающем жизнь и наследие тридцати нижеследующих поэтов, даны комментарии и исследования автора: Рудаки [3, 15–20], Дакики [3, 21–32], Фирдоуси [3, 33–40], Фаррухи [3, 41–46], Манучихри [3, 47–56], Фахри Гургони [3, 57–68], Носир Хосров [3, 69–80], Катрон Табрези [3, 81–90], Масъуд Саъд Салман [3, 91–98], Омар Хайям [3, 99–110], Амир Муиззи [3, 111–120], Санаи Газневи [3, 121–136], Анвари Абебарди [3, 137–142], Хакани Ширвони [3, 143–148], Низами Гянджеви [3, 149–154], Фаридуддин Аттар Нишапури [3, 155–168], Мавляна Джалалуддин Балхи [3, 169–182], Саади Ширази [3, 183–196], Амир Хосров Дехлави [3, 197–202], Ибн Ямин Фарюмади [3, 203–208], Хафиз Ширази [3, 209–216], Абдуррахман Джами [3, 217–222], Саиб Табрези [3, 223–228], Абдулкадир Бедил [3, 229–236], Хотиф Исфাহани [3, 237–246], Коони Ширази [3, 247–258], Икбал Лохури [3, 259–272], Парвин Эътисами [3, 273–280], Маликушшуара Бахор [3, 281–290], Алиакбар Деххудо [3, 291–304]. В данном произведении можно найти новые стороны жизни и наследия упомянутых поэтов. К примеру, о количестве стихов Рудаки, автор, опираясь на то, что «ещё во времена Фаррухи, Унсури и Рашиди его (*Рудаки – И.И.*) стихи изучали», выдвигает невероятную гипотезу, что «может его (*Рудаки – И.И.*) наследие

уничтожили намеренно» [3, 17]. Он приводит сведения о появлении «Тарджумон-ул-балага» («Перевод красноречия»), которое Рашидаддин Ватвот приписал Фаррухи и отмечает, что оно принадлежит перу Умара Родуёни [3, 46]. По вопросу о зороастризме Дакики приводит довод, что его две строчки не могут быть свидетельством приверженности зороастризму, ведь никто из религиозных деятелей не может сравнить свою веру и мазхаб с вином и пурпурными губами, являющихся атрибутами пьянства и непотребства [3, 24]. В большинстве разделах произведения наблюдается критический аспект. К примеру, любовь, воспетую Фаррухи, автор считает заболеванием, и считает именно её причиной плохих диванов большинства поэтов [3, 41].

Анализ исследований Эраджа Порсинажода по произведению помог нам при выводах, но некоторые его размышления не могут быть приемлимыми. Первоначально он критикует то, что автор во введении «С караваном обновок», проводя критический анализ наследия поэтов, опирается на такие антологии, как «Лубаб-ул-албаб» («Чистый рассудок») Мухаммада Афви и «Тазкират-уш-шуара» («Антология поэтов») Давлатшаха Самарканди, которые не представляют достоверных сведений [98, 350-351]. Наряду с тем, что Порсинажод не доверяет источникам, которыми воспользовался Абдулхусайн Зарринкуб, сам автор в произведении также сомневается в них. Этому факту Порсинажод в книге «С караваном обновок» не придал внимания. К примеру, когда приводит два рассказа о приверженности Санай к суфизму и мистицизму из «Маджалис-ул-ушшак» («Собрание возлюбленных») и антологии Давлатшаха Самарканди, в новом абзаце отмечает, что «Это сказка, которую они придумали и в отношении других поэтов» [3, 124]. Необходимо отметить, что источники книги «С караваном обновок» никогда не оставались без критики и доли научного скептицизма. После упоминания рассказов о жизни Санай, в том числе «рассказа оболудившихся пьяных», он приходит к заключению, что рассказ взят и придуман из его дивана [3, 125]. Исследование преданий о жизни Аттара Нишапури, приведённые автором из антологий, является ещё одним свидетельством критического взгляда на сведения древних антологий, а не как

источника сведений, как утверждает Эрадж Порсинаход. Следующее утверждение Абдулхусайна Зарринкуба подтверждает, что в произведении он осуществил критическое исследование, а не просто описал и расхвалил поэтов: «Можно сказать, что основой множества преданий, сотканных антологистами о жизни Шейха, взяты из поэм, приведённых в «Тазкират-ул-авлия» («Антология праведников») [3, 155]. Абдулхусайн Зарринкуб критически рассматривает сведения антологий, а не опирается на них, как на достоверные сведения. Эта характерная черта также прослеживается и в других критических произведениях автора.

В заключение данного раздела нами сделаны следующие выводы:

1. Общая картина содержания наследия в области литературной критики Абдулхусайна Зарринкуба представляет автора как теоретика современной литературной критики Ирана, о его признании в персоязычных странах как выдающегося критика ещё при жизни.

2. Обширные знания в истории, языка и литературы Запада и Востока дали ему возможность осуществить глубокое и объёмное критическое исследование. Глубокие знания стали причиной того, что уже в первом своём произведении «Философия поэзии» он открыл широкое поле для дискуссий, которые иногда выходили за рамки рассматриваемой темы.

3. Всеобъемлющий взгляд на исследуемую проблему и краткость научного заключения является характерной особенностью критического наследия Абдулхусайна Зарринкуба, произведения которого, несмотря на объем, имеют невероятную ценность в области литературной критики. Признание Эраджем Порсинаход статьи Абдулхусайна Зарринкуб «В застенках истории» в качестве полноценного произведения является прямым доказательством сказанного.

4. Взаимосвязь теоретической и практической литературной критики увеличивает значимость его наследия и представляет его как одну из важнейших фигур в современном иранском литературоведении и персоязычных народов.

5. Критическое наследие Абдулхусайна Зарринкуба, большинство из которого издано в Иране несколько раз, сыграло важную роль в становлении

критического мировоззрения иранских и других персоязычных исследователей второй половины XX века и начала XXI века. Перевод на язык урду, перевод на таджикскую кириллицу произведения «С караваном обновок» и его признание таджикскими исследователями показало, что перевод на кириллицу оставшегося критического наследия Абдулхусайна Зарринкуба внесёт огромный вклад в формирование таджикского критического литературоведения.

3.2. Анализ и изучение «Литературной критики»

Абдулхусайна Зарринкуба

Одним из самых объёмных произведений Абдулхусайна Зарринкуб в области литературной критики является «Литературная критика», которая по мнению иранских исследователей, признана продолжением и усовершенствованным вариантом самого первого произведения автора. Исследователь Содот Насири назвал «Литературную критику» величайшим произведением, литературовед Карогозлу Закавати признал её автора «основателем новой иранской литературной критики», исследователь Масуд Разави наделил его титулом «пионер литературной критики» [91, 66]. Литературовед Мухаммадамин Рияхи отмечает, что Абдулхусайн Зарринкуб «созданием «Литературной критики» заложил крепкие основы этой науки в персидском языке» [91, 28].

Наряду с признанием значимости произведения в развитии литературной критики, критического мировоззрения автора, стилистика «Литературной критики», оказывается, не лишено недостатков. Иранский исследователь Комёр Обиди назвал произведение «мудрое произведение мастера (Абдулхусайна Зарринкуб – *И.И.*)», подобно «краткой энциклопедии литературной критики Ирана, исламских стран и Запада» и «не имела большого влияния на современную литературную критику» по той причине придания внимания автором в большей степени истории литературной критики, а не её направлениям и методам [91, 105]. Конечно, критика Комёра Обиди не может

быть полностью объективной, так как основная цель Абдулхусайна Зарринкуба в произведении, состоящем в целом из 16 разделов, являлся исторический экскурс мировой литературной критики с начала возникновения по настоящий период, а не исследование способов, методов и направлений в ней, в области которых у него имеются другие исследования.

Первый том произведения состоит из девяти разделов, второй также составлен в виде девяти разделов. По словам Эраджа Порсинажода, разделы, посвящённые «развитию литературной критики в Германии Франции, Англии, Америки и России» в «Литературной критике» являются переводом и цитатами из европейских и арабских источников» [98, 79]. Упомянутый критик не только высказал свою точку зрения, но и ушёл в сторону от критического исследования указанных разделов, так как для исследования данных разделов необходимы знания в области европейской и американской литературной критики, с чем может справиться не каждый исследователь.

«Знакомство с литературной критикой» Абдулхусайна Зарринкуб также является краткой формой «Литературной критики», в которой отсутствуют 6-9 разделы первого тома, 10-18 разделы второго тома. В связи с этим, нами исследована книга «Литературная критика». Для изложения полного содержания 18 разделов «Литературной критики» нами было составлено Приложение 2.

Разделы «Литературной критики» следующие:

Первый том:

1. «Введение и определения» (стр. 5-36)
2. «Ценности и направления» (стр. 37-85)
3. «Проблемы и вопросы» (стр. 87 -133)
4. «Арабская и исламская литература» (стр.135-179)
5. «Из литературной истории Ирана» (181-274)
6. «В Древней Греции и Риме» (стр.275-329)
7. «Бреши в стене веры» (стр. 231-253)
8. «Картина наследия Данте» (стр. 354-382)
9. «Дон Кихот смотрит на себя» (383 – 404).

Второй том:

10. «Восстание духа Фауста» (стр. 405-433)
11. «Мыслью, значит, существую» (стр. 435 – 466)
12. «На острове Шекспира» (стр. 467- 507)
13. «Из путевых записок нового мира» (стр. 507 – 534)
14. «Луч света в тёмном царстве» (стр. 535 – 562)
15. «Современная критика, новые методы» (стр. 563 – 617)
16. «Иран между модерном и классикой» (стр. 617 -663)
17. «На переходе мысли и философии» (стр. 664-702)
18. «Критика критики, эталоны и критические исследования» (стр. 703-731).

Из названий разделов «Литературной критики» в некоторой степени можно судить о целях написания книги. Без преувеличения можно утверждать, что в произведении Абдулхусайн Зарринкуб смог охватить научным взглядом мировую литературную критику с периода возникновения как науки и до настоящего периода, преодолев трудности большого объёма сведений, единства содержания и последовательности изложения. Важным вкладом, сделанным автором посредством «Литературной критики» является сбор и изложение различных теорий литературоведов и философов-литераторов. Автор с учётом того, что литературное наследие имеет различные стили и формы, отмечает «смешанность и избирательность» (*critique eclectique*) стиля и направлений литературной критики и считает, что «делом критика литературного наследия» является «становиться средством между автором художественного произведения и простым читателем» [18, 11]. С точки зрения автора, «критика не является отдельной наукой, всегда имеющей научный аспект, можно признать её прикладной наукой, опирающейся на научные направления и способы» [18, 23].

В трёх первых разделах и разделах 15, 17, 18 автор рассматривает общие вопросы, присущие литературам всех народов мира, в других разделах совершает исторический экскурс по литературной критике, изучает периоды становления и развития литературной критики в различных литературах.

Метод исследования автора во всех разделах одинаков. К примеру, тем же методом, что автор рассмотрел арабскую литературную критику с древних времён до современного периода, он исследует литературную критику Ирана. Он ищет разнообразные образцы литературной критики в наследии классиков и с учётом исторических и социальных факторов комментирует их.

В первом разделе и других разделах автор, используя сравнительно-исторический, гипотетически-дедуктивный метод, исследует тему и иногда выходит за рамки поставленной цели исследования. Это подчёркивает как недостаток произведения иранский критик Эрадж Порсинаход и упрекает автора «Литературной критики» в «излишних подробностях и многословии» [89, 126, 127]. Несмотря на все критические высказывание и мнения иранских критиков, данное произведение остаётся до настоящего времени важнейшим источником в области литературной критики не только для иранских, но и таджикских исследователей.

Во втором разделе рассмотрен вопрос взаимосвязи направления литературной критики с учетом содержания и стилистики произведения, то есть если поэт или прозаик сочинил произведение нравственной тематики, то критик при исследовании применит критические методы литературы нравственного направления. В данном разделе рассмотрены вопросы «взаимной связи литературного произведения и его автора», «влияние среды и художественное произведение», «литературные жанры», «научная критика», по которым автор в той или иной мере высказал подробное или краткое мнение. Следует отметить, что сведения данного раздела приводятся в кратком или иногда в форме выдержек и цитат в книге «Секреты литературной критики» Джумабоя Хамроева. Это ощущается и из названий разделов указанной книги: «Направления литературной критики», «Нравственное направление критика», «Социальная критика», «Психологическая критика». Хотя Джумабой Хамроев не указывает ссылки на «Литературную критику» Абдулхусайна Зарринкуба, в ходе сравнения нетрудно заметить заимствования из известного произведения. Автор приводит определение «критика» в точности из раздела «Введение и

определения» «Литературной критики», не ссылаясь на произведение [18, 5-6; 79; 5]. Следует отметить, что хотя сам Абдулхусайн Зарринкуб заимствовал определение у Ахмада Амини, он чётко указал на источник своего заимствования [18, 733]. Такие же заимствования их известного произведения Зарринкуб встречается в «Секретах литературной критики» на страницах 14, 16, 17. Пример заимствования из произведения: «Из наследия поэтов я спросил, что это может означать, хотя стесняюсь сказать правду, ведь все кто там был, комментировали и исследовали даже лучше самих поэтов. Тогда дошло до меня, что сутью поэтического слова не является знание, их слова рождаются от эмоций и чувств». «Это утверждение Сократа отмечает Роберт Броунинг, знаменитый английский поэт: «Все могут писать книги, но для их прочтения нужен объективный человек» [79, 17]. Джумабой Хамроев немного сократил заимствование, в результате чего образовалась некоторая недосказанность [18, 19-20; 42, 40]. Это говорит о том, что Джумабой Хамроев и другие таджикские литературоведы изучают и широко используют сведения из «Литературной критики».

В четвертом разделе «Арабская и исламская литература» по словам Эраджа Порсинажода, автор приводит множество заимствований из «ан-Накд-ул-адаби» Ахмада Амина Мисри (1886-1954) [98, 139]. Другое замечание упомянутого критика в том, что в данном разделе «Зарринкуб... ничего не сказал о важном вкладе иранцев и их влияния» [98, 152].

Сведения и исследования Абдулхусайна Зарринкуб в пятом разделе схожи, по сути, с вопросами, рассмотренным таджикским литературоведом Абдунаби Сатторзода в «Кратком экскурсе персидско-таджикской литературной теории». Эрадж Порсинажод, исследуя данный раздел, часто использует неприемлемые обороты, где вместо оборотов «по мнению, по словам, согласно взгляду Зарринкуб», использует «по догадкам Зарринкуба», «...полагает» [98, 168, 172, 183, 185], чем хочет заявить о сомнении в достоверности, о необоснованности, фактов или сведений автора «Литературной критики». Также упомянутый критик отмечает о якобы явной «неэффективности» изысканий Абдулхусайна

Зарринкуба в источниках литературного наследия» [98, 174], некоторые его взгляды о связи «начала эпохи мощного развития литературной критики с эпохой антологий в период могольского правления», считает «появившимся от простоты дела» [98, 177]. В другом предложении: «...хотя, благодарение тому, что автор «Литературной критики» не стал исследовать такие антологии как «Хафт иклим», «Миръат-ул-хаял», «Рияз-уш-шуара» или «Сафинае хушгу», критика которой имеет художественный аспект» [98, 192], явно ощущается саркастический тон. Налицо необоснованная критика, так как Абдулхусайн Зарринкуб до исследования упомянутых антологий отмечает: «Критические заметки, приведенные в данных антологиях, имеют больше художественный аспект и в связи с тем, что критический стиль во всех антологиях схож, в отдельной дискуссии по этому вопросу нет необходимости» [18, 627].

Также Эрадж Порсинаход критикует мнение Абдулхусайна Зарринкуба о «традиционалистах» и «модернистах», высказанного в отношении поэтов и прозаиков современного Ирана и их творчества, разделенного им по принципу «традиционализм» и «модернизм». Сравнительный анализ автора «Литературной критики» по вопросу «заметок Сайида Козима Рашти и Сайида Джафара Кашфи о дивах и джиннах» и сравнение его с «критикой Охундзаде и Мирза Окохон в отношении ислама и суеверий» [18, 625] Порсинаход не считает «ясным суждением, основанном на историческом разуме» [98, 200]. Следует отметить, что в определении и сравнениях, называемых Порсинаходом «неясным суждением», наоборот Абдулхусайн Зарринкуб занял нейтральную позицию и рассмотрел оба определения беспристрастно, и показал культурную и литературную обстановку Ирана в эпоху правления Каджаров в вопросе литературной критики предельно ясно и понятно.

Исследование разделов «В Древней Греции и Риме», «Бреши в стене веры», «Картина наследия Данте», «Дон Кихот смотрит на себя», «Восстание духа Фауста», «Мыслью, значит, существую», «На острове Шекспира», «Из путевых заметок нового мира», «Луч света в царстве тьмы» и другие разделы «Литературной критики», охватывающие язык и литературу Европы и Америки,

являются темой отдельного научного исследования. Упомянутые разделы ещё раз доказывают фундаментальность исследования. К примеру, рассуждения автора в разделе «Луч света в темноте» показывает, что он обладал достаточно широкими знаниями в области русской литературы и определил место и роль русской литературы в мировой литературной критике. В данном разделе автор приводит сведения о критическом мировоззрении известных русских писателей, поэтов и учёных, таких как Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765), Гавриил Романович Державин (1743–1816), Иван Андреевич Крылов (1768–1844), Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), Василий Андреевич Жуковский (1783–1852), Александр Сергеевич Грибоедов (1795–1829), Александр Островский (1833–1886), Антон Павлович Чехов (1860–1904), Иван Александрович Гончаров (1812–1891), Фёдор Михайлович Достоевский (1821–1881), Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837), Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841), Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848), Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889), Николай Александрович Добролюбов (1836–1861), Лев Николаевич Толстой (1828–1910). Об исследовании русской критической мысли Абдулхусайном Зарринкуб отмечает советский литературовед Даниель Комиссаров в книге «О современном иранском литературоведении» (1980).

Одним из самых дискуссионных и больших по объёму разделов «Литературной критики» является 15 раздел «Современная критика и новые методы». В начале раздела автор отмечает, что современную литературную критику «активную, разную, в движении», в которой чувствуется «влияние мировых событий, скорость распространения социально-философских взглядов и мнений, расширение человеческих отношений и совершенствование машинных средств», «невозможно уместить в краткой и простой форме» [18, 563]. В связи с этим, признает необходимым рассмотреть этот вопрос с национального ракурса.

Он начинает исследование с современной английской критики, приводит сведения о критическом стиле Метью Арнольда (1822–1888), Джорджа

Сентсбери (1845-1933) и других, развивших смешанное направление литературной критики. Влияние психологических школ обусловило то, что возникла психологическое направление литературной критики. Основной целью представителей этой школы было в том, что с исследованием психологического состояния поэта и прозаика проникнуть в источник его вдохновения, открыть читателю дверь в духовный и эмоциональный мир их героев [18, 57 - 571].

При исследовании современной французской литературной критики делит её на академическую и неакадемическую область, и связывает признание и развитие каждой с её принадлежностью к одной из названных областей [18, 572, 573]. Кроме профессиональных критиков, он также упоминает от поэтах и прозаиках, таких как Франсуа Эли Жюль Леметр (1853-1914), Анатоль Франс (1844-1924), Поль Бурже (1852-1935), получившие особый статус во французской литературной критике [18, 574-575]. Создание журнала под названием «Прикладная литература» стала крепким основанием для развития прикладной литературной критики во Франции. Полемика французских критиков в том период шла по вопросу «романтизма» и «истинной поэзии» [18, 576, 577].

В Испании критика под влиянием европейских философских и социальных школ оставалась в духе романтизма и развивалась по двум направлениям, рассматривающим, с одной стороны, культуру Испании во взаимосвязи с новой европейской культурой, с другой стороны, во взаимосвязи с древнеримской культурой. Абдулхусайн Зарринкуб исследовал ситуацию в испанской литературной критике до гражданской войны (1936–1939).

В Италии преобладал дедуктивно-исследовательский стиль. Большой вклад в развитие литературной критики внёс Бенедетто Кроче (1866–1952), известный своими произведениям «Эстет», «Литература новой Италии», «Что живо и что мертво в философии Гегеля». Литературная критика Италии, являлась интеллектуальной и эстетической, находилась под сильным влиянием идеалистической философии [18, 586]. Хотя итальянская литературная критика

оставалась до первой половины XX века под влиянием политики, однако находились исследователи, которые оставались вне политической полемики.

Исследование литературной критики Германии Абдулхусайн Зарринкуб начинает с упоминания взаимосвязи и влияния философа Фридриха Ницше (1844-1900), поэта Рене Мария Рилке (1875–1926), известной немецкой писательницы и философа русского происхождения Лу Андреас-Саломе (1961-1937). Именно они были основателями литературной критики Германии и школы натурализма. Немецкие натуралисты располагались в Берлине и Мюнхене. Представители берлинского центра в критике отдавали предпочтение принципу объективизма и реальности. Представители мюнхенского центра больше склонялись к национализму. Произведение «Победа над натурализмом» Германа Бара (1863–1934) ознаменовала крах натуралистической школы. Вскоре появилось новая школа – школа экспрессионизма и начала конкурировать со школой натуралистов. Литературная критика в дальнейшем начала склоняться к классической литературной критике периода Возрождения. Автор «Литературной критике» утверждал, что негативное влияние Второй мировой войны (1939–1945) на литературную критику Германии, чувствовалось ещё долго, хотя группа молодых исследователей в тот период созданием «Группы 47» хотели дальнейшего независимого развития литературной критики во всех сферах культуры.

История современной литературной критики России пришлось на период революций в стране. В указанный период поэзия в сравнении с прозой, была в почёте. Советская власть вначале не смогла подчинить правящей власти литературу. Литература какой-то период оставалась в классической модели, но критика стала предметом теоретической полемики. Школа «Братьев Серрапионовых» и группы футуристов спорили между собой по вопросам литературной критики. В результате чего в литературе и российской и советской литературной критике возник «социалистический реализм». Критика того периода требовала от поэтов и прозаиков реалистично-объективной картины

жизни и указания важного и приоритетного места человека-индивидуума в обществе [18, 596-597].

Развитие американской литературной критики была связана с двумя противоборствующими группами. Первая группа называлась «новыми гуманистами», придерживающихся концепции «старинных норм» [18, 598], другая группа требовали от литераторов творить без прикрас, без соблюдения классических моделей [18, 599].

Абдулхусайн Зарринкуб после краткого экскурса в современную европейскую и американскую литературную критику, исследует литературные жанры рассматриваемого периода. По его мнению, среди литературных жанров в первой половине XX века большее распространение получила поэма (новелла – рассказ и роман) и литературная критика в основном была направлена на её исследование. Жанр пьесы также получил большое распространение в Европе, так как драматурги «в каждой большой столице демонстрировали свой талант и вкус в сочинении пьес» [18, 712]. Усилиями немецкого драматурга Бертольда Брехта (1898-1956) жанр пьесы освободился от «пут аристотелевских традиций» и внёс огромный вклад в признании данного жанра «отдельным видом искусства» [18, 713]. Если в аристотелевской пьесе описывались объективные события, то в эпических, похожих на предания, брештовских пьесах, необычные события, смешавшись с действительностью, создавали некую классическую европейскую романтику. После прочтения данного раздела создаётся впечатление, что Абдулхусайн Зарринкуб решил с изучением «национальных горизонтов» современной мировой литературной критики показать общность в выполнении предназначения–определение всесторонней ценности литературного наследия. Анализ и изучение содержательного аспекта «Литературной критики» в целом показал:

1. «Литературная критика» Абдулхусайна Зарринкуб состоит из двух томов, восемнадцати разделов и является единственным произведением в области литературной критики, исследующим историю возникновения и развития литературной критики мировых литератур с географическим охватом,

изучением национальных религиозных и литературных особенностей. Использование исторических и литературных фактов и сведений, их последовательность, жанровый охват, единая стилистика изложения указывает на настоящий исследовательский талант автора.

2. В данном произведении автор при определении места и статуса литературной критики в том или ином периоде литературы Европы, Америки, арабских и персоязычных странах с учётом истории возникновения, при необходимости задаётся целью рассмотреть некоторые вопросы истории литературы и описывает историческую картину литератур Англии, Германии, Италии, Франции, Испании, России, США, Египта, Ливана и Ирана в контексте литературной критики. Данная картина служит средством для ввода читателя в основную тему – ситуацию литературной критики, воссоздаёт в сознании читателя конкретный образ литературной критики того или иного народа, что делает сравнение и прикладное применение критики в дальнейшем более лёгким и доступным.

3. Критика данного произведения иранскими исследователями Комёром Обиди и Эраджом Порсинажод, не может быть признана полностью объективной и обоснованной. Их доводы показывают, что Абдулхусайн Зарринкуб соблюдал в структуре и стилистике «Литературной критики» особую пронизательность и точность. Опускание в книге «Зарринкуб и литературная критика» 12 разделов исследуемой книги критиком Эраджом Порсинажод не может быть признано недостатком произведения Абдулхусайна Зарринкуб, а является доказательством трудности процесса критики мощного по содержанию произведения вследствие недостатка знаний.

4. Критика произведения выдающимся таджикским литературоведом и критиком Абдунаби Сатторзода является подтверждением того, что советская литературная критика остаётся все ещё сильной в теоретическом и прикладном плане в сравнении с развитием данной науки в период обретения государственной независимости. Советские и таджикские критики уже в 60-е годы прошлого века были знакомы с данным произведением и признали его

ценность и уникальность. Так называемые «заимствования» таджикского критика Джумабая Хамроева из «Литературной критики» является научным плагиатом. Упомянутый критик даже не удосужился привести сведения об использованном им источнике. Однако использование «Литературной критики» говорить нам больше о значимости книги для таджикских исследователей, чем о его плагиате.

5. Содержательный анализ «Литературной критики», осуществлённый нами, не может охватить все аспекты данного произведения. Объем произведения и тематика данного произведения является темой отдельного научного исследования, которая возлагается на будущее поколение литературоведов Ирана и персоязычных народов.

3.3. Стилистика литературоведческих произведений

Абдулхусайна Зарринкуба

Абдулхусайн Зарринкуб в современной истории персидской литературы и культуры признан обладателем уникального стиля, основу которого составляет выражение научного взгляда, исследовательского мнения художественным языком. Он является одним из исследователей, который создав произведение, будь оно научным или художественным, старается познакомить прозорливого читателя с сутью, содержанием своих сочинений так, чтобы у него после их прочтения не оставалось ни сил, ни слов осмыслить их. Этим стилем изложения, который без сомнения, можно назвать *сахли мумтанеъ* (невозможная простота), он старается соблюдать литературные и этические нормы произведения. Читая произведение «С улицы риндов», читатель встречает вопросы автора, на которые мы приведём только ответ или общий ответ на несколько ответов: «ссылка на игру в шахматы и нарды, попойки Хафиза [24, 21], «упоминание о попойках и курения опиума шейхов» [24, 21], «упоминание о свободолюбии и гульбе Шаха Шуджоъ» [24, 54], «упоминание о страданиях Хафиза, ищущего свободы в правление Амира Муборизиддина, прославившегося строгостью в соблюдении

норм шариата» [24, 112], «упоминание о различиях в развлечениях Хафиза и Хайяма» [24, 130]. Оставление на суд самого читателя делать вывод или заключение от прочитанного является характерной чертой исследовательского наследия Абдулхусайна Зарринкуба. Необходимо отметить, что по данному вопросу, в целом по вопросу о стилистике изложения Абдулхусайна Зарринкуб, мы провели исследование и нецелесообразно повторять уже сказанное выше. Нами будут предприняты попытки показать общую картину стилистики наследия Абдулхусайна Зарринкуба, опираясь на мнения и утверждения литературоведов и историков.

Одной из основных целей соединения научного стиля с художественным стилем в том, что он считал круг читателей научных произведений несколько ограниченным, чем художественной литературы. Он отметил это в восемнадцатом разделе «Литературной критики», сравнивая в качестве примера творчество Чарльза Диккенса (1870) и научного наследия Чарльза Дарвина (1809-1882), и делает заключение, что творчество первого до настоящего времени имеет большой круг читателей, творчество другого же читает узкий круг исследователей только при большой необходимости и далее отмечает, что наследие Саади и Хафиза исследуется в каждом веке в соответствии с потребностями периода исследования и для определённого круга читателей. По его мнению, если научному исследованию и критике будут присущи «художественность», они останутся надолго востребованными, как и художественное произведение [18, 721]. Смещение художественного вкуса и поэтики с нормами научной стилистики закрыло тонким покровом сухость изложения и некоторые недостатки исследования Абдулхусайна Зарринкуба, придав научному произведению художественную привлекательность. Сам Абдулхусайн Зарринкуб признает стиль «печатью и отличительным знаком» и «невидимым автографом и объективным и бесхитростным литературным псевдонимом», который «отличает произведение каждого литератора от похожего творчества» [91, 86].

О стилистике изложения научных произведений Абдулхусайна Зарринкуба иранские исследователи приводят различные мнения, о чём будет идти речь далее.

Литературовед Муджтаба Башардуст отмечает, что его стиль «схож со стилем Мавляна, основанном на принципе *«ал-каломи ячаррул каломи»* («слово, влекущее за собой слово» - *И.И.*), который особенно ярко проявлялся в последние годы жизни Абдулхусайна Зарринкуб» [91, 5]. Карогузлу Закавати признал, что «это стиль - уникальный и отражающий целостность личности» и отметил: «Свободное, бегущее по волнам, глубокое и в то же время предельно ясное мышление Зарринкуба проявляется в искренней, содержательной и простой, но не лёгкой прозе, не понятной при одном прочтении и это черта, перенятая Зарринкубом от большой любви к Мавлави и Саади» [91, 6, 7]. Абдулхусайн Зарринкуб, несмотря на его безграничную любовь к истории иранской культуры и её выдающихся представителей ни в коем случае не пренебрегал реальностью, исторической и художественной действительностью. Это отношение, характерное его стилистике можно проследить, прежде всего, в научных исследованиях. Для него художественная реальность всегда была превыше его личных эмоций. К примеру, при всём трепетном отношении к Мавляна Джалаладдину Балхи, он высказал замечания в своём произведении «Секрет свирели» (естественно, с соблюдением этики и норм литературной критики) [34, 380; 35, 832–833, 1044], что является доказательством вышесказанного.

Литературовед Мухаммадамин Рияхи после краткого анализа и исследования произведений Абдулхусайна Зарринкуб отмечает: «Во всем наследии, несмотря на многообразие тематики и целей, в стилистике и изложении наблюдается особое единство и взгляд, что является особой координатой его стилистики [91, 28]. Это же подтверждает и Эрадж Порсинаход: «При тщательном изучении наследия Зарринкуб в области литературной критики, начиная «Философии поэзии или истории развития иранской поэзии и поэтики», «Литературной критики», «С караваном обновок»,

«Поэзия безо лжи, поэзия без покровов», «Экскурс в персидскую поэзию», «Знакомство с литературной критики», можно заметить, что в стилистике в большинстве произведений нет существенных отличий» [89, 391]. Мухаммад Джафар Ёхаки, также как и Мухаммад Рияхи, признал особенности его стилистики: «В исследовательском пространстве художественной литературы и с исторического и стилистического аспекта я вижу написанную сорок пять лет назад «Литературную критику», написанную тридцать лет назад книги «Экскурс в персидскую поэзию» и недавней «Из литературного прошлого Ирана» в одном стиле и одной манере. Можно ли особое видение мастера Зарринкуба в обеих областях – истории и литературе назвать особой стилистической манерой? Если рассмотреть этот вопрос в виде отдельного исторического или литературного исследования, не думаю, что доказать это составит трудность» [91, 205]. Утверждение данного исследователя с точки зрения литературоведения справедливо, однако, исследователи историки по этому поводу имеют другое мнение. Литературовед Наджиб Моил Хирави признает изложение «новых оборотов и исследовательских открытий» одной из особенностей наследия и отмечает: «В научной прозе он имеет особый стиль, явление в современном периоде очень редкое. Много исследователей, пишущих в области научной прозы, прозу которых невозможно отнести именно к ним, однако проза Зарринкуб такова, что после прочтения абзаца можно узнать, что это именно его проза. Недостаток в том, что он много читал и его знания обширны, и эта обширность обусловило то, что у него выработался целый комплекс способностей и талантов в области истории персидского языка. Эти таланты с одной стороны способствовали опыту, с другой стороны вниманию к развитию и совершенствованию современного языка и вместе это дало научную прозу, присущую только ему» [91, 64]. Большинство исследователей подчёркивают его феноменальную память и обширные знания во многих областях литературоведения, что позволяет нам сделать вывод, что навыки и опыт, знания, предположения и гипотезы, рождающиеся в гениальном уме и блистающие в произведениях, не могли выражаться в обыденных и обычных

предложениях и фразах. Его вечная тяга к познанию, поиску нового и неизвестного, превратили его в живой словарь, многоязычную энциклопедию, способствующую в сотворении каждого слова, оборота, предложения.

Иранский исследователь Масуд Разави отмечает: «Его особая проза, своими особенностями, присущими только его стилистике, абсолютно отлична от других, мгновенно привлекает и завораживает ум читателя. Зарринкуб без предварительного предположения – что знает читатель, а о чём и вовсе не имеет представления, предлагает интересный и увлекательный порядок, словно в поэме. В результате, если читатель из числа обычного, заурядного читателя, посчитает его последовательность художественной поэмой, а если это кто-то из круга осведомлённых, творческих людей, то может высказать свои размышления и вопросы в спорном аспекте, в более изысканном изложении, и между тем создаст ещё и несколько уникальных и ценных воззрений» [91, 72]. Из содержания вышеприведённого отрывка можно сделать заключение, что слова и словосочетания в прозе Абдулхусайна Зарринкуб идут в очень чёткой последовательности, что можно увидеть только в поэзии. В связи с этим, Масуд Разави, с учётом привлекательности и интереса называет его «манзума», что означает в переводе поэма.

Доктор Асгар Додбех по вопросу художественного и научного стиля подчёркивает: «Важной особенностью Зарринкуб является то, что во всем наследии он смешал художественный стиль с научным стилем. Мастерство Зарринкуба в том, что с одной стороны, исследовал проблемы прекрасным прозаическим языком, что, по моему мнению, является особым стилем, с другой же стороны, в изучении предмета изучения придавал огромное значение научному аспекту и достоверности своих произведений» [91, 130]. Упомянутый исследователь утверждает, что в одной беседе Абдулхусайн Зарринкуб сказал ему: «Я никогда так не писал и научные проблемы исследовал официальным и сухим языком, но случилось так, что мне стало вдруг ясно – если я хочу, что мои слова имели необходимое воздействие, должен писать другим стилем и это стиль, который увлекает читателя за собой» [91, 131]. Можно сказать, что

Абдулхусайн Зарринкуб приложил старания, чтобы сделать произведения интересными для широкого круга читателей и следует заметить, что это ему удалось.

Из словосочетаний «особая лёгкость руки, присущая чеканщикам», «созидательная осмысленность пера Зарринкуб», «лаконичность в изложении», и в целом содержания статьи Джафара Муайяда Ширази [91, 131], можно сделать вывод, что Абдулхусайн Зарринкуб пользуется художественными приёмами так умело, что никто не может сделать никаких замечаний к его творчеству.

По мнению исследователя Иззатулаха Фулодванда, «в произведениях Зарринкуба, даже в его простой речи ощущается «умственное величие», обуславливающее иносказательность, таинственность, но в то же время, вполне упорядоченное и достоверное, эффектное и увлекательное слово» [91, 132].

Абдуллах Ориёнфар утверждает, что «одной из характерных особенностей научно-исследовательского стиля Зарринкуб является использование различных библиографий, комментариев и толкований или ссылки, каждый пункт которых, несмотря на несколько художественный стиль, пристальное внимание к деталям, может стать прекрасным справочником, путеводителем для всех исследователей. Эти характерные особенности его наследия, со всей высокопарностью, обширностью, подробностями, многословностью не могут пробудить в уме читателей и мысли, что это грандиозное, отнявшее половину жизни исследование написано ради пустословия и собственного превосходства» [91, 132]. Это доказывает, что Абдулхусайн Зарринкуб, используя антологии, источники, комментарии, ссылки, никогда не имел цели показать собственное превосходство. Несмотря на то, что в каждом очередном произведении он придерживался единой стилистики, с учётом специфики науки, вопроса, рассматриваемой проблемы, всегда прикладывал усилия, чтобы направить читателя к осознанию сути исследования, его истинного содержания, а исследователей – по правильному пути исследования и анализа. Для примера можно привести несколько примеров из начала книги «Поэзия безо лжи, поэзия без покровов» после «Введения первого издания» [18, 5-9] автор написал

«Введение нового издания» [18, 11-13), к абзацу «Дар» добавил еще один, где говорит молодёжи обнадеживающие слова, начинающиеся так: «Этот новый взгляд, сделанный мной в книге ради нового поколения молодежи страны, также отдаю им в дар» [18, 15]. Или в конце «Шаг за шагом к беседе с Богом» до раздела «Словарь и понятия» он указывает, что некоторые из читателей испытали трудности в понимании арабских и древних персидских слов, поэтому он посчитал необходимым в других изданиях составить и добавить раздел «Словарь и понятия» [37, 367].

Литературовед Хушанг Сулаймони признал его стилистику прозы в суфийском наследии «приятной прозой с особой художественной стилистикой» [91, 90]. Критик Комёр Обиди отмечает: «В произведениях Зарринкуб существуют удивительно тонкие связи, идущие от его размышлений и смешивающиеся с огромной культурной и литературной мощью и отвагой в произведениях» [91, 99-100]. Говоря об «удивительно тонких связях», критик имеет в виду взаимосвязь истории и литературы, отмеченную многими, присутствующей в стилистике произведений Абдулхусайна Зарринкуба.

Исследователь Таки Пурномдориён, считающий Абдулхусайна Зарринкуб «абсолютным мудрецом», очень подробно исследовал стилистику его литературоведческих произведений. Основным фактором, обусловившим обширность научных и литературных источников и сведений, являющихся отличительной чертой стилистики Зарринкуб, Таки Пурномдориён видит в исключительной памяти исследователя и для подтверждения приводит отрывок из «Секрета свирели»: «После наветов на Шамса и распространением слухов среди народа, что приближенные Джалаладдина его убили и даже позвали от Мавляна, чтобы убить [37]. Но этот факт в «Валаднаме» нигде не указан и тот факт, что Мавляна не оставил надежд его найти и на его поиски несколько раз отправлялся в Дамаск, делает это предание недостоверным. Можно предположить, что убийство Шамса держали от Мавляна в тайне [37], однако этот случай не имел отношения к покорности мюридов по отношению к наставнику, а как совершение преступления не могло оставаться в тайне для

блюстителей порядка и шариата и не оставило бы совершивших без преследования и должного наказания. По словам Афлаки, Алауддин – сын Мавляна также имел отношение к убийству Шамса, может отчасти, а может от слухов, распространенных некоторыми заинтересованными лицами, чтобы как-то удержать его от притязаний на духовное наследие Мавляна. Находка тела в квартале, после названном Макбарае Шамс (Гробница Шамса), если достоверно, также может быть связано со слухами. Тот факт, что через шестьдесят лет, когда Ибн Батута – западный путешественник пришел в Конью, ему не был рассказан этот случай среди всех других сказочных преданий и выдумок о Шамсе и Мавляна [39], показывает, что в то время все еще не было такой выдумки про Шамса и его судьбу... [34, 277].

После приведения данного отрывка, полностью подтверждающего особую стилистику Абдулхусайна Зарринкуб, Таки Пурномдориён приходит к заключению, что автор «Секрета свирели» при создании произведения тщательно проанализировал все эти сведения в уме и излагает их в особой манере и в конце указывает на источники своих размышлений. По мнению Пурномдориён, если автор бы приводил точную ссылку из какого-то источника, его длинные, подробные предложения не были бы такими упорядоченными и целостными. В конце своего исследования Пурномдориён делает удивительное заключение: «Способность осуществления соединения прелести слова с его смысловой основой, повествующей о тонком вкусе и высшем интеллекте мастера (*Абдулхусайна Зарринкуб – И.И.*), превратило его научную прозу в один из прекрасных и мощных образцов современной персидской прозы, являющимся достойным вкладом в защиту чистоты персидского языка и его сохранением для современников и будущего» [98, 111]. Со слов упомянутого исследователя исходит, что Абдулхусайн Зарринкуб новыми инициативами в научно-художественной прозе внёс достойный вклад не только в развитие современного персидского литературоведения, но и в развитие современного персидского языка.

Литературовед Нарджис Афшари исследовала несколько характерных особенностей стилистики Абдулхусайна Зарринкуб в исследовании им вопросов поэзии и критики поэтического творчества. Первую характерную особенность Нарджис Афшари нашла в методе исследования, о описательном методе в исследовании поэзии и историческом аспекте в анализе жизнеописания и творчества поэтов [92, 19]. Другим словами, Абдулхусайн Зарринкуб в исследовании поэзии больше обращался к описательному методу, а при исследовании их жизнеописания и наследия использовал исторический метод. Второй характерной особенностью его произведений является процесс аргументации. В вопросе поэзии Абдулхусайн Зарринкуб придерживается сравнительного метода, а в вопросе жизнеописания и творчества поэтов – индуктивного метода (inductive reasoning – процесс логического вывода на основе перехода от частного положения к общему) [92, 19-20]. Третья характерная особенность найдена упомянутым исследователем в приведении цитат и выдержек автором [92, 20]. Абдулхусайн Зарринкуб имеет собственный стиль в приведении как поэтических [24, 74, 79, 87, 88], так и прозаических [24, 7, 8, 9, 10, 11] цитат и выдержек. Согласно исследованию Нарджис Афшари четвертая и пятая особенность – это плавность его прозаического изложения, которой в начале научной деятельности не хватало «совершенства и переплетения», через некоторый период времени достигла «зрелости и целостности» [92, 20]. Упомянутый исследователь также указывает на «публичность» стилистики Абдулхусайна Зарринкуб и подчеркивает, что в его научном тексте иногда не соблюдаются языковые нормы, слова не выполняют свои функции, как части речи. К тому же, использование им специальной чуждой терминологии вместе с простонародной речью, художественными приемами при описании неизвестных событий и явлений исказили его простое и плавное изложение. Объемные и длинные предложения Абдулхусайна Зарринкуба, вид которых не может быть определен по синтаксическим нормам персидского и таджикского языка, оправдывает лишь их логическая целостность и единство, рождающие неразрывную связь.

Мнения и взгляды историков и критиков исторической литературы немного отличается от мнений литературных критиков по вопросу о стилистике его произведений, а в вопросах его новаторства и создании особого стиля отличаются полностью.

По мнению Рузбеха Зарринкуба, Абдулхусайн Зарринкуб постоянно думал о новаторстве и хотел, чтобы его наследие в корне отличалось от других. Историки признали его стиль в научных исторических произведениях «великолепным и искусным» [91, 47], в «изложении философских исторических гипотез» «стилем неакадемическим» (то есть простонародным – *И.И.*), «в изложении запутанных исторических тем стилем дедуктивным» [91, 42].

Историк Парвез Одил за «смешение исторического и литературного текста», «приготовление прекрасной смеси», «приданию истории особого обаяния», «взгляд на историю и вывод историографии из рамок истории, политики и обществоведения и её ввод в область литературы и литературной критики», «смешение чистой истории с историей литературы» называет «исследователем с собственным стилем», «основателем особой школы», «основателем особого стиля» и предполагает, что в будущем стараниями выдающихся ученых и исследователей этот стиль станет известен под названием «стилем доктора Зарринкуб» [91, 57, 58]. Упомянутый критик в доказательство сказанного приводит девятнадцать особенностей стиля исторического исследования Абдулхусайна Зарринкуб: 1) краткость. 2) охват древнего и среднего исторического периода в исследованиях Зарринкуб. 3) плавность изложения. 4) гуманизм. 5) особое внимание к литературе. 6) внимание к легендам. 7) разнообразие источников. 8) отказ от поверхностной историографии. 9) свободолюбивый дух и свобода от расовой, языковой и религиозной зависимости. 10) приверженность к критическому и философскому мышлению. 11) смешение истории с другими науками. 12) внимание к нравственности. 13) трепетная, уважительная историография. 14) историческая типология. 15) использование известных и специальных отраслевых энциклопедий. 16) использование избранной библиографии. 17) современность –

взаимосвязь и сравнение прошлой истории с современной. 18) внимание к простым источникам. 19) приверженность к теории солидарности Вильгельма Дилтея. Однако другой иранский историк Мухаммад Бахтияри, считающий Абдулхусайна Зарринкуба «историком литературы» и «писателем- историком», в своем произведении «Взгляд на историю и историография доктора Зарринкуба» оспорил мнение Парвеза Одила. По его мнению, Абдулхусайн Зарринкуб «всё, что хотел написать в любой области, обязательно создавал в художественной форме», а также «иногда научное произведение создавал в художественной форме, а иногда художественное произведение писал в научном стиле» и «в некоторых произведениях использовал научную прозу эпического стиля, в которых смешал тонкости художественного изложения с научными аспектами» [93, 121]. Далее отмечает: «Однако это не является основанием того, чтобы его (*Зарринкуб – И.И.*), по утверждению таких людей как Парвез Одил, Абдуррасул Хайрандеш, Таки Пурномдориён, Алиасгар Халаби, Тальят Сиддики, Садждад Раи Гулуджа и многих других, которые являются его друзьями и учениками», называли «основателем нового стиля» и «стиле Зарринкуб», «школы Зарринкуб» [93, 121]. По утверждению Мухаммада Бахтияри, смешение истории и литературы в наследии классиков было начато ещё Абульфазлом Байхаки (995-1077), далее это продолжили и другие историки, как Ибн Рованди (855//864-906//910), Рашидаддин Фазлуллах Хамадани (1247-1318), Минходж Сирадж (род. 1193), Шарафуддин Али Язди (ум. 1454). В связи с этим Абдулхусайн Зарринкуб смешением литературы и истории возродил традиции литераторов-историков, а не создал новый стиль [93, 122]. Правильность утверждения ответа Мухаммада Бахтияри можно подтвердить следующими выводами, также служащими выводами данного раздела:

1. Большинство тех, кто считает Абдулхусайна Зарринкуба основателем особого стиля в историографии и литературоведении, являлись его друзьями и учениками. Полное изучение наследия Абдулхусайна Зарринкуба, почитание наставника и учителя, чувство дружбы и уважение к этому выдающемуся

ученому стало причиной того, что они допустили некоторое преувеличение в оценке его наследия и стилистики.

2. Те, кто был сторонником утверждения «стиля доктора Зарринкуба», были также и его верными последователями. Приверженность к идеям продолжения дела Абдулхусайна Зарринкуба и соперничество в этом стало другим фактором, чтобы молодые исследователи, вошедшие в науку во второй половине XX века, использовали этот довод в своих интересах.

3. Большое число приверженцев «стиля доктора Зарринкуба» были историками, в том числе Парвез Одил, который приводит 19 аргументов в пользу особенности его стиля, также является историком. Однако, по мнению Эраджа Порсинажд, одной из причин смешения литературы и истории стало влияние окружения и мировоззрение Абдулхусайна Зарринкуба, которые сломали границы литературной критики. Абдулхусайн Зарринкуб был воспитанником школы, где учителя азам истории, литературы и другим дисциплинам обучали смешанно, так как в тот период и в том окружении были востребованы такие методы преподавания. В нынешнее время, когда каждая наука стала отдельной, подобное смешение потеряло свою актуальность и современные читатели и исследователи не имеют желания чтения произведений смешанного стиля.

4. Избрание Абдулхусайном Зарринкуб особого стиля изложения, прежде всего, связано с его феноменальной памятью, широким мировоззрением, стараниями, изысканиями неведомых страниц литературы и истории, гуманизма и в целом, демонстрации своего писательского мастерства.

5. Хотя Абдулхусайн Зарринкуб не может считаться создателем нового стиля под названием «стиль доктора Зарринкуба», необходимо признать характерные черты его уникальной стилистики в произведениях в области литературоведения, особенно его монографий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Абдулхусайн Зарринкуб являлся исследователем, который посвятил всю свою жизнь исследованиям в области литературы и истории, и в целом персидской культуры. Его примечательная жизнь, полная событий доказывает, что талантливый и трудолюбивый исследователь, гуманист, несмотря на жизненные преграды и удары судьбы терпением и невероятной тягой к познанию мировой литературы и культуре может стать эталоном истинного, воспитать в себе разностороннего исследователя.

2. Личность Абдулхусайна Зарринкуб, как исследователя литературы и истории известна многим иранцам еще «**младых ногтей**», известность и слава среди европейских, американских и русских литературоведов пришла уже в зрелые годы. Празднование юбилеев Абдулхусайна Зарринкуба при жизни и после его кончины является полным подтверждением его выдающейся фигуры, огромного авторитета в сообществе исследователей и литераторов.

3. Исследования прикладного наследия Абдулхусайна Зарринкуба показало, что он являлся одним из самых продуктивных иранских и мировых литераторов и историографов XX века, перу которого принадлежат множество произведений. Он оставил после себя более 65 произведений, половина из которых связана с литературоведением. Его литературоведческое наследие считается одним из уникальнейших и интереснейших собраний для читателей, и в настоящее время служит научным источником не только для иранцев, но для всех исследователей и почитателей истории персидско-таджикской классической и современной литературы во всем мире. Перевод на языки урду, арабский, русский языки, перевод на кириллицу нескольких его известных произведений подтверждает его мировую научную славу. Цензура, задержки изданий его произведений и наконец, кража таких произведений как «Два века молчания», «Лестница в небо», «Божий человек» свидетельствуют о большой научной ценности и гуманитарной направленности содержания, что свойственно далеко не всему наследию других иранских исследователей литературы и истории. Трудности в подготовке и издании его неизданного наследия, сопутствующие

доктора Камар Ориёни и его учеников – литературоведов и историков, подтверждают тот факт, что он избрал особый метод в исследовании и создании произведений.

4. Соединение литературы и истории в литературоведческом и историографическом наследии Абдулхусайна Зарринкуба является одной из характерных особенностей, возникших на основании особых факторов и исторической необходимости, имеющее особое значение. Семейная, научная, литературная обстановка в Иране и мире в XX веке стали основными факторами, обусловившими разносторонность его исследовательской деятельности, и давшему ему возможность для создания произведений в области литературы, историографии, исламской и мировой культуры. Связь литературы и истории наблюдается во всех его произведениях и эта особенность берёт своё начало в его уникальном художественном мастерстве. Абдулхусайн Зарринкуб, в отличие от первого и второго поколения иранских литературоведов хоть и не сталкивался с редактированием и корректировкой классических художественных текстов, в силу своего уникального таланта, легко справился с этой задачей при написании произведений «С улицы риндов», «Секрет свирели» и «Литературная критика».

5. Среди произведений Абдулхусайна Зарринкуба книга «Секрет свирели» имеет особое место, полное и глубокое исследование которой может стать предметом отдельного научного исследования. Содержание и сущность произведения показывают, что автор являлся не только критиком с собственным взглядом, но и прекрасным комментатором и одним из выдающихся литературоведов в истории современной персидско-таджикской литературы. Структура, строение, содержание, мощный критический, прикладной, пояснительный и аналитический аспект произведения абсолютно отличен от других произведений самого автора и в целом современных произведений в области исследования масневи в Иране. Язык произведения, несмотря на видовое разнообразие предложений, длинный ряд для сведущих исследователей и читателей не представляет трудности в понимании, в отличие от заурядных, поверхностных и нетерпеливых исследователей, не признавших и считающих

стилистику Абдулхусайна Зарринкуб запутанной и полной тайн. Ни в Иране, ни в других персоязычных странах о произведении еще не написано интересной статьи, полностью открывающий бездну мысли и красоту изложения и стилистики автора. Исследователи говорят о ней вскользь, в контексте какой-либо другой рассматриваемой проблемы. Это еще раз подтверждает, что «Секрет свирели» - это кладезь еще не открытых тайн и свойств. Критический взгляд наследия Джалаладдина Руми, выраженный особым языком, является ясным доказательством его обширных знаниях в «Масневи маъневи» и исламском мистицизме.

6. Монографические произведения Абдулхусайна Зарринкуб, свидетельствующие о таланте прозаика, всесторонних и обширных знаний, являются уникальными по своим содержательным, структурным и стилистическим качествам в литературоведении Ирана. В своих произведениях он исследует жизнь, наследие и мировоззрение Хафиза и Саади, Атгара, Мавляна, Абухамида Газзали, Мансура Халладжа, Низами, Фирдоуси и Хакани Ширвани, соединяя три науки – литературу, историю и некоторым образом философию. Рузбех Зарринкуб, немного преувеличив и отдав дань уважения к своему выдающемуся родственнику, назвал философию одним из направлений в научной деятельности Абдулхусайна Зарринкуб, что является не совсем верным, так как взгляд Абдулхусайна Зарринкуба, на литературную и историческую тематику не является полностью философским. Важнейшей особенностью его монографий является использование художественного языка в исследовании проблем, вытекающих за рамки научного изложения. Конечно, хотя явление смешения художественного языка с научным в науке не имеет особой значимости, однако вносит вклад в популярность науки среди общества, увеличивает интерес читателей к научной проблематике и научным произведениям.

7. Исследование «С улицы риндов» как одного из монографических произведений Абдулхусайна Зарринкуб показывает, что изучение жизни и наследия Хафиза Ширази, личность и творчество, которого было предметом

многочисленных исследований, показывает, что все еще остаются непознанные стороны его жизни и наследия. Автор по мере сил старался тонкой и изящной кистью мысли нарисовать реальный портрет Хафиза Ширази, опираясь на исторические факты. Тайны и неведомые страницы жизни и творчества Хафиза автор старается донести до читателя посредством особых названий разделов и постановки вопроса перед ним. Кажется, что передавая бразды исследования читателю посредством постановки вопроса, автор некоторым образом уходит от научного исследования, с другой стороны это является признаком хорошего воспитания и тщательного соблюдения этических норм и возлагает на плечи читателя ответственность за понимание исторической и литературной действительности. Поэзия Хафиза, с точки зрения Абдулхусайна Зарринкуба, исследована глубоко и всесторонне, однако он исследует личность Хафиза на основании его же поэзии, не как человека «не от мира сего», его Хафиз в книге «С улицы риндов» более схож с Хафизом Бахауддина Хуррамшохи - «не лишенным человеческих слабостей».

8. Литературная критика является одним из основных направлений в научной деятельности Абдулхусайна Зарринкуб, где он смог показать себя как выдающегося критика и теоретика современной литературной критики Ирана. В произведениях, посвященных литературной критике, наблюдается тесная взаимосвязь между теоретической и практической критикой. Из важнейших особенностей его критических произведений можно назвать целостный взгляд на литературные проблемы, краткость в изложении больших научных тем, увеличивающим их ценность во много раз. Критика наследия Абдулхусайна Зарринкуба Эраджом Порсинажода и Нарджис Афшари еще раз доказывает тот факт, что в Иране начинается эра разностронних исследований наследия этого выдающегося ученого и литератора.

9. Двухтомное произведение Абдулхусайна Зарринкуб «Литературная критика» по охвату обширных исторических материалов в области литературной критики не имеет аналогов в мире и является для иранских исследователей важным научным источником. Создание по просьбам читателей

краткой формы «Знакомства с литературной критикой» является доказательством чрезвычайной обширности и широкого охвата автором того или иного периода литературы народов мира, что по мнению некоторых исследователей является недостатком «Литературной критики». Абдулхусайн Зарринкуб, поставивший цель исследовать вопросы критики в различных исторических периодах и во многих мировых литературах, неизбежно прибегал к историческому экскурсу, чтобы подтвердить свои утверждения и теории перед читателями. Следует отметить, что охватить в двухтомном произведении весь спектр истории литературоведения мировых литератур является сложным делом и имеет определённые трудности для исследователя. Поэтому замечания и критика иранских исследователей Комёра Обиди и Эраджа Порсинаход является признанием их собственных трудностей в критическом исследовании большого и целостного произведения. Оценка таджикских профессоров, литературоведов Абдунаби Сатторзода и Худои Шарифова, «выдержки» таджикского исследователя Джумабая Хамроева из «Литературной критики» доказывают, что произведение имеет огромный авторитет среди таджикских критиков.

10. В создании научных и художественных произведений Абдулхусайн Зарринкуба, в связи с его безграничными знаниями, художественным вкусом и писательским мастерством, выбрал особый стиль, вызвавший среди литературоведов и историографов Ирана научную дискуссию. Личные качества, удивительные интеллектуальные способности, профессионализм, постоянное изучение классического наследия, внимание к предпочтениям и возможностям читателей, попытка реалистичного и объективного взгляда на историческую реальность и литературу создали основу для формирования особой стилистики произведений Абдулхусайна Зарринкуб и показали его как истинного исследователя, имеющего собственный стиль.

БИБЛИОГРАФИЯ:

I. Источники на таджикском языке:

1. Афсаҳзод Аълоҳон. Ҳофизнома /АълоҳонАфсаҳзод. –Душанбе: Ирфон, 1971.– 104 с.
2. Зарринқӯб, Абдулҳусайн. Қустучӯ дар тасаввуфи Эрон./Абдулҳусайни Зарринқӯб.–Душанбе: Ирфон, 1992. –396 с.
3. Зарринқӯб, Абдулҳусайн. Бо қорвони ҳулла (маҷмӯаи нақди адабӣ).Таҳия ва тавзеҳи Шодӣ Шоқирзодаи Нуъмонпур, Райҳон Мамадаминзодаи Соҳибназар / Абдулҳусайни Зарринқӯб.–Душанбе: Пайванд, 2004. –332 с.
4. Зарринқӯб, Абдулҳусайн. Корномаи ислом. Баргардон ва таҳияи Саидрахмон Сулаймонов/ Абдулҳусайни Зарринқӯб.–Душанбе: Пайванд, 2007 .– 168 с.
5. Зарринқӯб, Абдулҳусайн. Нақди адабӣ. Таҳияи Кароматуллоҳи Шукруллоҳӣ/ Абдулҳусайни Зарринқӯб.–Душанбе: Ирфон, 2017 .– 712 с.

Источники на русском языке:

6. Зарринқуб, Абдол Хусайн. Исламская цивилизация / Пер. М.Махшулов/ Абдол Хусайн Зарринқуб.–М.: Андалус, 2004.–237 с.
7. Зарринқуб, Абдол Хусайн. Ценность суфийского наследия/Пер. с перс. М.С.Махшулова. Предисловие и общая редакция А. Хисматулина. Абдол Хусайн Зарринқуб. –СПб.: Петербургское Востоковедение, 2012. –304с.

Источники на персидском языке:

8. Афлақӣ, Шамс алдин аҳмад ал-ѳарфӣ. مناقب العارفين عبارت از دو جلد. ج ۱. تصحيح و تعليقات تحسين يازيجى/ شمس الدين احمد العارفي افلاكي. تهران: دنياي كتاب، ۱۳۴۲. –۵۷۶ ص.
9. Афлақӣ, Шамс алдин аҳмад ал-ѳарфӣ. مناقب العارفين عبارت از دو جلد. ج ۲. تصحيح و تعليقات تحسين يازيجى/ شمس الدين احمد العارفي افلاكي. تهران: دنياي كتاب، ۱۳۴۲. –۱۲۲۲ ص.
10. بلخى، مولانا جلال الدين رومى. كلييات شمس یر اساس چاپ بديع الزمان فروزانفر/جلال الدين محمد رومى بلخى. تهران: هرمس، ۲۰۰۸. –۱۸۵۹ ص.
11. بلخى، جلالالدين ابن محمد. فيه ما فيه (و ڤيوست ھاى نويافته) تصحيح توفيق سبحانى / جلال الدين محمد بلخى. تهران: كتاب پارسه، ۱۳۸۸. –۴۴۴ ص.
12. بلخى، جلال الدين ابن محمد. مثنوى معنوى (دفتر چهارم و ششم به خط سلطان ولد) به سعى و مقدمه توفيق سبحانى/ جلال الدين محمد بلخى. تهران: فرهنگستان زبان و ادب فارسى، ۱۳۹۱. –۵۳۱ ص.

13. تبریزی، شمس‌الدین محمد. مقالات شمس تبریزی (تصحیح و تعلیق محمدعلی موههد)، ۲ جلد در ۱ کتاب، شمس‌الدین محمد تبریزی. - تهران: تبریزی. خوارزمی، ۱۳۹۱ (چاپ چهارم) ص.
14. رومی، مولانا جلال‌الدین. مکتوبات مولانا جلال‌الدین رومی (تصحیح توفیق سبحانی) // مولانا جلال‌الدین رومی. - تهران: رومی. مرکز نشر دانشگاه تهران، ۱۳۷۱ ص.
15. زرین کوب، عبدالحسین. فلسفه شعر، تاریخ تطور شعر و شاعری در ایران / عبدالحسین زرین کوب. - بروجرد: لایان، ۱۳۱۹. - ۸۰ ص.
16. زرین کوب، عبدالحسین. بنیاد شعر فارسی. [ترجمه اثر هشناس‌آور فرانسوی جیمز درمستیتیر] / عبدالحسین زرین کوب. - تهران، ۱۳۲۷. - ۴۴ ص.
17. زرین کوب، عبدالحسین. دو قرن سکوت / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: جامعه‌لسانسیه‌های دانشسرای عالی، ۱۳۶۲. - ۱۵۰ ص.
18. زرین کوب، عبدالحسین. نقد ادبی (چاپ دهم) // عبدالحسین زرین کوب. - تهران: امیر کبیر، ۱۳۹۲. - ۹۲۲ ص.
19. زرین کوب، عبدالحسین. ارزش میراث صوفیه / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: امیر کبیر، ۱۳۷۳. - ۳۱۶ ص.
20. زرین کوب، عبدالحسین. با کاروان هله (مجموعه نقد ادبی). عبدالحسین زرین کوب. - تهران: انتشارات علمی، ۲۰۰۴. - ۳۳۲ ص.
21. زرین کوب، عبدالحسین. شعر بیدروغ، شعر بی‌نقاب (چاپ یازدهم). - تهران: سخن، ۱۳۹۲. - ۳۵۱ ص.
22. زرین کوب، عبدالحسین. تکدرخت (قصه) // عبدالحسین زرین کوب. - تهران: گواه، ۱۳۷۳. - ۵۰ ص.
23. زرین کوب، عبدالحسین. از کوچه رندان (چاپ دوازدهم) // عبدالحسین زرین کوب. - تهران: امیر کبیر، ۱۳۸۷، ۱۰+۲۸۰ ص.
24. زرین کوب، عبدالحسین. از کوچه رندان (چاپ هجدهم) // عبدالحسین زرین کوب. - تهران: جیبی [با همکاری فرانکلن]، ۱۳۸۷، ۱۰+۲۸۰ ص.
25. زرین کوب، عبدالحسین. تصوف ایرانی در منظر تاریخی آن. از انگلیسی به فارسی ترجمه دکتر مجدالدین کیوانی / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: سخن، ۱۳۸۳. - ۲۰۰ ص.
26. زرین کوب، عبدالحسین. یادداشت‌ها و اندیشه‌ها از مقالات، نقدها و اشارات (مجموعه مقالات) // عبدالحسین زرین کوب. - تهران: اساتر، ۱۳۸۴. - ۲۱+۴۳۲ ص.
27. زرین کوب، عبدالحسین. فرار از مدرسه / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: امیر کبیر، ۱۳۹۲. - ۴۲۰ ص.
28. زرین کوب، عبدالحسین. نه شرقی، نه غربی، انسانی (مجموعه مقالات، تحقیقات، نقدها و نمایشنامه‌ها) // عبدالحسین زرین کوب. - تهران: امیر کبیر، ۱۳۷۵. - ۶۹۴ ص.
29. زرین کوب، عبدالحسین. از چیزهای دگر (مجموعه نقد، یادداشت، بررسی و نمایشنامه‌ها) // عبدالحسین زرین کوب. - تهران: اساتر، ۱۳۷۱. - ۳۷۰ ص.
30. زرین کوب، عبدالحسین. جستجو در تصوف ایران (چاپ سیزدهم) // عبدالحسین زرین کوب. - تهران: امیر کبیر، ۱۳۹۳. - ۴۴۶ ص.
31. زرین کوب، عبدالحسین. دنباله جستجو در تصوف ایران / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: امیر کبیر، ۱۳۷۶. - ۴۱۲ ص.

32. زرین کوب، عبدالحسین. با کاروان اندیشه (مجموعه مقاله‌های ادبی و فلسفی) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: امیر کبیر، ۱۳۶۹. - ۴۲۶ ص.
33. زرین کوب، عبدالحسین. سیری در شعر فارسی / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: انتشارات علمی، ۱۳۷۱. - ۶۰۰ ص.
34. زرین کوب، عبدالحسین. سر نی. نقد و شرح تحلیلی و تطبیقی مثنوی. ج ۱ (۲ جلد) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: انتشارات علمی، ۱۳۵۸. - ۶۰۰ ص.
35. زرین کوب، عبدالحسین. سر نی. نقد و شرح تحلیلی و تطبیقی مثنوی. ج ۲ (۲ جلد) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: انتشارات علمی، ۱۳۵۸. - ۸۰۵ ص.
36. زرین کوب، عبدالحسین. دفتر ایام (مجموعه مقاله‌ها و اندیشه‌ها و جستجو‌ها، چاپ ششم) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: انتشارات علمی، ۱۳۸۳. - ۳۹۱ ص.
37. زرین کوب، عبدالحسین. بحر در کوزه (نقد و تفسیر قصه‌ها و تمثیلات «مثنوی معنوی»، چاپ سیزدهم) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: علمی، ۱۳۸۷. - ۶۱۶ ص.
38. زرین کوب، عبدالحسین. نقش بر آب (مجموعه مقالات و خاطره‌ها) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: سخن، ۱۳۷۵. - ۷۲۵ ص.
39. زرین کوب، عبدالحسین. در قلمرو وجدان / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: علمی، ۱۳۷۵. - ۶۴۴ ص.
40. زرین کوب، عبدالحسین. پله‌پله تا ملاقات خدا (در باره زندگی و اندیشه مولانا جلال الدین بلخی رومی) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: علمی، ۱۳۹۳. - ۳۹۴ ص.
41. زرین کوب، عبدالحسین. پیر گنجه در جستجوی ناکجا آباد (در باره زندگی، آثار و اندیشه نظامی گنجوی) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: سخن، ۱۳۸۹. - ۳۵۹ ص.
42. زرین کوب، عبدالحسین. آشنایی با نقد ادبی (چاپ هشتم) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: سخن، ۱۳۸۸. - ۵۰۷ ص.
43. زرین کوب، عبدالحسین. از گذشته ادبی ایران (تحقیق در نثر و نظم فارسی) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: سخن، ۱۳۸۳. - ۵۷۶ ص.
44. زرین کوب، عبدالحسین. حکایت همچنان باقی (مجموعه گفتارهای علمی ادبی) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: سخن، ۱۳۷۶. - ۵۰۷ ص.
45. زرین کوب، عبدالحسین. شعله تور (در باره زندگی و اندیشه منصور هلاج) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: سخن، ۱۳۸۹. - ۳۱۱ ص.
46. زرین کوب، عبدالحسین. صدای بال سیمرخ (در باره زندگی‌نامه و جهان اندیشه فرید الدین عطار نیشابوری) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: سخن، ۱۳۷۸. - ۲۳۴ ص.
47. زرین کوب، عبدالحسین. دیدار با کعبه جان (تحلیل و بررسی زندگی، آثار و ویژگی‌های هنری خاقانی شروانی) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: سخن، ۱۳۷۹. - ۲۲۴ ص.
48. زرین کوب، عبدالحسین. حدیث خوش سعدی (در باره زندگی، آثار و اندیشه سعدی شیرازی) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: سخن، ۱۳۷۹. - ۱۸۸ ص.
49. زرین کوب، عبدالحسین. نامورنامه (در باره فردوسی و «شاهنامه») / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: سخن، ۱۳۸۳. - ۱۹۴ ص.
50. زرین کوب، عبدالحسین. نردبان شکسته (شرح و تحلیل دفتر اول و دوم «مثنوی معنوی») / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: سخن، ۱۳۸۲. - ۵۱۸ ص.

51. زرین کوب، عبدالحسین. روزگاران (تاریخ ایران از آغاز تا سکوت سلطنت پهلوی) / عبدالحسین زرین کوب. - تهران: سخن، ۱۳۹۲. - ۹۶۳ ص.
52. سپهسالار (اسفہسالار) فریدون ابن احمد. رساله سپهسالار در مناقب حضرت خداوندگار. با مقدمه تصحیح و تعلیقات محمد افشین وفايي / فریدون ابن احمد سپهسالار. - تهران: سخن، ۱۳۸۵ هـ. - ۲۰۰۷ م. - ۲۸۰ ص.
53. شیرازی، حافظ. دیوان اشعار حافظ. با مقدمه و تصحیح بها الدین خرمشاهی/حافظ شیرازی. - تهران: دوستان، ۱۳۸۵. - ۶۶۸ ص.
54. گنجور رویمزی (نرم‌افزار رایگان و بازمتن مرور اشعار فارسی) ویرایش ۲. ۵۲.

II. Научные исследования на таджикском языке:

55. Аъзамзод Субҳон. Адабиёт ва маърифати нақд/ Субҳони Аъзамзод. - Хуҷанд: Анис, 2012. - 200с.
56. Ба ёди устод доктор Абдулҳусайни Зарринқуб (фишурдае аз зиндагиномаю феҳраст ва намунаи осор (ду ҷасми «Корномаи ислом»), гирдовари Ройзани фарҳангии Сафорати ҶИЭ дар Тоҷикистон). - Душанбе: Пайванд, 2010. - 68 с.
57. Бобокалонова Ҷонон. Назаре ба таърихи танқиди адабии тоҷик/Ҷонон Бобокалонова. - Душанбе: Ирфон, 2003. - 360 с.
58. Бухорой, Муҳаммадҷон Шакурӣ. Нигоҳе ба адабиёти тоҷикии садаи бист/Муҳаммадҷон Шакурии Бухорой. - Душанбе: Пайванд, 2006. - 456 с.
59. Донишномаи Рӯдакӣ. Иборат аз 4 ҷилд. Ҷилди 1. А-К. - Душанбе: Мелоди Роёна, 2008. - 590 с.
60. Зоиров Ҳалимҷон. Адабиёти тасаввуф/ Ҳалимҷон Зоиров. - Хуҷанд: Ношир, 2013. - 236с.
61. Мирзоюнус, Матлуба. Адабиёти миллӣ ва муколамаи фарҳангҳо (маҷмӯаи мақолаҳои адабиётшиносӣ) / Матлубаи Мирзоюнус. - Хуҷанд: Ношир, 2015. - 516 с.
62. Муллоаҳмад, Мирзо. Рӯдакӣ ва рӯдакишиносон (маҷмӯаи мақолаҳо)/Мирзо Муллоаҳмад. - Душанбе: Адиб, 2012. - 248 с.
63. Набиев, Абдуҳолик. Адабиёт ва нақди адабӣ / Абдуҳолик Набиев. - Душанбе: Адиб, 1993. - 260 с.

64. Насриддин, Абдулманнон. Матншиносии осори адабӣ/Абдулманнон Насриддин.–Хучанд: Ношир, 2009.–391 с.
65. Насриддин, Абдулманнон. Куллиёти осор (дар ҳафт мучаллад).Чилди якум/ Абдулманнон Насриддин.–Хучанд: Хуросон, 2013.–608 с.
66. Насриддин, Абдулманнон. Куллиёти осор (дар ҳафт мучаллад).Чилди шашум/ Абдулманнон Насриддин.–Хучанд: Ношир, 2013.–764 с.
67. Раҷабӣ? Маъруф. Тадқиқи таърих тадқиқи характер/Маъруф Раҷабӣ.– Душанбе: Адиб, 1990.–192 с.
68. Раҷабӣ, Маъруф. Таърихи танқид ва адабиётшиносӣ/ Маъруф Раҷабӣ.– Душанбе: Адиб, 1997.–208 с.
69. Раҷабӣ, Маъруф. Ислом: Ҷадидия ва инқилоб / Маъруф Раҷабӣ.– Душанбе: Адиб, 1997.–246 с.
70. Саидов Саидумрон. Нақд дар оинаи фарҳанг/Саидумрон Саидов.– Хучанд: Андеша, 2011.–174 с.
71. Сатторзода, Абдунабӣ. Таърихчаи назариёти адабии форсу тоҷикӣ/Абдунабӣ Сатторзода.–Душанбе: Адиб, 2001.–144 с.
72. Сатторов Абдунабӣ. Нуқтаи пайванд (баъзе масъалаҳои инқишофи шеър ва нақди адабӣ) Абдунабӣ Сатторов.–Душанбе: Ирфон, 1982.
73. Сатторов Абдунабӣ. Афкори адабӣ ва эстетикӣ Абдурраҳмони Ҷомӣ/Абдунабӣ Сатторов.–Душанбе: Ирфон, 1975.–111с.
74. Солеҳов Шамсиддин. Поэтикаи жанри ҳикояи солҳои 70-80 қарни ХХ/Шамсиддин Солеҳов.–Душанбе: Дониш, 2006.–169 с.
75. Табаров Соҳиб. Ҳаёт, адабиёт, реализм/ Соҳиб Табаров.–Душанбе: Ирфон, 1978.–224 с.
76. Табаров Соҳиб. Асосҳои назариявии нақди адабӣ. / Соҳиб Табаров.– Душанбе: Ирфон, 1978.–224 с.
77. Фурӯзонфар, Бадеъуззамон. Шарҳи аҳвол ва осори Мавлоно/Б.Фурӯзонфар.Бо кӯшиши Ҷаъфари Ранҷбар ва Масъуди Миршоҳӣ.– Душанбе: Китобхонаи устод Халилӣ, 2007.–252 с.

78. Хоҷаева Матлуба. Масъалаҳои сабқшиносӣ / Матлуба Хоҷаева.–Хуҷанд,1994.–224 с.
79. Ҳамроев Ҷумъабой. Асрори нақди адабӣ / Ҷумъабой Ҳамроев.–Душанбе: Деваштич, 2005. –128 с.
80. Ҳодизода, Расул. Тасаввуф дар адабиёти форсу тоҷик /Расул Ҳодизода–Душанбе: Адиб, 1999.–188 с.
81. Ҳодизода, Расул. Ҷалолуддини Румӣ/ Расул Ҳодизода.–Хуҷанд: Нури маърифат, 2003.–102 с.
82. Шарифов Худой. Каломи бадеъ / Худой Шарифов.–Душанбе: Маориф, 1991.–160 с.
83. Шарифов Худой. Балоғат ва суҳанварӣ /Худой Шарифов.–Душанбе: Ирфон, 2002.–278 с.
84. Шариф, Худой. Назарияи наср/Худой Шариф.–Душанбе: Пайванд, 2004.–320 с.

Научные исследование на русском языке:

85. История персидской литературы XIX-XX веков. Предисл. Д. Комиссаров.–Москва: Восточная литература, 1999.– 535 с.
86. Кляшторина Вера Борисовна. «Новая поэзия» в Иране /Вера Борисовна Кляшторина.– Москва: Наука, 1975.– 254 с.
87. Кляшторина Вера Борисовна. Иран 60–80-х годов: от культурного плюрализма к исламизации духовных ценностей(Идеология, политика, культура) /Вера Борисовна Кляшторина.– Москва: Наука, 1990.– 207 с.
88. Комиссаров Даниэл. О современном иранском литературоведении (под ред. И.С.Брагинский) / Даниэл Комиссаров.–М: Наука, 1980.–325с.
89. Комиссаров Даниел Семенович. О современном иранском литературоведении/ Даниэл Семенович Комиссаров.– Москва: Восточная литературы, 1980.– 98 с.
90. Комиссаров Даниэл. Пути развития новой и новейшей персидской литературы/ Даниэл Комиссаров.–М: Наука, 1982.– 294с.

Научные исследования на персидском, таджикском и русском языке:

91. اتهاد، هشنگ پژوهشگران معاصر ایران. عبارت از ۱۴ جلد، جلد ۱۲ / هشنگ اتهاد. تهران: فرهنگ معاصر، ۱۳۸۷. - ۷۰۸ص.
92. افشاری، نرجس. نقد زرین (شعر و شاعران در آثار عبدالحسین زرین کوب) / نرجس افشاری. تهران: سخن: افشاری. افشاری. تهران: سخن، ۱۳۹۲. - ۳۶۰ص.
93. بختیاری، محمد. تاریخنگری و تاریخ نگاری عبدالحسین زرین کوب / محمد بختیاری. تهران: امیر کبیر، ۱۳۹۱. - ۲۲۴ص.
94. براهنی، رضا. طلا در مس (در شعر و شاعری). جلد اول/رضا براهنی. تهران: فردوسی، ۱۳۷۱. - ۶۲۴ص.
95. براهنی، رضا. طلا در مس (در شعر و شاعری). جلد دوم/رضا براهنی. تهران: فردوسی، ۱۳۷۱. - ۱۳۹۰ص.
96. بهار، محمدتقی. ملك الشعرا. سبک‌شناسی یا تاریخ تطور نثر فارسی (در سه جلد). جلد اول/محمدتقی ملك الشعرا بهار. تهران: امیر کبیر، ۱۳۸۶. - ۴۶۸ص.
97. بهار، محمدتقی. ملك الشعرا. سبک‌شناسی یا تاریخ تطور نثر فارسی (در سه جلد). دوم/محمدتقی ملك الشعرا بهار. تهران: امیر کبیر، ۱۳۸۶. - ۴۳۲ص.
98. پارسی نژاد، ایرج. زرین کوب و نقد ادبی / ایرج پارسی نژاد. تهران: سخن، ۱۳۹۲. - ۴۳۸ص.
99. خرمشاهی، بها الدین. حافظ نامه (عبارت از دو جلد) ج ۱ بها الدین خرمشاهی. تهران: انتشارات علمی و فرهنگی، ۱۳۷۸. - ۷۶۴ص.
100. خرمشاهی، بها الدین. حافظ نامه (عبارت از دو جلد) ج ۲. بهاالدین خرمشاهی. تهران: انتشارات علمی و فرهنگی، ۱۳۷۸. - ۱۵۴۰-۷۶۵ص.
101. درخت معرفت (جشن نامه استاد عبدالحسین زرین کوب) تهیه و مقدمه علی اصغر محمدخانی. تهران: سخن، ۱۳۸۴. - ۶۰۶ص.
102. زمانی، کریم. شرح جامع «مثنوی معنوی» (عبارت از هفت جلد) دفتر یکم/کریم زمانی. تهران: اطلاعات، ۱۳۹۱. - ۱۰۹۱ص.
103. زمانی، کریم. شرح جامع «مثنوی معنوی» (عبارت از هفت جلد) دفتر دوم/کریم زمانی. تهران: اطلاعات، ۱۳۹۱. - ۹۴۰ص.
104. زمانی، کریم. شرح جامع «مثنوی معنوی» (عبارت از هفت جلد) دفتر سوم/کریم زمانی. تهران: اطلاعات، ۱۳۹۱. - ۱۲۳۲ص.
105. شمیسا، سیروس. کلیات سبک‌شناسی /سیروس شمیسا. تهران: فردوس، ۱۳۷۳/۱۹۹۳. - ۳۳۰ص.
106. شمیسا، سیروس. انواع ادبی /سیروس شمیسا. تهران: رامین، ۱۳۷۶. - ۳۴۴ص.
107. شمیسا، سیروس. نقد ادبی /سیروس شمیسا. تهران: فردوس، ۱۳۸۱. - ۳۹۲ص.
108. همایونفرخ، رکن الدین. حافظ خراباتی (عبارت از ۸ جلد، ج اول) / رکن الدین همایونفرخ. تهران: اساتر، ۱۳۶۹. - ۲۸۸+۶۲۴ص.
109. یادگار نامه استاد عبدالحسین زرین کوب (تهیه و مقدمه علی دهباشی). تهران: انجمن آثار و مفاخر فرهنگی، ۱۳۸۶. - ۶۰۶ص.

110. Азизов Сорбон. Нусхашиносии «Фихӣ мо фихӣ»-и Мавлоно Чалолуддин Балхӣ ва мабоҳисе дар тасҳеҳу нашрҳои он/Сорбон Азизов.// Номаи донишгоҳ №4 (40).-Хучанд, 2016-С.3-15
111. Зарринкӯб, Абдулҳусайн. Бо Ҳофиз дар диёри Рӯдакӣ/Абдулҳусайни Зарринкӯб// Садои Шарқ. -№8, 1980.-С.108-109.
112. Зарринкӯб, Абдулҳусайн. Фарруҳӣ – шоире Сиистон /Абдулҳусайни Зарринкӯб// таҳияи Шодӣ Шокирзодаи Нуъмонпур.Адаб № 4 (52).-2002.-С.48-52
113. Зарринкӯб, Абдулҳусайн. Фаҳрии Гургонӣ-пешгоми шеърӣ базмӣ / Абдулҳусайни Зарринкӯб // таҳияи Шодӣ Шокирзодаи Нуъмонпур.Адаб № 5 (154).-2002.-С.41-49
114. Зарринкӯб, Абдулҳусайн. Масъуди Саъд – шоири зиндонӣ / Абдулҳусайни Зарринкӯб // таҳияи Шодӣ Шокирзодаи Нуъмонпур. Адаб № 2 (56).-2003.-С.20—24
115. Зарринкӯб, Абдулҳусайн. Амир Муиззӣ – модеҳи куштаи мамдуҳ/Абдулҳусайни Зарринкӯб // таҳияи Шодӣ Шокирзодаи Нуъмонпур.Адаб № 3 (57).-2003.-С.22-31
116. Зарринкӯб, Абдулҳусайн. Носири Хисрав – оворай Юмгон /Абдулҳусайни Зарринкӯб // таҳияи Шодӣ Шокирзодаи Нуъмонпур.Адаб № 4 (58).-2003.-С.29-37
117. Зарринкӯб, Абдулҳусайн. Анварӣ – пайғамбари ситоишгарон / Абдулҳусайни Зарринкӯб // таҳияи Шодӣ Шокирзодаи Нуъмонпур.Адаб № 5 (59).-2003.-С.21-25
118. Зарринкӯб, Абдулҳусайн. Манучехрӣ – шоири табиат / Абдулҳусайни Зарринкӯб // таҳияи Шодӣ Шокирзодаи Нуъмонпур. Адаб № 6 (54).-2003.-С.24-33
119. Зарринкӯб, Абдулҳусайн. Низомӣ – дostonсарои Ганча / Абдулҳусайни Зарринкӯб // таҳияи Шодӣ Шокирзодаи Нуъмонпур. Адаб № 1 (61).-2004.-С.25-29

120. Зарринкӯб, Абдулхусайн. Аттор–Пири асрор / Абдулхусайни Зарринкӯб // таҳияи Шодӣ Шокирзодаи Нуъмонпур. Адаб № 2 (62).–2004.–С.27–37
121. Зарринкӯб, Абдулхусайн. Чалолуддини Мавлавӣ – муллои Рум / Абдулхусайни Зарринкӯб // таҳияи Шодӣ Шокирзодаи Нуъмонпур. Адаб № 3 (63).–2004.–С.24–33
122. Зарринкӯб, Абдулхусайн. Саъдӣ – шайхи Шероз / Абдулхусайни Зарринкӯб // таҳияи Шодӣ Шокирзодаи Нуъмонпур. Адаб № 4–5 (64–65).–2004.–С.54–63
123. Зарринкӯб, Абдулхусайн. Низомӣ – дostonсарои Ганча / Абдулхусайни Зарринкӯб // таҳияи Муҳаммадҷони Шодӣ. Адаб № 1–2 (20–21).–2012.–С.45–49
124. Зарринкӯб, Абдулхусайн. Ҷомӣ–орифи Ҷом / Абдулхусайни Зарринкӯб // таҳияи Муҳаммадикболи Нуъмонпур. Адаб № 4–5 (31–32).–2014.–С.13–18
125. Зарринкӯб, Абдулхусайн. Такдарахт (қисса) / Абдулхусайни Зарринкӯб // таҳияи Ориёнмеҳр // Паёми Суғд № 8.–2010.–С.51–65
126. Зарринкӯб, Абдулхусайн. Такдарахт (қисса) / Абдулхусайни Зарринкӯб // таҳияи Ориёнмеҳр // Паёми Суғд № 9.–2010.–С.77–92
127. Иброҳимзода Настаран. Фирдавсӣ дар андешаи Зарринкӯб / Настаран Иброҳимзода // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (маҷаллаи илмӣ). Бахши филологӣ.–Душанбе, 2013, 4/6(122) .– С.165-171
128. Иброҳимзода Настаран. Муруре бар мутолиот ва дидгоҳҳои фалсафии доктор Абдулхусайни Зарринкӯб / Настаран Иброҳимзода // Паёми Донишгоҳи миллии Тоҷикистон (маҷаллаи илмӣ). Бахши филологӣ.–Душанбе: Сино, 2015, 4/7(180).– С.183-189
129. Игамова Ирода. Тасаввуф ва таҳқиқи он аз назари Абдулхусайни Зарринкӯб / Ирода Игамова // Навсафари ҷодаи илм (маҷмӯаи мақолаҳои илмӣ).–Хучанд: Ношир, 2013.–190 с.–С.136–140.
130. Игамова Ирода. Абдурраҳмони Ҷомӣ дар оинаи нақди Абдулхусайни Зарринкӯб / Ирода Игамова // Маводи ҳамоиши байналмилалӣ «Ҷойгоҳи Мавлоно Абдураҳмони Ҷомӣ дар муколамаи фарҳангҳо». –Хучанд: Нури маърифат, 2014.–516 с.–С.141-148.

131. Игамова Ирода. Нақди адабӣ ва арзишҳои он аз нигоҳи Абдулхусайни Зарринқӯб / Ирода Игамова // Паёми Донишгоҳи Миллии Тоҷикистон. (№ 4/1.159).—Душанбе: Сино, 2015.—С.188–190.
132. Игамова Ирода. Муҳимтарин хусусиятҳои илмию адабии асари «Аз кӯчаи риндон»-и Абдулхусайни Зарринқӯб /Ирода Игамова// Ахбори ДДҲБСТ.№3 (64).—Хучанд, 2015.—С.58–68.
133. Игамова Ирода. Баррасии мундариҷаи «Сирри най»-и Абдулхусайни Зарринқӯб / Ирода Игамова // Ахбор (Вестник) Донишгоҳи омӯзгорӣ.№6 (67).—Душанбе, 2015 —С.158–162.
134. Начмонов Файзалӣ. Абдулхусайни Зарринқӯб / Файзалӣ Начмонов // Энциклопедияи адабиёт ва санъати тоҷик (ибора аз 3 ҷ. Ҷилди 1).—Душанбе: Сарредаксияи илмӣи энциклопедияи советии тоҷик, 1988.—С. 460.
135. Кляшторина Вера Борисовна. К вопросу о развитии литературной критики в Иране на рубеже 50-60-х гг. / Вера Борисовна Кляшторина // «Иран». М.: Наука, 1977.— С. 185-189.

136. افشارى، نرجس. بررسی مقاله‌های دکتر عبدالحسین زرین کوب در باره مولانا و عطار / نرجس افشارى/انجمن علمى زبان و ادبیات فارسى دانشگاه هرمزگان(هفتمین همایش پژوهش‌های زبان فارسى. فارسى.— ص.۷۸-۸۵
137. امیرى، اسدالله. زرین کوب و میراث فرهنگ و ادب/اسدالله امیرى/بخارا (مجله ادبی-فرهنگی-هنری)، تهران، سال پانزدهم، شماره ۹۱، بهمن-اسفند ۱۳۹۱. — ص.۲۳۰-۲۳۳
138. ایمامی، نصرالله، دلاویز مقصود. مشرت‌سازان ادبی/ نصرالله امامی، مقصود دلاویز / فصلنامه «تاریخ ادبیات فارسى»، شماره ۵۹/۳، زمستان ۱۳۸۷. —ص.۶-۱۵.
139. بشرى، محمود. تحلیل و نقد کتاب «ادبیات ماسر» (نثر)/ محمود بشرى/ پژوهشنامه انتقادی متون و برنامه‌های علوم انسانی پژوهشگاه علوم انسانی و مطالعات فرهنگی، شماره چهاردهم، شماره اول، بهار ۱۳۹۳. —ص.۱-۱۵
140. دامغانى، احمد مهدوى. آخرین دیدار با زرین کوب/احمد مهدوی دامغانی /بخارا (مجله ادبی-فرهنگی-هنری-تهران)، سال پانزدهم، شماره ۹۱، بهمن-اسفند ۱۳۹۱. —ص.۲۳۷-۲۴۳
141. زرین کوب، روزبه. «تقویم پارینه» دکتور استاد عبدالحسین زرین کوب/روزبه زرین کوب///بخارا (مجله ادبی-فرهنگی-هنری-تهران)، سال پانزدهم، شماره ۹۱، بهمن-اسفند ۱۳۹۱. —ص.۲۱۳-۲۲۰
142. فتوحى، محمود. مفهوم «تاریخ ادبیات معاصر»/ محمود فتوحى/ گزارش فرهنگستان زبان و ادب فارسى. نشست نهمین ادب معاصر، ۳ بهمنماه سال ۱۳۸۶. —ص.۴۵-۵۱.

143. قزلسفلی، محمدتقی، دیهکردی، نگین نوریان. میرزا آقاخان و سنت نقد/ محمدتقی قزلسفلی، نوریان نگین دیهکردی/ پژوهشنامه علوم سیاسی. سال هشتم، شماره سوم. ۱۳۹۲. ص. ۹۹-۱۳۲.
144. گزارش «شب بخارا»/بخارا (مجله ادبی-فرهنگی-هنری-تهران)، ادبی - فرهنگی-هنری-تهران، سال پانزدهم، شماره ۹۱، بهمن-سپند ۱۳۹۱. ص. ۲۱۰-۳۲۲.
145. گزیده کتاب‌شناسی حافظ‌پژوهی. ماه ادبیات. ۴۲. مهرماه ۱۳۸۹. ص. ۹۶.

VI. Электронные ресурсы:

146. www.aftabir.com/ اشاره‌یی به ذهن و زبان بهاء‌الدین خرمشاهی
147. bukharamag.com/wp-content/.../Zarinkoub.pdf
148. www.fardabook.com/شعله‌طور.html
149. www.ketabnak.com/book/42218/ فرار از مدرسه
150. www.rahesabz.net/story/75778
151. wikipedia.